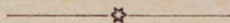

9 303

Господа коммерсанты.

Юмористическіе рассказы.

Т-во типо-лит. В. В. Чичеринъ въ Москвѣ. Марьино роща, с. д.

—
1900.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

3192^a-75

Какъ Сидоръ Лукичъ въ адъ попалъ.

... Сидоръ Лукичъ Одышкинъ человѣкъ былъ съ вѣсомъ... Прошлымъ лѣтомъ прикинулъ себя какъ-то на вѣсахъ, такъ девять пудовъ безъ самой, можно сказать, ничтожности вытянулъ. Ростомъ онъ не взялъ, такъ что его сосѣди въ шутку купцомъ Коротышкинымъ звали, но за то въ ширь расползся до необъятности. Зимой, если встрѣтишь его идущаго по улицѣ, ни подъ какимъ видомъ не подумаешь, что это Сидоръ Лукичъ идетъ... просто кулъ съ овсомъ на кучерскихъ ногахъ изъ купеческаго дома въ кабакъ бѣжитъ!.. Грузень Сидоръ Лукичъ, страхъ какъ грузень: ежели его обмѣрить какъ слѣдуетъ, такъ и рулетки, пожалуй, не хватитъ, наставлятъ придется. И грузень, и пропорціи въ членахъ нѣту. Шея, напимѣрь... И мѣсто, кажется, для неесть, а ее, голубушки, нѣту... Просто воткнута голова въ плечи—только и всего!.. Сидоръ Лукичъ самъ на это не разъ жаловался: «Обидѣли, говоритъ, меня родители шей, Богъ съ ними!..» Хорошій человѣкъ Сидоръ Лукичъ Одышкинъ: и какъ купецъ, и какъ человѣкъ... Другой бы на его мѣстѣ разъ пять кафтанъ выворотилъ, а онъ всего

только два раза; первый разъ шесть гривенъ въ три года заплатилъ, а во второй—сорокъ копѣекъ и сейчасъ получай деньги! Бери, дескать,—мнѣ твою не нужно! А все отчего? Совѣсть хороша!.. Совѣмъ даже не купецкая совѣсть, ежели по справедливости-то говорить! И живо это у него такъ... разъ, два и сдѣлка готова! И кредиторы сыты, и капиталъ у Сидора Лукича цѣль! Служащимъ своимъ не хозяинъ, а отецъ родной былъ! Каждого нужды знаетъ и каждому слезы утираетъ! Приказчики,—а ихъ у Сидора Лукича человѣкъ шесть было,—не знали даже, сколько и кто изъ нихъ жалованья получаетъ. «Каждому по дѣламъ его!» отвѣчалъ обыкновенно онъ на запросы любопытныхъ: «по заслугамъ воздаю, понялъ? А ты старайся! Для тебя же, дурака, невѣдѣніе лучше: деньги цѣлѣ!» Съ болѣе же настойчивыми онъ не церемонился: «Сказано, не обижу, ну, и пошелъ вонъ! А не хочешь жить—убирайся; которые же деньги ты впередъ забралъ—прощаю!» Плюнетъ настойчивый и рукой махнетъ: авось на мое не польстится!.. Чудесный былъ человѣкъ Сидоръ Лукичъ, только вотъ грузенъ очинно... и самъ онъ своею грузностью тяготился... чего ужъ хуже: въ земь поклониться нельзя... какъ поклонится, такъ и будьте здоровы... «безъ панкрашки» не встанетъ... И съ докторами совѣтъ держалъ, да вѣдь доктора какая публика... самая безалаберная, можно сказать... «не ѣшь, и не пей!..» Чудно!.. Купцу и вдругъ

не поѣсть какъ слѣдуетъ... вѣдь это что? Смерть!.. Ну, и отклонилъ!.. «Врозь, говоритъ, буду лѣзть, а голодомъ себя морить не намѣренъ». А пуще всего насчетъ питья его остерегали. «Брось, говорятъ, Сидоръ Лукичъ, а то долго ли до грѣха... шеи у тебя даже званія нѣту, живымъ манеромъ «кондрашка» прихлопнетъ!» И этимъ совѣтомъ онъ пренебрегъ: «до пятидесяти лѣтъ, говоритъ, я дожилъ безъ удару, такъ авось ужъ до смерти безъ онаго дотяну!..» И сталъ тянуть... нынче коньячку, завтра портвейнцу... а тутъ и масленица подошла... блины пошли... Блины-то еще туда сюда, главный ядъ въ чемъ? Въ подмазкѣ!.. Нынче подмазалъ, завтра перемазалъ, анъ и того... въ плечо отдаетъ!.. Въ пятницу Сидоръ Лукичъ на троихъ блинахъ былъ и до того на ноги разбился, что насилу до постели дополозъ... Какъ легъ, такъ и заснулъ какъ убитый... Слышитъ онъ только утромъ, что его жена тормошитъ; тормошитъ и причитываетъ: «Лукичъ, голубчикъ, проснись ты, Христа ради!»

Слышитъ онъ женины слова, а пошевелить даже и пальцемъ не можетъ. А что всего чуднѣе, самого себя на постели видитъ: лежитъ въ полной недвижимости, а жена эту недвижимость то за руки возьметъ, то за бороду потянетъ.

— Батюшки! Похолодалъ весь!.. Отцы мои да вѣдь онъ умеръ!.. Головушка моя горькая! что теперича со мною станется!.. Лукичъ! Ра-

димый! Проснись, голубчикъ, скажи ты мнѣ хуть словечушко!..

Слышитъ это все Лукичъ, видитъ и себя, и жену, и всѣ спальныя принадлежности, и удивляется!.. Какимъ это, напримѣръ, манеромъ?.. Чувствуетъ, вѣдь, что какъ будто онъ по комнатѣ на манеръ птицы паритъ, понимаетъ все, а сказать ничего не можетъ... Посмотрѣлъ онъ на себя и еще больше диву дался: и руки есть, и ноги, но только все это на манеръ тумана, али тѣни: за бороду ли себѣ схватить, за ногу ли тронетъ—одинъ только воздухъ ловить!..

— Батюшки мои, да, вѣдь, я и въ самдѣлѣ померъ!—ужаснулся онъ:—правду говорили доктора-то, что «кондрашка» дернетъ,—дернулъ, будь ему неладно!.. Шабашъ, значить!.. Вотъ она, исторія-то... А баба-то, баба-то какъ убивается!.. Подлетѣлъ Сидоръ Лукичъ къ женѣ, обнялъ ее, сталъ цѣловать, приговаривая: «Прокловна! Дура! Я вотъ онъ! Не плачь».

А Прокловна, знай себѣ, воетъ, да причитываетъ: «И на кого ты меня, другъ мой, поки-и-нулъ... закатились твои ясныя оченьки... притомились твои рѣзвы нож-еньки-и»...

— Шабашъ!—рѣшилъ Сидоръ Лукичъ, взлетая на гардеробъ:—ужъ ежели баба меня не чувствуетъ, стало быть до смерти померъ!.. Хлопнулъ «кондрашка» и капутъ!.. Не Сидоръ я Лукичъ теперича, а духъ! Все вижу, все чувствую, а говорить не могу!.. Вотъ оно, какъ люди-то помираютъ!.. А я все собиралъ: какъ,

да какъ?.. И что мнѣ теперича на томъ свѣсѣ будетъ—бѣ-ѣда!.. Нѣтъ, баба-то моя какъ разрывается... страсть... Ужъ очинно любила она меня, а я не цѣнилъ!.. Вотъ оно что значить помереть-то: всякія чувства станешь чувствовать!..»

Выла, выла его супружница и перестала... взошла маленько въ разумъ, смолкла... отерла рукавомъ бѣлаго пеньюара слезы и въ дверь изъ спальни высунулась.

— Пашутка,—кричить,—позови ко мнѣ сюды Василь Тихонича!..

— Старшаго приказчика зоветь! — соображаетъ Сидоръ Лукичъ на гардеробѣ:—о смерти моей объявлять!.. Взвоетъ тоже, бѣдняга, потому съ мальчиковъ у меня и при томъ любилъ какъ отца родного!..

И не успѣлъ еще разохъ вздохнуть Сидоръ Лукичъ, какъ вошелъ въ его спальню Василій Тихоновъ и дверь за собой притворилъ...

— Вася! Голубчикъ!—бросилась къ нему вдова горемычная:—несчастье у насъ большое... умеръ, вѣдь, самъ-то... до смерти голубчикъ померъ!..

— Ужли померъ?—удивился тотъ, подходя къ кровати:—умеръ и есть!.. Какъ тоже его предупреждали: «Сидоръ Лукичъ, не пейте сверхъ мѣръ,—хватить!..» Чрезъ свое самодурство, можно сказать, померъ!..

— Вася! Мила-ай! Что жъ намъ теперь дѣлать-то?

— Что-съ? Известно, полиціи объявить на-

до!...И дернуло это его на гулянкахъ! Возись теперь съ нимъ!

— Ахъ, каналья этакая!—возмущался на гардеробѣ духъ Сидора Лукича:—это замѣсто горестныхъ слезъ-то? Хорошъ!..

— Вася! родной!.. Весь я умъ отъ такого случаю растеряла! Не знаю, за что и ухватиться!—молила вдова приказчика:—научи ты меня... налетятъ сичасъ племянники его и въ чистую меня ограбить могутъ... седьмая часть вѣдь мнѣ по закону-то всего!

— Законы даже знаетъ! Ай да Прокловна!—изумлялся духъ Сидора Лукича.

— Духовная-то у него сдѣлана ли, хозяйошка?—спрашивалъ приказчикъ.

— Сулилъ сдѣлать... на меня все подписать обѣщаль... да гдѣ ему!.. Ежели бѣ сдѣлать, такъ показалъ бы изъ расположенія...

— Довольно глупая съ вашей стороны неосмотрительность!.. Ужли улестить его не могли? Такой глупый человѣкъ былъ, и вдругъ никакого завѣщанія!..

— Улещала, Васинька, сколько разовъ улещала, а онъ все меня за носъ водить: нынѣ, да завтра... да погоди, да успѣешь... что я умираю, говорить, что ли?.. Самый безпутный человѣкъ былъ!.. Ужъ на что хуже: родную жену ограбилъ!..

— Ай да жена! Эхъ, кабы ожить на чистокъ, какую бы я ей выволочку задалъ! Накакой бы духовной не захотѣла!.. —размышлялъ Сидоръ Лукичъ.

— Самодуръ былъ, отъ этого! — доклады-
валъ въ то же время приказчикъ хозяйкѣ:—
надо теперича намъ мѣры свои принять... во-
первыхъ, наличныя всѣ припрятать, во-вто-
рыхъ, товаръ въ благонадежное мѣсто укрыть...

— Голубчикъ, дѣлай какъ знаешь!.. Не
ограбь только ты меня, вдову разнесчастную...

— Помилуйте, да вѣдь я въ вашемъ же
интересѣ... пошарьте у покойничка ключикъ
отъ кассы... покажѣте что, мы живо его
упущенія исправимъ...

— Чисто!—горевалъ духъ Сидора Лукича:—
меня же лаютъ!.. Ну, дѣла!.. И дурачье же
тѣ мужья, которые своимъ женамъ вѣрятъ!..
Кассу мою грабятъ пошли!—увидаль онъ же-
ну, уходившую съ приказникомъ въ его каби-
нетъ:—а интересно посмотрѣть, что дальше
будеть!..

Слетѣлъ съ гардероба Сидоръ Лукичъ и
остановился въ дверяхъ какъ вкопанный...
Стоитъ передъ нимъ франтъ высоченнаго рос-
та, съ рожками и худенькими ножками на
копытцахъ... замѣсто рукъ крылья на манеръ
летучей мыши...

— Купцу,—говорить,—почетъ и уваженіе!

Растерялся Сидоръ Лукичъ и тоже ножкой
шаркаетъ...

— Какъ ваше здоровье?—у франта спра-
шиваетъ.

— Да теперь,—говорить,—ваше степенство,
ничего... а намереніи такую отъ хозяина треп-

ку получилъ, на одномъ мѣстѣ недѣлю волчкомъ вертѣлся...

— У васъ тоже рази хозяинъ есть?—самъ не зная для чего спрашиваетъ съ испугу Сидоръ Лукичъ.

— А Вельзевулъ-то!.. Хуже иного купца, сичасъ вотъ провалиться!..

— Ужли дерется?

— Страсть!—мотнулъ франтъ рожками,—и все больше за пустяки!.. Намедни изъ-за спиритовъ досталось!.. Они людей морочатъ, а мы имъ помогаемъ... Назначилъ одинъ изъ нихъ сеансъ, Вельзевулъ меня и послалъ ему въ подмогу... и дернула меня нелегкая на Лысою гору къ кумѣ залетѣть... тары да бары, а спирита въ это время за неудачный сеансъ вздули... ну, и попало на орѣхи!..

— И должность же у васъ! — пожалѣлъ франта Сидоръ Лукичъ.

— Самая каторжная, ваше степенство! И перевернешься — быють, и не довернешься — быють, просто хоть изъ ада бѣги!.. Однако, купецъ заболтался я съ тобой, того гляди, опять хозяинъ выволочку задасть!.. Пожалте, ваше степенство, ко мнѣ подъ крылышки!..

— Куда?!—метнулся было Сидоръ Лукичъ.

— Да ужъ извѣстно, къ намъ въ гости, куда жъ васъ больше дѣвать-то!..

— Голубчикъ, отпусти!.. Не привыкну я къ вашимъ порядкамъ!..

— Вона!.. Еще какъ привыкнешь-то, за первый сорты!.. У насъ въ аду хорошо...

— Чортушка! Миленкій! — взмолился Сидоръ Лукичъ, — и безъ меня у васъ тамъ народу много... ну, что тебѣ я? Тѣфу, и больше ничего!.. Однимъ купцомъ больше, однимъ меньше — разницы никакой!

— Чудакъ ты, купецъ, погляжу я на тебя!.. Да что мнѣ радость, что ли, съ вашимъ братомъ возжаться-то? Не грѣшилъ бы, и разговору у меня съ тобой никакого бы не было!

— Да ужли жъ я такой грѣшникъ? Разсуди ты по справедливому!..

— А ужъ это, братъ, не мое дѣло, про то начальство знаетъ!.. Послали за тобой, я и прелетѣлъ... да ты не бойся: у насъ живо разберутъ!..

— Да вѣдь какъ разберутъ, голубчикъ ты мой чернорожій!.. Захотѣлъ тоже въ аду правды искать!..

— Вона! А адвокаты-то на что? У насъ ими хоть прудъ пруди!..

— Бѣсъ ты, а дуракъ, извини пожалуйста!.. Знаю я ихнюю націю!.. Засудятъ!.. Одинъ меня тутъ какъ-то по лѣту защищалъ, да на мѣсяцъ въ «Титы» и упряталъ!.. Вотъ тебѣ и защита!..

— Трехъ возьми, ежели на одного не надѣешься!.. Пожалуйте, ваше степенство!..

— Голубчикъ! Милый! Красавецъ ненаглядный! Обожди хошь денька три, очинно мнѣ хочется досмотрѣть домашнюю исторію... Какъ тутъ безъ меня моя баба устроится...

— Чудакъ ты, право! Сейчасъ видно, что

ума у тебя большого нѣту!.. Да я тебѣ впередъ скажу, пожалуй... самая это, можно сказать, простая исторія... поплачетъ сначала, поносить по тебѣ шесть недѣль трауръ, а тамъ къ полгоду - то, гляди, и замужъ выйдетъ...

— За Ваську?..

— Да не все ль тебѣ равно: за Ваську, али за Петьку?

— Пойми ты, обидно!..

— Впередъ бы глядѣль, а теперъ обижаться поздно! Пожалуйте, а то опоздаемъ, и тебѣ не хуже моего затрещина влетитъ!..

Обвилъ франтъ Сидора Лукича крылышкомъ и поднялся на воздухъ... Сидоръ Лукичъ и глаза отъ страху зажмуриль... Чувствуетъ онъ, что летитъ, что вѣтеръ бьетъ ему по носу, а открыть глаза боится... страшно!..

— Голубчикъ! Не знаю, какъ тебя по имени, по отчеству величать! Скоро ли мы прилетимъ-то! Душа въ пятки уходитъ!

— Ну, вотъ видишь, купецъ, то не хотѣль къ намъ, а то ужъ и заскучалъ... Всѣ-то вы, какъ я погляжу, на одну колодку! Сейчасъ и прилетимъ!.. Готово!.. Пожалуйте, ваше степенство! Доставилъ! На чаекъ бы съ вашей милости!..

— Мелкихъ нѣту, милый! Не прогнѣвайся!—Раскрыль глаза Сидоръ Лукичъ и ахнулъ... кругомъ мрачныя скалы, едва освѣщаемыя свѣтомъ, проникавшимъ сквозь трещины сводовъ...

— Думалъ ли я сюда попасть, отцы мои!— подумалъ Сидоръ Лукичъ:—не думалъ, и во снѣ даже не снилось, а вотъ попалъ на вѣки вѣчные!.. Господинъ бѣсъ! Позвольте у васъ узнать: это самое ваше мѣстоположеніе и есть?

— Нѣтъ, это только входъ... адъ гораздо просторнѣе!

Смотритъ Сидоръ Лукичъ и видитъ: разостлалась передъ нимъ долина, которой и конца не видно, а по бокамъ этой долины каменные скалы стѣной возвышаются... и по всей этой долинѣ взадъ и впередъ грѣшная публика движется... кто камни несетъ, кто дрова везетъ, кто бочки со смолой... грѣшники работаютъ, а бѣсенята ихъ хлыстами подстегиваютъ...

— Батюшки мои! Да вѣдь отъ такой лошадиной работы околѣть можно?—струхнулъ Сидоръ Лукичъ.

— А плети-то на что,—успокаиваетъ его спутникъ,—живо воскресать!..

— Постой на минутку! Знакомые!—обрадовался купецъ, завидѣвъ благопріятелей:—батюшки мои! Степанъ Пантелеичъ! Григорій Вавилычъ! Всѣ тутъ... Алексѣй Ивановъ даже!.. Кумъ! Ты ли?

— Лукичъ!—остановился грузный купецъ, катившій камень, отирая потъ съ лица;—давно ли къ намъ?

— Только сичасъ изъ вагону... то бишь тѣфу! Изъ-подъ его крылышка! Ну, какъ дѣла?

— Да какъ видишь, братъ! Работы пропасть!.. Отдохнуть некогда!.. Семена Петрова не видалъ еще?

— Да рази онъ здѣсь?

— Здѣсь! Онъ теперича на хорошей должности!.. У самого въ истопникахъ состоитъ!..

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ! Такой благочестивой жизни былъ и вдругъ въ тепленькое мѣстечко влопался!..

— Благочестіе-то его показное было!.. А тутъ оказалось, что онъ сиротъ апосля брата ограбилъ!.. Увидимся еще... а то, вонъ видишь, ко мнѣ смотритель съ хлыстомъ подбирается. До свиданія!

— До пріятнаго!.. Господинъ, какое же мнѣ опредѣленіе выйдетъ, скажи пожалуйста?..

— А вотъ сейчасъ спросимъ!.. Ваше мракобѣсіе,—подскочилъ провожатый Сидора Лукича къ невзрачному бѣсу съ перешибленными рогами:—честь имѣю донести, что въ силу даннаго мнѣ приказа я былъ въ городѣ Москвѣ, откуда и привелъ купца второй гильдіи Сидора Одышкина.

— Опять московскій купецъ!—проворчалъ тотъ, оглядывая новичка; — что ни день, то купецъ... Просто весь адъ заполонили...

— Куда его прикажете пристроить?

— А онъ за какія дѣла сюда попалъ?—спросилъ бѣсъ, подстегнувъ вѣзшаго мимо воду грѣшника, отчего тотъ перекувыркнулся разъ десять.

— За пьянство, ваше мракобѣсіе! Отъ выпивки даже съ тѣломъ разстался!..

— Голубчикъ! Право слово, отъ блиновъ...

— Грѣшникъ, молчать!..

— Не замолчу, миленькіе, потому неправильно... Суда прошу!..

— Экъ ты хватился, да ужъ тебя давно отсудили!..

— Да какой же это судъ! У насъ мировой, и тотъ заглазно не судить...

— У насъ, купецъ, свои порядки... Ты еще только умирать собирался, а мы ужъ тебя осудили... Молчать! Всыпь ему за противорѣчіе горячихъ!..

— Да что же это такое, голубчики мои? Совсѣмъ Шемякинъ судъ!.. Шутъ съ вами, дѣлайте со мной что хотите, только я какъ подыщу хорошаго адвоката, на аппеляцію подамъ.

— Молчать!.. Пришелъ въ чужое мѣсто, да еще разговариваетъ! Такъ отъ выпивки онъ кранкенъ задалъ?

— Отъ коньяку, ваше мракобѣсіе!.. Монахорумомъ тоже не брезговалъ!..

— Литъ въ него воду триста лѣтъ безъ отдыха!—рѣшило начальство и полетѣло къ кучкѣ отдыхавшихъ грѣшниковъ.

Откуда ни взялись бѣсы, схватили протестовавшаго Сидора Лукича, повалили его на острые камни и направили ему въ ротъ пожарную кишку...

— Братцы!.. Пустите! Не хочу! Голубчики!

Никогда въ ротъ даже вина не возьму! Каррау-уль!..

Сидоръ Лукичъ захлебнулся и, собравъ всѣ силы, вскочилъ на ноги.

— — —

— Лукичъ! Голубчикъ! Что съ тобой?.. Очнись ты, сдѣлай милость!.. — тормошила сидѣвшаго на кровати и оравшаго карауль купца жена.

— Не буду! Въ ротъ никогда не возьму! — вопилъ тотъ, отбиваясь отъ жены: — пусти!..

— Лукичъ! взойди въ себя!.. — Вѣдь вотъ до чего налижется человѣкъ: — во снѣ карауль ореть.

Сидоръ Лукичъ поглядѣлъ безсмысленными глазами на жену, на коммодъ... кровать... и разинулъ ротъ.

— Жена! Ты? — пробормоталъ онъ: — ты какъ въ адъ попала?..

— Тьфу! Съ нами крестная сила! Что ты такое городишь?

— А Васька гдѣ? Подай мнѣ Ваську?

— Совсѣмъ ошалѣлъ!.. Самъ же Василья гулять съ утра отпустилъ, а теперь взыскался...

— Такъ я живъ? А? Прокловна? Ф-фу-у! Такъ это мнѣ во снѣ все... о, Господи!.. И напугали же меня бѣсы! Водой вздумали, скажи пожалуста!.. Ну, чтобы коньякомъ лучше? Мать, зови Палашку... потому изъ аду вырвался!.. Палашка! Палашка! Коньяку-у-у!..

Супруга Сидора Лукича только плюнула.

Завели!

Андрея Лукича Тетерькина, только-что вернувшегося изъ города, встрѣтила жена.

— Здравствуй, мать, — кивнулъ онъ ей, сбрасывая на руки горничной пальто.

— Здравствуй, отецъ. Ишь ты нынче какъ хорошо распорядился... рано домой пріѣхалъ, — отвѣтила та, улыбаясь.

— Да заѣзжалъ я по дѣлу къ Сѣмечкину, а его дома не оказалось. Ворочаться назадъ въ городъ далеко, да и дѣла текущаго нѣтъ... дай, думаю, я свою бабу удивлю.

— И-то вѣдь удивилъ. Смотрю въ окно и глазамъ не вѣрю: неужто самъ?

— Самъ и есть, — разсмѣялся Андрей Лукичъ, хлопнувъ по плечу жену.

— Сама теперь вижу, что ты самолично. Десять лѣтъ такъ рано не пріѣзжалъ.

— Ну, ужъ и десять!

— Больше даже будетъ. Вы вѣдь какой народъ: одна заря вгонить, другая выгонить.

— Жизнь ужъ наша такая купеческая.

— То-то что жизнь! Дома-то вы все равно, что въ гостяхъ. Пріѣхалъ на нѣкоторое время и вонъ. Чаемъ тебя, что ли, сейчасъ поить?

— Пой. Вели самоваръ поставить.

— Третій ужъ на столѣ кипить.

— Былъ, значить, кто-нибудь?

— Были. Сію минуту только-что сестрица Маша уѣхала, а до нея Ирина Федоровна съ часочекъ посидѣла.

— Новостей-то, поди, съ три короба навезли?

— Ну, какія у нихъ новости! Дамы онѣ ошѣдлыя, совсѣмъ почти недвижимыя дамы... разъ ежели въ мѣсяцъ изъ дому выѣдутъ, такъ ужъ за великое для себя утружденіе считаютъ. Какія у нихъ настоящія новости могутъ быть? А у тебя въ кабинетѣ есть новость.

— Какая?

— Да приходили мастера и этотъ поставили... какъ его... телефонъ.

— А! Вчера еще хотѣли, да, видно, не успѣли. Ну, что жъ, хорошо дѣйствуетъ?—говорилъ Андрей Лукичъ, идя въ кабинетъ.

— Мастеръ, который ставившій -то, говорилъ, что очень даже хорошо,

— Еще бы не хорошо! Двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ за эту штучку лупятъ... Грабители!

— Этотъ ящичекъ-то двѣсти пятьдесятъ стоитъ?—удивилась супруга Андрея Лукича.

— Не ящичекъ, а пользованіе имъ въ теченіе года.

— А ты бы торговался.

— Торговался, да развѣ они уступятъ? У

нихъ монополія. Что хотятъ, то и дерутъ. Мореплаватели черти!

— А ты бы не давался грабить-то.

— Пожалуй не дайся, и сиди безъ телефона. Давно ужъ я собирался его завести, да все выжидалъ, не спустятъ ли, молъ, цѣну.

— Охота имъ спускать, ежели находятся желающіе дураки по двѣсти пятьдесятъ платить.

— Не дураки, а если нужна вещь и— вдвое заплатишь. Пробовала ты разговаривать по телефону-то?

— Пробовали мы съ Ириной Федоровной, да ничего у насъ не вышло,

— Какъ такъ ничего не вышло? Значить, телефонъ не исправенъ?

— Мастеръ говорилъ, что очень даже исправенъ, а только мы не спросили его, какъ этимъ телефономъ управлять, можетъ, и отъ этого у насъ никакого толку не вышло.

— Да вы что дѣлали?

— А въ эту вотъ трубку кричали.

— Ну, и дуры. Эту трубку надо къ уху прикладывать, а говорить вотъ въ эту воронку. Поняла?

— Поняла. А мы-то съ ней на весь домъ кричать въ трубку старались, даже охрипли...

— Видишь, какъ это дѣлается. Да неужели ты у кума не видала телефонъ?

— У Михаила Григорыча? Видѣла, но разговаривать въ него не рѣшалась. И предлагалъ кумъ поговорить съ кѣмъ-нибудь, а я

отклоняла. Еще испортишь, думаю, чужую вещь. Вотъ когда поставимъ у себя, портъ сколько хочешь... Ну, теперь что надо дѣлать?

— Сперва позвонить надо на центральную телефонную станцію и приложить трубку къ уху. Съ центральной тебя спросятъ, что надо, а ты отвѣтишь: соедините, молъ, меня... ну, съ кѣмъ, напримѣръ? Ну, хоть съ Федоромъ Ивановичемъ...

— Не хочу я съ твоимъ Федоромъ Ивановичемъ соединенія.

— Съ кѣмъ хочешь говори, мнѣ все равно.

— Съ Аграфеной Семеновной развѣ поговорить? У нихъ, кажется, есть телефонная машинка-то.

— Кажется, есть. Звони и слушай.

— А куда вертѣть то, къ себѣ или отъ себя?

— Отъ себя... Да ты больше верти, больше... еще... еще...

— Да что тамъ глухіе на станціи-то сидятъ?

— А ты слушай теперь... Да глаза-то не замуривай, телефонъ не ружье, по дичи не стрѣляетъ!

— Да я выстрѣловъ не боюсь. А когда я замурившись что-нибудь слушаю, лучше понимаю... я и въ театрѣ всегда замурившись... Ну, вотъ! Кто-то и что-то крикнулъ въ ухо, а ты меня разсѣялъ... Кто тамъ? А? Кто кричалъ-то въ трубку? Ой, батюшки,

щекотно! Ай, щекотно!.. Провалиться бы вамъ и съ телефономъ... щекотно, отецъ... ей-ей, щекотно!

— Да гдѣ щекотно-то, глупая?

— Въ ухѣ... въ ухѣ... трещить что-то...

— Это звонятъ. Отними трубку отъ уха... Ну?

— Теперь ничего,— говорила сама, запуская мизинецъ въ ухо.— Это изъ котораго же мѣста мнѣ щекотку устроили? Ужли отъ Аграфены Семеновны?

— Съ центральной станціи. Ты еще пока не добралась до Аграфены Семеновны. Звони и слушай. Тетерькина зазвонила.

— А?—справилась она спустя нѣсколько секундъ,—Аграфена Семеновна, вы? Что? Катерина Петровна со мной? Да у меня ни одной Катерины Петровны нѣтъ. Отецъ, кто у тебя Катерина Петровна?

— Какая тамъ къ шуту Катерина Петровна... У меня такихъ и знакомыхъ нѣтъ.

— Врешь! Есть, коли въ нашъ телефонъ лѣзеть. Въ чужой телефонъ, въ незнакомый, ни одна женщина не полѣзетъ... твоя Катерина Петровна!

— Да никакой у меня Катерины Петровны... Угорѣла ты съ трехъ самоваровъ-то!

— Всѣ твои шашни теперь черезъ машинку узнаю. Катерина Петровна, подите сюда... вы это, Катерина Петровна? Очень пріятно познакомиться.

— Мать! Дура! — дергалъ жену за руку Андрей Лукичъ.

— Отстань. Сейчас узнаю всё твои подлости. Катерина Петровна, вы? Мой мужь вамъ кланяется.

— Тьфу!—плюнулъ Тетерькинъ,—шутъ ее знаетъ, какую-то вдругъ Катерину прищипила.

— Что?—чуть не кричала сама,—вы мужа моего не знаете? Ну, ужъ это вы, мадамъ, врете и даже жестоко ошибаетесь... да!.. Онъ васъ знаетъ, а вы его нѣтъ!.. Какая глупая съ вашей стороны увертка... Что? Я васъ за кого принимаю? Да вы кто такая? А? Телефонистка? Отецъ, ты когда же это съ телефонистками снюхаться успѣлъ? Ящикъ только повѣсили, а ты ужъ на телефонъ свой чловѣкъ... Хвачу я вотъ этой подлой трубкой тебя по проплѣшинѣ...

— Дура! На телефонъ исключительно женщины служатъ, и всё соединенія онѣ дѣлають.

— Женщины? Такъ бы ты и говорилъ... Я почему знала? Слышу, какая-то Катерина Петровна трещить, а мнѣ Аграфену Семеновну надо... Значить, къ тебѣ лѣзетъ Катерина-то...

— Да ты спрашивай телефонъ Аграфены Семеновны... тебя ждать не стануть...

— Телефонистка-то? Подождеть. Жалованье за то получаетъ, чай... Мадамъ, вы тутъ? А? Шумъ какой-то, отецъ.

— Звони опять. Не станеть тебя телефонистка полчасу дожидаться.

— Этакъ всю ручку отвертишь. Ручка-то какъ? Наша или ихняя?

— Ихняя, ихняя.

— Ну, такъ я теперь вертѣть во всю стану. Что? Станція? Хорошо. Которая станція? Ужели «Кусково»? Мы лѣтомъ въ Кусковѣ жили. Ну, ну... что угодно, говорите! Да это вы, Катерина Петровна? Нѣтъ? А гдѣ же Катерина Петровна, которая со мной первая?

— Да ты телефонъ-то, телефонъ-то Аграфены Семеновны спрашивай, — совѣтоваль Андрей Лукичъ женѣ.

— Погоди. Это другая теперь, не Катерина Петровна... которая твоя-то...

— Тыфу! Да на кой тебѣ чортъ Катерину Петровну, спрашивается? — закипѣлъ Тетеркинъ. — Тебѣ телефонъ Аграфены Семеновны нуженъ, а не Катерина Петровна...

— Тебѣ, значить, Катерина Петровна нужна? То-то ты и телефонъ - то у себя завелъ, чтобъ съ разными барынями зубы чесать... а я вотъ возьму его, да и сломаю...

— Да спрашивай телефонъ-то Аграфены Семеновны...

— Спрошу. Такъ это не вы, Катерина Петровна? А? Опять шумъ, отецъ!

— Ну, и опять звони...

— Какъ же она смѣетъ отходить, не выслушавши меня? Порядокъ это?

— Звони, тебѣ говорятъ.

— Звоню, звоню. Что? Вы со станціи? Не Катерина Петровна? Ну, все равно, мнѣ со-

единение нужно... съ Аграфеной Семеновной меня соедините... А? Номеръ? Какой номеръ? Съ чего вы это взяли, что Аграфена Семеновна въ номерахъ живетъ? Въ номерахъ сейчасъ живутъ которыя особы путанья, а Аграфена Семеновна дама семейная и въ своемъ домѣ споконъ въку...

— Она про номеръ телефона тебя спрашиваетъ. Скажи, что у насъ списка абонентовъ еще нѣтъ... по фамиліи пусть найдетъ...

— Хорошо. Абонименту у насъ еще нѣту... Коли бы абониментъ былъ—дѣло десятое...

— Да не то... ахъ, ты, дама замоскворѣцкая! Ну, куда тебѣ къ чорту въ телефонъ разговаривать!.. Говори ужъ съ разными Аринами да Акулинами...

— Ты только орать мастеръ, а научить жену не можешь, какъ съ чужой машинкой обращаться. Ты учи.

— Говорю тебѣ, кажется, по-русски: номера телефона Аграфены Семеновны мы не знаемъ, пусть найдетъ по фамиліи... Звони!

— Звоню, звоню. Это вы, мадамъ? Словно какъ-будто Катерина Петровна по голосу? Ужли нѣтъ? Ну, ну... соединение намъ требуется... съ Аграфеной Семеновной... а номера ихняго не знаемъ... такъ вы такъ ужъ, безъ номеру ее со мной соедините... Что? Игрунчикова по фамиліи... Игрунчикова... Да не Фортунчикова, а Игрунчикова... А? Что вы говорите? Игрунчикова... у ней свой домъ

на Покровкѣ... А?... Отецъ, что-то крикнула твоя телефонистка, а что—не разберешь...

— Навѣрное,—сказала, что «готово»...

— Соединеніе-то готово? А пожалуй... Что жъ теперь дѣлать? Звать Аграфену Семеновну?

— Звони и на вопросъ, что угодно, зови Аграфену Семеновну. Звони же!

— Ахъ, ты, батюшки! Дай рукѣ-то отдохнуть! Вертѣла, вертѣла... чай, не чужая рука то, своя... Звоню!

— Теперь слушай.

— Слушаю. Кто говорить? А я говорю. Я, батюшка, я. А кто я—тебѣ до этого дѣлать. Позови ты ко мнѣ сейчасъ Аграфену Семеновну. Что? Какія краски? Да я съ роду красками не мазалась и отъ перваго дурака это слышу... Какъ? Я дура? Отецъ, да что жъ это такое? Какой-то болванъ ругается...

— Значить, не Аграфена Семеновна попала. Звони опять и спрашивай: откуда говорятъ. Звони сильнѣе!

— Батюшки, въ плечѣ даже ломъ пошелъ. И пришло же въ голову дурацкую машинку завести: и руку свернешь, и въ дуры попадешь... Кто это сейчасъ ругался, а? Что? Да вы откуда? Со станціи? Я просила соединить меня съ Аграфеной Семеновной, а вы съ какимъ-то ругателемъ вдругъ... Игринчикову мнѣ... Игринчикову... Что? Готово? Отецъ, готово!

— Звони!

— Охъ! Ну, что бы тебѣ ручку-то повер-

тѣтъ, такъ же ничего недѣлающимъ оболдуюсь стоишь... А? Откуда говорятъ? Контора Якунчикова? Да не надо мнѣ Якунчикова, мнѣ Аграфену Семеновну...

— Телефонистка, значить, переврала. Вели разъединить,—командоваль Андрей Лукичъ.

— Растелефонъ, пожалуйста... А? Молчать. Растелефонили, надо полагать. Отецъ, звони!

— Готово. Спрашивай, знай!

— Откуда голосъ? Что? Опять изъ Якунчикова? Игрунчикову мнѣ... растелефонъ, сдѣлай милость! Ужъ и обругаю я сейчасъ твою Катерину Петровну...

— Какую Катерину?

— А телефонную. Связала меня съ чужимъ человѣкомъ и никакой развязки не можетъ. Это кто? Со станціи? Вы что жъ это, мадамъ, меня съ кѣмъ не надо союзите? А? Что? Много васъ, не вы однѣ? А мнѣ наплевать. Мы двѣсти пятьдесятъ въ годъ платимъ, и никакъ не можемъ къ Аграфенѣ Семеновнѣ попасть. Игрунчикова телефонъ мнѣ надо... Поняли? Какой номеръ, не знаю. Да. Аграфену Семеновну Игрунчикову. Что? Говорятъ что-то... Отецъ, звони!

— Звоню, звоню, спрашивай.

— Никого еще нѣтъ, кого я спрашивать стану? Есть тутъ кто или нѣтъ никого? А? Отецъ, шевелится кто-то, какъ будто, но совсѣмъ безгласно...

— Ну, кто можетъ въ телефонѣ шевелиться! Скажешь тоже ерунду.

— А я тебѣ говорю, шевелится и даже на манеръ шипѣнія: пш... пш... пш... блины такъ, знаешь, въ кадочкѣ всходятъ...

— Громче говори, который по блиному шипить... громче!—крикнула вдругъ супруга Андрея Лукича.—А? Что? Откуда? Съ пивовареннаго завода? Да я сроду пива не пила. Уйди... то бишь, растелефонь... на пивной заводъ твои телефонистки меня завели... Звони, отецъ! Ахъ, чтобъ имъ пусто было! Должно быть, ни во вѣки вѣковъ къ Аграфенѣ Семеновнѣ не попадешь.

— Спрашивай; будетъ тебѣ ныть-то!

— Да какъ тутъ не ныть? Завели машинку въ двѣсти въ пятьдесятъ и все по чужимъ людямъ гуляешь... Что? Кто гласить? Со станціи? А вотъ я на васъ начальству жалобу подамъ... сколько времени мнѣ Игрунчикову надо, а вы не даете. А? Какъ? Отецъ, твои телефонистки совсѣмъ ошалѣли: какой, спрашиваютъ, скоростью она отправлена, большой, или малой? Да что Аграфена Семеновна-то пенька или сало?

— Тьфу! На товарную станцію, ты, мать, попала; спроси: какая станція. Ну?

— Товарная Московко-Казанской... Ахъ, чтобъ вамъ провалиться! Вотъ тебѣ и Аграфена Семеновна! Не ко двору, значить, она къ телефонному-то пришлась.

— Пусти; я вижу, тебѣ пиво съ телефономъ не сварить.

— Вари самъ, а я вздохну покуда. Фу-у!

И работы, кажется, никакой, а въ испарину ударило.

— Соедините съ Игрунчиковымъ, — говорилъ Андрей Лукичъ, неистово вертя ручку звонка.—Что? Да, да... Готово? Мерси! Сейчасъ твою Аграфену Семеновну разыщемъ,— улыбнулся въ сторону жены Тетерькинъ и повернулъ ручку.—Это я, Тетерькинъ! — крикнулъ онъ въ воронку.—Аграфена Семеновна дома? Такой нѣтъ? Да вы откуда говорите? Съ пивовареннаго завода? Дайте отбой, пожалуйста!

— Ну, вотъ и ты, умникъ, не хуже меня, дуры, на пивной заводъ попалъ.—разсмѣялась супруга Андрея Лукича.

— Вѣроятно что -нибудь съ проволоками неладно... Послушайте, я просилъ соединить съ Игрунчиковымъ... Что? Да не надо мнѣ пива... разъедините, чортъ васъ возьми совсѣмъ! Что-съ? Я осель? Вы сами осель-съ... да-съ!

— Ну, вотъ и ты въ ослы попалъ за свои двѣсти пятьдесятъ.

— Отстань!.. Послушайте, это станція?.. А? Я просилъ соединить меня съ Игрунчиковымъ. И-г-рун-чи-ковъ... да, да... Насилу-то!.. Откуда говорятъ? Съ товарной станціи?.. Ахъ, анаемы! Дайте отбой, пожалуйста, я, кажется, совсѣмъ ручку отверчу. Я просилъ соединить съ Игрунчиковымъ, а вы меня съ товарною станціей... Что? И я не понимаю, почему такъ...

Готово? Благодарю покорна... Уфъ! Даже въ жаръ отъ этого верченья...

— А мнѣ не вѣрилъ... вѣришь ли, вся спина мокрая отъ твоего дурацкаго телефона.

— Съ кѣмъ имѣю честь? А? Что? Опять пивоваренный? Будьте вы прокляты!

Андрей Лукичъ поднялъ такой звонъ, что въ кабинетъ съ испуганными лицами прилетѣла прислуга.

Прошло десять минутъ. Тетеркинъ звонилъ, кричалъ, ругался, а изъ телефона поминутно выскакивали то товарная станція, то какая-то аптека, то пивоваренный заводъ.

— Плакали твои двѣсти пятьдесятъ, отецъ, плакали!—говорила Тетеркина.—Ни въ жизнь тебѣ съ этимъ путаникомъ телефономъ къ Аграфенѣ Семеновнѣ не попасть!

Андрей Лукичъ наконецъ плюнулъ и, опустившись въ кресло, сталъ вытирать лысину, съ которой крупными каплями катился телефонный потъ.

На свадьбѣ.

— Модмазель! Пермете муа ву ангаже на кадрель!—проговорилъ, зажмуривая глаза, подлетѣвшій къ красивой брюнеткѣ съ бѣломраморными плечами бѣлокурый кавалеръ во фракѣ и съ шапо-клякѣ въ рукахъ.

— Мерси, но я ужасно уставши!—сложила та розовыя губки въ улыбку, обмахиваясь вѣеромъ.

— Это ничего-съ. Кадрель развѣ танецъ? Такъ, что-то въ родѣ променажу. Осчастливьте, модмазель!

— Ну, ужъ извольте. И не пошла бы, да съ вами только, кажется, и не танцевала... а то со всѣми кавалерами... обидѣть васъ не хочу.

— Мерси-съ, и самое глубокое отъ души-съ,—изогнулся блондинъ въ дугу,—прошу-съ на мѣсто.

— Пойдемте. Хотя мнѣ васъ и не представилъ никто, но мамаша сейчасъ въ столовой съ матерью жениха угощаются, такъ что это ничего... мамашу не шикируетъ.

— Пардонъ! Какая же я свинья косолапая, модмазель! Позвольте рекомендоваться: Валеріянъ Купріянычъ Шпинаретовъ.

— Очень пріятно. А я Евдокія Максимовна Ненагляднова, — присѣла на ходу брюнетка.

— Кличка по шерсти-съ... Дѣйствительно, вѣкъ бы на васъ глядѣлъ и не наглядѣлся бы.

— Это не что иное, какъ большой комплиментъ съ вашей стороны.

— Совсѣмъ напротивъ, Авдотья Максимовна.

— Евдокія, а не Авдотья. Авдотьей по нѣшнему образованію не зовутъ... въ старину Авдотьями звали, а теперь Евдокіями.

— Виновать. Самый глубокій пardonъ-съ! Авдокія дѣйствительно много пріятнѣе, чѣмъ Авдотья. У меня бабушка есть, которую Проскудой зовутъ... Проскуда Семеновна.

— Неужели Проскудой?

— Проскудой. Прадѣдушка, сказываютъ, со злости, что дѣвченка родилась, взялъ ее да въ Проскуды и произвелъ.

— Ужасно странное наименованіе.

— Дѣдушка еще хуже звали-съ. Такъ мы всѣ ее, бабушку-то, Прасковьей Семеновной зовемъ, потому нѣкоторыя личности, по своему глупому невѣжеству, вмѣсто Проскуды-то просто Паскудой Семеновной звать стали-съ... а бабушкѣ обидно-съ!

— Еще бы не обидно. И я бы на мѣстѣ вашей бабушки обидѣлась.

— Женскаго полу, оттого-съ! Мужчина на этотъ счетъ какъ-то безъ всякихъ принциповъ-съ.

— Нѣтъ, я съ принципами и завсегда, кто мое имя перевираетъ, поправляю.

— Безъ поправки оставлять нельзя, Авдокія Максимовна. Дураковъ надо учить. Прошу присѣсть, — подвинулъ блондинъ подъ брюнетку стулъ.

— Мерси боку! А кто наши визави?

— Модмазель Сердоликова... золотыми вещами у ней отецъ торгуетъ въ новыхъ рядахъ.

— Знаю. Хотя мнѣ ее и не представляли, но это ничего... А кавалеръ кто?

— Сынъ каретника Постромкина, Аркашка. Товарищъ мой, вонъ онъ ведетъ свою даму на мѣсто.

— Это красноносый который?

— Такъ точно-съ, благодаря игрѣ судьбы. Кажется, буквально никакихъ напитковъ не употребляетъ, а носъ красной. Скандальныя украшенія по винѣ родителей.

— Красивый молодой человѣкъ, только носъ его портить.

— Судьба, Авдокія Максимовна! Отъ матери къ нему носъ перешелъ. Мать-то его любила выпить, а сынъ страдай.

— Неужели доктора ничего не могутъ?

— Противъ носа-съ? Ничего. Ужъ отецъ его что-что ни дѣлалъ: и къ знаменитостямъ-то возилъ, и знахарей приглашалъ. Потому съ Аркашиной рожей, акромья носу, самую прекрасную партію можно сдѣлать... Самъ онъ отъ лѣкарствъ то худѣетъ, то пол-

нѣтъ, а носъ все краснѣть да краснѣть. Сразу даже шесть докторовъ созывали на эту... какъ ее... на кон... конституцію... или нѣтъ... на конференцію...

— На консультацію, вѣроятно?

— Да-съ, на консультацію. Подергали доктора Аркашу за носъ, съ полчаса, можетъ, дергали, потомъ взяли по четвертной и уѣхали... Глупая шутка, кажется, носъ, а поди-ка перекрась его попробуй... дудки-съ!

— Жаль... очень даже жаль молодого человѣка, такой пріятной, акромья носа, наружности.

— Судьба-съ. Съ судьбой спорить не станешь... Однако, что же они тамъ чешутся, до сихъ поръ никакой ритурили.

— Распорядитель танцевъ, по моему мнѣнію, очень вялый молодой человѣкъ.

— Это Фунтиковъ-то? Не разошелся еще. Угощаютъ, нужно вамъ сказать, на этой свадьбѣ плохо. Кавалеровъ никто къ буфетному столу и не приглашаетъ, а самимъ идти какъ-то не современно... принципъ не дозволяетъ такого невѣжливаго свинства...

— И хорошо дѣлають, что не приглашаютъ. Пировала я на свадьбахъ, такъ знаю очень хорошо, что такое выпившій кавалеръ. Отъ одного, я помню, сама даже послѣ двухъ вальсовъ запьянѣла...

— Зачѣмъ же, модмазель, безпремѣнно выпившій черезчуръ? Выпьешь, для игривости ногъ, рюмку, двѣ и довольно.

— Не умѣютъ наши кавалеры съ бутылкой обходиться.

— Помилуйте, Авдокія Максимовна, я протестую... превосходно умѣютъ.

— Пожалуйста не спорьте.— Я въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ на пятой свадьбѣ пирую, значить, отлично кавалеровъ знаю.

— Какая тоже свадьба-съ. Эта вотъ свадьба дѣйствительно безъ всякой идеи. Ни настоящихъ танцоровъ, ни хорошей музыки, ни гостепріимнаго угощенія... Вы, модмазель, вѣроятно съ невѣстиной стороны?

— Ахъ, нѣтъ, я съ жениховской! Женихъ мнѣ еще дальней родней приходится.

— Заборной?

— Какой заборной?

— Дальняя родня вообще заборной называется.

— Нѣтъ, женихъ намъ не очень ужъ далекъ. Его бабушка моей мамашѣ приходится двоюродной теткой.

— Родня очень отдаленная... такъ сказать, астрономическая.

— Совсѣмъ нѣтъ. Его бабушка, значить, доводится мнѣ двоюродной бабушкой, а женихъ... женихъ... вотъ ужъ я и не знаю, какъ мнѣ женихъ доводится.

— Троюроднымъ внукомъ-съ.

— Мнѣ?

— Вамъ-съ, модмазель.

— Нѣтъ, какъ-нибудь по другому... мамаша мнѣ говорила, да я позабыла.

— Женихъ — вообще ничего-съ. Невѣста немного кособока, но едва ли это постороннему зрителю замѣтно.

— А вы почему знаете, что она кособока?

— Помилуйте, — какъ же мнѣ не знать, ежели ее въ прошломъ году мнѣ сватали? — И не знали бы мы этого, да моей мамашѣ сваха шепнула, что у ней одинъ бокъ отъ естественнаго рожденія, а другой ватный, по случаю того, что четырехъ реберъ нехватаетъ.

— Такъ вы, значить, съ невѣстиной стороны?

— Никакъ нѣтъ-съ.—Я со стороны шафера.—Шаферъ мнѣ пріятель.

— А-а... а я думала—съ невѣстиной.

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ.—Я съ шаферской стороны... Что жъ они тамъ, черти, спятъ!— Аркадій! — крикнулъ блондинъ своему визави,—ты бы распорядителя по шеѣ съѣздилъ, что онъ не начинается.

— Не всѣ еще пары на мѣста стали,—отвѣтилъ тотъ,—а главное—у невѣсты въ костюмахъ порча вышла: шафера ей въ полъкѣ шлейфъ оборвали.

— Хорошіе танцоры, — нечего сказать! — потряхнулъ головой блондинъ,—имъ бы съ медвѣдицами танцевать, а не съ барышнями,—Свадьба, Авдокія Максимовна, по моему мнѣнію, совсѣмъ безъ всякаго идеала.

—Моветонна ужъ очень,—согласилась брю-

нетка, играя вѣромъ и глазами.—А вы часто бываете на свадьбахъ?

— Случается—зачастишь, а то и по полу-году дома сидишь.—Все зависитъ отъ знакомыхъ брачныхъ союзовъ.—Вы любите танцевать, модмазель?

— Не очень ужъ чтобъ любила, а танцую.—Ежели хорошій кавалеръ находится, можно и танцевать.

— Кавалеръ въ танцахъ дѣло великое-съ.

— Съ другимъ даже идти танцевать страшно: того гляди, либо свалить, либо глупостей наговорить.

— Отъ невѣжества-съ... Сидитъ онъ, на примѣръ, въ какой-нибудь желѣзной лавкѣ, продаетъ извозчикамъ бадьи да подковы и вдругъ попадетъ въ дамское общество прекраснаго пола. Ну, и ни тпру, ни ну. А ежели барышня его «нукнетъ», такой глупый грандіозъ понесетъ, что уши вянуть станутъ. Ну, наконецъ-то, заритурнилили! Подымайтесь, модмазель!... Разъ, два, три... балансируйте-съ!...

— А вы чѣмъ же занимаетесь? — спрашивала брюнетка послѣ первой фигуры.

— Я-съ? — Собственно папаша нашъ учетомъ занимается. — Векселя дисконтируетъ. Вы знаете что такое дисконтъ-съ?

— Дисконтъ? — Голосъ такой есть... мальчики въ хору имъ поютъ.

— Совсѣмъ, модмазель, не въ ту графу попали-съ. Дисконтъ — одно, дискантъ -- другое,

дисконтъ собственно значить процентъ взять. Напримѣръ, вамъ нужна тысяча рублей, а денегъ у васъ нѣтъ... вы и идете къ моему папашѣ.

— Зачѣмъ же я къ вашему пойду, когда у моего папаша денегъ куры не клюютъ... — вы не думайте, что мы какіе-нибудь пролетарные... мой папаша настоящій купецъ, не взирая на то, что совсѣмъ безъ всякаго образованія.

— Да я не васъ къ моему родителю посылаю... Какъ же я смѣю такую прекрасную модмазель въ лапы къ родителю! — Другіе идутъ, которые нуждающіе. Ну, и вотъ-съ, напишеть нуждающій векселечекъ, а папаша ему денежки вручить, за вычетомъ, конечно, процентовъ.

— Ахъ, такъ вашъ папаша процентщикъ!

— Дисконтеръ, Авдокія Максимовна, а не процентщикъ. Процентщиковъ-то нынче все въ Сибирь ссылаютъ. Разница большая. Процентщикъ—субъектъ каторжный, а дисконтеръ — птица совсѣмъ изъ другой оперы.

— А вы тоже этимъ занимаетесь?

— Я-съ? — Нѣтъ. Я прозу жизни терпѣть не могу, я, знаете, стихи пишу.

— Неужели? Такъ вы поэтъ?

— Такъ точно-съ. Намъ начинать - съ!... Прошу-съ!

— Такъ вы поэтъ?—любопытствовала брюнетка послѣ второй фигуры,—и вы печатаете свои стихи?

— Какъ же не печатать, отлично печатаю.—У меня, знаете, машинка этакая есть съ буквами, на ней я свои стихи и печатаю.

— Я очень люблю хорошенькіе стишки.

— Неужели? Очень пріятно видѣть стихотворную любительницу.

— Какіе же вы стихи пишете? Про любовь?

— Разные-съ. Что придетъ въ голову, то и пишу, но, по моему мнѣнію, я декадентъ.

— Это что же значить,—декадентъ?

— Декадентъ? Модный поэтъ и больше ничего. Пиши только свободнѣе, не взирая ни на что, и въ декаденты попадешь.

— Скажите какой-нибудь стишокъ, только хорошенькій.

— Какой же собственно? У меня ихъ чертова пропасть. Вѣрите ли, Авдокія Максимовна, самому даже надѣли... смотришь, тутъ стихи, тамъ стихи, вездѣ стихи валяются... еще папаша ругается, а то бы я и не такъ еще растихотворился!

— Неужели у васъ родители такіе дикіе люди?

— Они не дикіе, а понятія у нихъ обо всемъ дисконтерныя... Копѣйку въ мѣсяцъ они брать понимаютъ, а декадента понять не могутъ!

— Я вамъ сочувствую. Вообще наши родители своихъ дѣтей понять не хотятъ. Мы стремимся, а они насъ держутъ.

— Ну, меня не очень-то удержишь! — мотнулъ головой кавалеръ, — отъ запоя вдругъ меня къ какому-то заговорщику лѣчиться повезли. Думали, что я стихи-то съ запою пишу.

— Ахъ, какое дикое невѣжество!

— И не говорите, модмазель! Я лѣчусь. Мнѣ что же? Плевать. Лѣчусь и стихами ихъ донимаю, лѣчусь и стихами... Они меня къ другому, а я еще хуже: по стопѣ въ день порчу!... Третья фигура-сь!

— Скажите же мнѣ какой-нибудь стихъ, — упрашивала кавалера брюнетка послѣ третьей фигуры.

— Какой же вамъ сказать, ей-ей я даже затрудняюсь. Чортова бездна ихъ у меня... всѣхъ и не вспомнишь.

— Какой-нибудь, только хорошенькій.

— У меня всѣ хорошіе. Кому ни читаль, только ахали... напрімѣръ, такой:

По небу несутся тучки лазурныя,
А на твоихъ ножкахъ чулочки ажурные.

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйста что-нибудь безъ чулковъ.

— Почему же вамъ чулки не нравятся? Самая необходимая вещь, на мой взглядъ, въ дамскомъ костюмѣ...

— Ежели можно что-нибудь безъ чулковъ, то прочтите...

— Я, модмазель, право, не понимаю, почему вамъ чулки не по нутру? Дамскій чулокъ, по мнѣнію поэтовъ, такая деликатная

вещь, котурую всегда можно въ любые стихи...

— Вы что-нибудь насчетъ любви скажите...

— И насчетъ любви можно-сь. Напримѣръ, такой мандригалъ:

Ты сидѣла, а я предъ тобою стоялъ,
Изнывая въ отчаянной мукѣ...
„Полюби меня“,— вдругъ я сказалъ,—
„А не то наложу на себя руки...“

— Ахъ, какъ хорошо!—не удержалась брюнетка.

— Вамъ нравится?... Очень радъ-сь... У меня всякіе стихи есть... Четвертая фигура, Авдокія Максимовна!

— Скажите стишки почувствительнѣе, только полегче насчетъ дамскихъ словъ,—приставала брюнетка къ кавалеру послѣ четвертой фигуры.

— Не могу даже понять, что вамъ требуется. Чувствительные стихи безъ дамскихъ словъ не бываютъ-сь.—Ну, какъ я, обращаясь къ предмету, обойдусь безъ дамскихъ междометій? Волянка-сь!

— Неужели у васъ нѣтъ такихъ?

— Всякіе есть, да мудрено на васъ потрафить.—И радъ бы, да... Впрочемъ, постойте, какъ вы скажете насчетъ вотъ этого:

Снѣгъ хруститъ, луна сіяетъ,
Я качу съ тобою въ Ярѣ...
Тучки вдругъ луну скрываютъ,
Мы жъ кишимъ, какъ самоваръ...

— Хороши?

— Нѣтъ, вы что-нибудь почувствительнѣе; мнѣ одинъ офицеръ подарилъ чудесные стишки.

— Что вашъ офицеръ! Развѣ офицеры умѣютъ стихи писать? Насчетъ непріятеля ихъ взять, а по части стихоплетства — они пасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ихъ не знаете... Они все могутъ... Пятая фигура!

— Я съ офицерами, положимъ, не знакомъ,—говорилъ блондинъ послѣ пятой фигуры, — но, такъ полагаю, что они въ декаденты не могутъ... Вы въ Тверской-Ямской, кажется, живете?

— Совсѣмъ не въ той части свѣта. Мы въ Таганкѣ.

— Да? А я такъ и думалъ, что вы тверская-ямская личность. Мнѣ даже нашъ сосѣдній визави объ этомъ сказалъ.

— Это черномазый? Кто онъ такой?

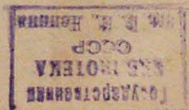
— Да такъ, изъ Дрейфусовъ.— Синдикатской вѣры.— Позвольте и впредь съ вами быть знакомымъ...

— Очень рада. Такихъ пріятныхъ кавалеровъ даже рѣдко встрѣчаешь.

— Будто бы-съ?

— Право, я безъ комплиментовъ. И занять барышню можете, и стихи пишете, и танцуете безъ катастрофы...

— Всегда готовъ-съ. Позвольте познакомиться съ вашими родителями?

— Ахъ, разумѣется!... Только ежели вы имъ начнете свои стихи читать, пожалуйста читайте безъ чулковъ....

— Постараюсь, потому по своимъ родителямъ знаю, что старики ко всѣмъ чулкамъ безчувственны. Пермете вашу талию... шестая фигура-съ! Алле-съ...

Пара помчалась.

Утро молодыхъ.

— Хорошъ, мамашечка?—спрашивалъ гладко причесанный блондинъ у пожилой тучной дамы, сидѣвшей за самоваромъ въ столовой.

— А ты поздоровайся сперва съ матерью, а потомъ и спрашивай,—отвѣтила та, поднимаясь съ широкаго кресла, придвинутаго къ столу.

— Бонжуръ, маманъ,—ткнулся тотъ широкимъ, породистымъ носомъ въ пухлое лицо тучной дамы,—и съ добрымъ утромъ.

— И тебя, Митенька, съ тѣмъ же... Какъ почивалъ?

— Мерси-съ... Какъ, по вашему мнѣнiю, халать, хорошъ?

— Ничего... а ты повернись... халать, какъ халать.

— Атласный, мамочка.

— Шелковый бы много легче и наряднѣе былъ. А гдѣ же твоя молодая?

— Дунечка-то-съ? А сейчасъ ей парикмахеръ волосы щипцами портитъ... По-моему, мамашечка, халать хорошъ. Возьмите вы кисти: фунта по два въ каждой вѣсу.

— Могли бы и получше въ приданное-то сшить. Ну, да ужъ теперь спрашивать нечего.

— Отчего же-съ? Дунечка говоритъ, что ежели халать мнѣ не по мысли, ея папаша новый всегда съ удовольствіемъ сошьетъ.

— Сойдетъ и этотъ. Дожидайся тамъ новый-то... когда-то Улита ѣдетъ, да когда-то пріѣдетъ... Садись чай пить.

— Коньяку бы лучше... ужъ очень вчера весело отпировали... въ башкѣ-то, вѣрите ли, вотъ какое засѣданіе, въ родѣ австрійской палаты: и бьютъ, и орутъ, и въ разные звонки звонять.

— Сельтерской лучше выпей... съ визитомъ, вѣдь, сейчасъ надо ѣхать.

— Экъ, вы хватились, мамашечка! Да я ужъ съ полдюжины бутылокъ сельтерской-то извелъ, а башкѣ нисколько не легче... прикажите коньяку подать. Пересыпалъ вчера по поводу радости.

— Это тебя шафера испортили, Митенька,—говорила тучная дама, вынимая изъ буфета графинчикъ и ставя его на столъ,—самыхъ безпутныхъ себѣ шаферовъ подобралъ.

— Ахъ, мамаша! Да гдѣ же они нынче путные-то?.. У всѣхъ путаные... Во-вторыхъ, желаютъ всякаго благополучія насчетъ любви, какъ же я съ ними не выпью... Свинья я, мамаша, или нѣтъ?

— Да ужъ очень часто ты съ ними къ закускѣ-то подходилъ. Мнѣ ужъ твоя молодая жаловалась: поминутно, говоритъ, его въ столовую таскаютъ.

— Ну что Дунечка понимаетъ? Она, ма-

машечка, ровно ничего не понимаетъ. Самое, по моему мнѣнію, ей глупое воспитаніе родители дали. Лишнюю шубу дали, а воспитаніемъ обкургузили.

— Кажется, Митенька, она въ правильномъ духѣ воспитана... я ея родителей больше сорока лѣтъ знаю...

— Ну, что вы понимать въ воспитаніи можете? Ровно ничего-съ. Стараго вы завѣту человѣкъ, а разсуждать лѣзете. Правильное воспитаніе! Это у Дунечки-то-съ? Какое у ней правильное, позвольте васъ спросить? Спрашиваю ее, напримѣръ: Дунечка, когда я васъ цѣлую, что вы чувствуете? А она вдругъ въ отвѣтъ какую глупость: чувствую, говорить, что отъ васъ не-то мадерой, не-то хересомъ пахнетъ! Вотъ вамъ и воспитаніе! Ежели бы мясоѣдъ подлиннѣе былъ, я бы еще подумалъ на ней жениться. Мнѣ такое воспитаніе не нравится, мамашечка...

— Да какого тебѣ рожна еще надо, спрашивается? Дѣвушка красивая, съ хорошимъ приданымъ...

— Ну, насчетъ приданаго, мамашечка, мы пренія оставимъ. Нонче всякая дрянь по сту тысячъ норовить слизнуть, а я все-таки на виду. Одинъ сынъ у матери, полный наслѣдникъ всего имущества послѣ вашей смерти, и вдругъ сорокъ тысячъ. У меня шансы хорошіе: не нонче-завтра вы помрете, такъ что я всему полный наслѣдникъ законный, и сорокъ тысячъ взялъ, а у другихъ никакихъ

такихъ смертельныхъ шансовъ нѣту и по сту тысячъ берутъ.

— Ахъ, какъ ты глупъ еще, Митя, очень даже глупъ!—покачала головой тучная дама.

— По-моему, я даже черезчуръ уменъ, мамашечка. У кого хотите спросите, всякій вамъ это скажетъ, — говорилъ «молодой», выпивъ залпомъ рюмку коньяку.—Фу-у! Даже дрожь по всему нутру пошла. Вы вотъ говорите, я глупъ, а вы умны очень: взяли на двадцать тысячъ золотомъ, а я отъ него убытку больше ста рублей понесъ... Ни за что бы я отъ тестя приданныя деньги золотомъ не взялъ...

— Да какой же отъ золота убытокъ, Митенька?

— А такой, что золотые-то жидаы начали травить, на сто рублей меня въ двадцати тысячахъ и нажгли. По вѣсу надо золото принимать, а вы съ большого ума по счету взяли. Сто цѣлковыхъ деньги, мамашечка. Я вчера говорю тестю, что сто цѣлковыхъ недочетъ въ приданомъ, а онъ смѣется. Можетъ, онъ самъ и сравилъ-то ихъ, чтобъ зятю не додать. Жулики!

— Ну, есть о чемъ тутъ толковать, Митенька!

— Да вѣдь жалко, мамашечка! Кровные мои сто цѣлкачей или нѣтъ? Я бы этотъ убытокъ лучше въ «Стрѣльнѣ» прожилъ, ни чѣмъ тестю его жертвовать. Женщины, вѣдь, всѣ на золото падки, ну, вотъ онъ васъ и поймалъ на этомъ. Фу-у!

— Да ты не пей больше, Митенька—помни, тебѣ съ визитомъ ъхать надо.

— Я, мамашечка, все помню, даже черезчуръ-съ. И что такое визитъ? Вошелъ, плюнулъ и уѣхалъ. Гдѣ чаю предложить, гдѣ кофею, гдѣ шеколаду, а фундаментальнаго напитка, кромѣ тестя, ждать не отъ кого. А на тестя я за золото сердить. Могу я съ нимъ фундаментальный напитокъ пить или нѣтъ? Не могу. Такъ я лучше дома себя на весь день оформлю. Тестъ мнѣ рюмку, а я не желаю. Тестъ мнѣ вторую, а я ему сейчасъ про золото. И потомъ, мамашечка, вы совсѣмъ напрасно насчетъ шаферовъ пьяную диффамацию пускаете: я съ тещей въ десять разъ, можетъ, чаще къ столу подходилъ, чѣмъ съ шаферами.

— И не надо было тебѣ съ Марѳой Панкратьевной связываться: въ нее бочку нальешь, никто не замѣтитъ.

— Мамаша! Ну, какъ же я могу обидѣть тещу? Родня она мнѣ кровная или полукровка? Уваженіе къ жениной роднѣ долженъ я оказывать или нѣтъ?

— Выпилъ бы рюмку и извинился. Я, дескать, молодой и больше не могу.

— А она съ молодыми только и пьетъ. Всѣхъ танцоровъ Марѳа Панкратьевна у насъ вчера перепоила. Студента, двухъ техниковъ, двоихъ докторовъ, двоихъ присяжныхъ повѣренныхъ — всѣхъ въ лоскъ уложила. И сама же потомъ за ужиномъ смѣется: никуда, го-

ворить, нонѣшняя молодежь не годится! Молодой! А какая ей радость со старичками пить? Выпить старичекъ черезъ мѣру, возьметъ, да и помретъ, а молодой, все-таки, выдержитъ: прохвораетъ, можетъ, съ недѣлю, а все-таки живъ останется.

— И все-таки ты, Митенька, долженъ быть себя соблюдать. Въ другое время можно и чрезъ мѣру, а въ день свадьбы завсегда молодые себя насчетъ питія уэкономливаютъ.

— А я развѣ насчетъ политической экономіи не старался? Экономилъ! мамашечка, очень даже политично экономилъ.

— Ну, ужъ ты молчи лучше, знаю я, какъ ты экономилъ. Чуть было съ Анной Федоровной, за мѣсто жены-то, не уѣхалъ.

— Это съ которой Анной Федоровной?

— Со вдовой.

— Не помню. Скажите, какая жестокость съ моей стороны вышла! Какимъ же это я манеромъ ее за Дунечку?

— А ужъ это тебя надо спросить. И кадрили съ ней послѣднюю танцевалъ, и за ужиномъ все къ ней лѣзъ.

— Да ну? Мамаша, неужели со мной такой дневникъ проишествій вышелъ?

— Зря тебѣ говорить не стану. Вотъ отца-то покойника и пожалѣешь: будь онъ живъ, такую бы тебѣ вдову показалъ, на версту бы отъ нея отскочилъ.

— Не помню. То-то я Дунечку нонче все Анютой зову. Надо Дунечка, а я — Анюта,

да Анята. И самъ даже удивляюсь, откуда у меня Анята на языкъ попала? А все теща, мамаша: какъ попала въ буфетъ, такъ тамъ и застряла. Стоитъ да всѣхъ зазываетъ: «Пожалуйте, говорить, ежели... подходите которые».

— А ты, видно, всѣхъ чаще въ эти въ которые-то и подходилъ?

— По родственному, мамашечка. Родительница супруги законной, ну, какъ я ее оскорблю отказомъ? Дама она нѣжная: сперва поцѣлуетъ того, съ кѣмъ выпить хочетъ, а потомъ ужъ и хлопнетъ. А я дамскую ласку уважаю. Богъ съ ней. Лучше тещу переуважить, чѣмъ не доуважить.

— Тещу переуважилъ, а потомъ чуть было со вдовой не уѣхалъ.

— Ошибка зрѣнія. Я вѣдь, мамашечка, вамъ всегда говорилъ, что я близорукъ, а вы не вѣрили.

— На крыльцѣ ужъ тебя дядя поймалъ съ твоей близорукостью.

— Неужто, мамашечка? То-то нынче утромъ Аняточка не въ духѣ... то-есть Дунечка... Я ей и то, и се, и пятое, и десятое, по хорошему все, кажется, а хорошаго ничего не выходитъ.

— Дядя тебя къ себѣ тянетъ, а ты его наотмашь. До крови носъ ему расшибъ.

— Скажите, какое глупое кровопусканіе! Вотъ ужъ этого я никакъ не ожидалъ отъ мясницкій.

дяденьки... то-есть отъ себя насчетъ дяденьки... Хрящи-то у него цѣлы?

— Хрящики ничего, только долго кровь унять не могли.

— Ахъ, дяденька! И нужно же ему было въ такую вдовью минуту носъ сунуть! Сердился?

— Нѣтъ, спасибо тебѣ говорилъ!

— Поѣду къ нему и повинную принесу. Все теща! Хорошая, кажется, дама, а до какой степени зятя испортить можетъ... Вотъ вы какія женщины, мамашечка! Всякій мужчина изъ-за васъ погибнуть можетъ! Вотръ сантѣ!

— А ты не пей много-то, Митенька, поѣдешь съ визитами да въ каретѣ, того гляди, заснешь.

— Анюточка... то-есть, Дунечка разбудить.

— Ну, тебя будить, все одно, что отца-покойника. На того, бывало, ведра два воды выльешь, а онъ храпитъ во всю ивановскую и знать ничего не хочетъ.

— Я не такой... я чуткій.

— Очень чуткій. Къ вѣнцу часа два будили, насилу добудились. И то, еслибъ не Назарычъ, который тебя щекотать началъ подъ колѣнками, свадьбы бы вчера не быть.

— Съ мальчишника это, мамашечка... полтора сутокъ мальчишникъ справляли, можете, кажется, судить изъ этого... Фу-у!.. Въ головѣ, какъ будто, дебаты тише стали... Что жъ

это Дунечка не идетъ? Неужели ее до сей поры парикмахеръ тиранить?

— Прически модныя пошли, развѣ скоро ее подъ моду-то подгонишь? Да вотъ она и сама,—проговорила тучная дама, идя навстрѣчу худенькой брюнеткѣ въ утреннемъ капотѣ.

— Здравствуйте, мамаша, — говорила та, плѣлая со свекровью, — съ добрымъ утромъ.

— И тебя также. Садись, я тебѣ чаю налью. Ну, какъ почивала на новомъ-то мѣстѣ?

— Ничего, — потупилась брюнетка, — заснуть только долго не могла.

— Блохи, Дунечка, мѣшали? — справился молодой, опрокидывая рюмку коньяку.

— Ахъ, нѣтъ! Просто вы храпѣли.

— Я? Не можетъ быть.

— Ужась, какъ храпѣли... розетки на подсвѣчникахъ звенѣли.

— Скажите, какое свинство! А вы бы меня въ бокъ двинули.

— Ахъ, что вы, что вы!

— Ничего не значить, я не взыщу. Вы, Дунечка, не сердитесь?

— За что же сердиться? Вы это вѣдь во снѣ...

— Конечно, во снѣ. На яву я никогда храпѣніемъ не занимаюсь. Мамашечка, вы бы Дунечкѣ варенья къ чаю-то. Засластите мое свинство.

— Сейчасъ велю принести, — поднялась съ мѣста тучная дама и поплыла въ сосѣдную комнату.

— Зачѣмъ вы, Дмитрій Васильевичъ, мамашу беспокоите, я могу и безъ варенья.

— На первыхъ-то порахъ васъ не побаловать! Какой же я мужъ послѣ этого буду, — говорилъ молодой, подсаживаясь къ брюнеткѣ. — Такъ вы не того... не спали?... Ахъ, Анюточка, то бишь, Дунечка, какъ я страдаю черезъ это!.. Поцѣловать васъ можно?

— Отчего же?

— Да вѣдь кто васъ знаетъ... характеръ мнѣ вашъ неизвѣстенъ... по - моему, хорошо, а по - вашему ничего не стоитъ. Конечно, если бъ мы другъ друга годъ или полгода знали, дѣло десятое, а то я васъ въ сентябрѣ увидалъ, а вы меня въ октябрѣ.

— Нѣтъ, и я васъ въ сентябрѣ видѣла.

— Ужли видѣли? Это въ театрѣ?

— Да.

— Ну, значить, мы хорошо знаемъ другъ друга... Съ сентября сколько протекло? Цѣлыхъ два мѣсяца... я васъ съ октября уважать сталъ. Вотъ только папаша вашъ свинья первогильдейская... на сто цѣлкахей меня помазалъ.

— На золотѣ?

— Ну, да. Половину приданого моя мамаша, сдуру, золотомъ приняла, а золотые-то травленые... Жиды теперь этою коммерціей занимаются... на сто рублей съ нихъ они и слизнули.

— Я скажу сегодня же папашѣ.

— Не стоитъ. Что съ возу упало, то про-

пало. Надо было раньше глядѣть, а теперь какой можетъ быть разговоръ? Самый несвоевременный. Я ему: «Въ вашихъ золотыхъ на сто рублей недовѣсу!»—а онъ мнѣ: «Зачѣмъ же бралъ такіе?» и правильно... Когда, вонъ, у Чуркина лошадь покупаешь, такъ лошади въ зубы смотреть, а не Чуркину, а моя мамашечка вашему родителю въ зубы смотрѣла, когда приданныя деньги получала. Дамская глупость, а тестю это на руку.

— Мой папаша, Дмитрій Васильичъ, не такой.

— Всѣ, Дунечка, папаши такіе, будьте покойны. Еще вашъ родитель, можно сказать, порядочный папашечка: могъ бы при безсовѣстности и фальшивые золотые моей мамашѣ всучить. Дама развѣ что понимаетъ? Въ банкахъ вонъ, когда золото принимаютъ, такъ на мраморной доскѣ ихъ пробуютъ, а мамашѣ мраморъ - то и въ башку не влетитъ... Дубовое сословіе вашъ поль-сь! Вы вотъ говорите, что я ночью храпѣлъ, а отчего я храпѣлъ? Можетъ, отъ золотого огорченія, развѣ вы можете это понимать?

— Я скажу папашѣ.

— Все равно разницу не отдастъ. На памятникъ пускай себѣ эти сто цѣлковыхъ оставить. Поцѣловать можно?

— Можно.

— Вы много вашего папаши добрѣе. А что вы послѣ моего поцѣлуя чувствуете, Дунечка?

— Коньякомъ отъ васъ пахнетъ.

— Совсѣмъ безчувственные супруги!—махнулъ рукой молодой.—Двойное огорченіе: и золотое, и поцѣлуйное... Мамашечка, что это тамъ за шумъ?—справился онъ у тучной дамы, несшей въ обѣихъ рукахъ вазочки съ вареньемъ.

— Поздравители пришли, которые съ хлѣбомъ-солью, которые съ чѣмъ.

— А съ гусями есть?

— И съ гусями есть. Птица семейная, какъ же гусей не поднести?.. Иди и принимай!

— Сейчасъ, мамашечка... Пьяныхъ нѣтъ?

— Двое, кажется, выпивши.

— Мало. Такая веселая свадьба была и вдругъ только двое пьяныхъ... депутаты, черти!

Молодой взъерошилъ волосы и вышелъ въ залу, откуда доносилось громкое «ура» и звонъ разбитой посуды.

«Копируетъ!»

Въ просторную переднюю моднаго портнаго только-что ввалились два субъекта. Старшій, приземистый, широкоплечій, съ сферообразнымъ брюшкомъ и небрежно-всклоченною бородой, былъ въ лисьей шубѣ, крытой чернымъ сукномъ, просаленнымъ до глянца на обшлагахъ и бортахъ; на младшемъ, средняго роста, худощавомъ паренькѣ, съ едва намѣченною растительностью на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по заведенному природой обычаю, растутъ усы и борода, висѣло точно на вѣшалкѣ длинное мѣшковатое пальто, съ порыжѣвшимъ отъ времени бобровымъ воротникомъ.

Къ нимъ подлетѣлъ служащій, что-то среднее между артельщикомъ и швейцаромъ, и поднялъ руки для снятія верхнихъ «хламидъ».

— Хозяинъ дома? — справился старшій, отводя руки служащаго въ сторону.

— Дома-съ. Пожалуйте-съ въ магазинъ... Шубы снять прикажете?

— Не надо. Паръ костей не ломить. Еще одѣнешь кого моей шубой-то.

— У насъ этого не водится, — усмѣхнулся служащій.

— Перепутать заказчиковъ, милый, ничего не стоитъ. Меня сколько разъ въ жизни путали. Войдешь въ одномъ одѣяніи, а выйдешь въ другомъ.

— Служащій за это отвѣчать долженъ съ...

— И отвѣчаетъ: «Ваше, говоритъ, одѣяніе». Кланяется даже. Ну, что я за такой отвѣтъ обязанъ? Ткнешь разика три въ морду за ошибку, да въ чужой одѣяніи и уйдешь. Хорошо, коли лучше моей, а какъ хуже? За что я убытки долженъ терпѣть? Да еще въ чужомъ городѣ... Пріѣзжіе мы съ Антошей,— ткнулъ онъ перстомъ сопровождавшаго его паренька,— изъ Чернохлѣбова... Слыхалъ про нашъ городъ?

— Какъ же-съ... Тамъ у меня двоюродный братъ живетъ.

— Ну? У кого?

— У купца Маслова, въ дворникахъ.

— Сосѣди... Твоего двоюроднаго-то какъ зовутъ? Ужъ не Васильемъ ли?

— Васильемъ.

— Ишь ты вѣдь какое непредвидѣнное родство! Кланяться буду. Тебя какъ величаютъ-то?

— Григорьемъ-съ.

— Григорій, молъ, кланяется. Безпремѣнно передамъ поклонъ... Хозяинъ доволенъ?

— Вполнѣ-съ.

— Такъ и скажу. Случай какой все-таки: пріѣхали къ портному и вдругъ земляка нашли.

— Папаша, — толкнулъ паренекъ разгово-

рившагося отца, — пойдѣмте-съ, не за ческой сюда пришли.

— Идемъ, идемъ. Направо, что-ль?

— Направо пожалуйста, — отворилъ дверь служащій въ комнату, загроможденную шкафами и прилавками, — я сейчасъ хозяину доложу-съ.

Пріѣзжіе вошли, окинули глазами углы и присѣли на диванчикъ.

Минуту спустя къ нимъ вылетѣлъ изъ внутреннихъ комнатъ брюнетъ безъ сюртука съ мѣлкой въ рукахъ и раскланялся на ходу.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ онъ, пожимая протянутыя руки заказчиковъ.

— Насчетъ заказа, — отвѣтилъ старшій, разсматривая портного. — Нѣмецъ?

— Я? Нѣмецъ.

— Значить, нѣтъ въ тебѣ правильной христіанской души.

— Напротивъ, — разсмѣялся тотъ, — у меня самая настоящая христіанская душа.

— Ну, ну... Это для меня сурпризъ. Антонъ, раздѣвайся! Съ душой, оказывается, портной-то!

Заказчики сняли съ себя шубы и одернули на себѣ длинные, застегнутые наглухо, сюртуки.

— Вамъ прикажете что-нибудь или молодому человѣку? — справился портной у старшаго.

— Да мнѣ что... мнѣ, пожалуй, и нашъ «Ивановъ изъ Берлина» сошьетъ, а вотъ па-

реньку моему кое-что по костюмной части требуется.

— Съ удовольствіемъ. Что прикажете?

— Фракъ ему, во-первыхъ, надо. И не хотѣлъ было я шить эту глупость, да всѣ на меня насѣли — и жена, и свояченица, сшей! У насъ теперь въ Чернохлѣбовѣ мода на эту дрянъ пошла. И сукна-то всего ничего, а носятъ.

— Молодому человѣку безъ фракной пары нельзя... Жените вы его, повидимому?

— Собачье чутье у тебя, повидимому. Антонъ, видно рожа у тебя такая жениховская... Куда ни придешь,—женихъ, говорятъ.

— Да, это сейчасъ видно.

— Не умѣетъ онъ скрывать своихъ чувствъ, орясина. Ну, черезъ это и переплачиваешь. У васъ тутъ, въ Москвѣ, что съ жениховъ, что съ невѣстъ дерутъ втридорога.

— Неправда-съ. Цѣны самая обыкновенныя.

— Толкуй! За сорочки сейчасъ съ насъ что взяли? Ну, какъ думаешь?

— За полотняныя?

— Да. Дюжину заказали, чтобъ лѣтъ на десять ему хватило.

— Ну, на десять лѣтъ дюжины не хватитъ,—усомнился портной.

— По Москвѣ не хватитъ, а по нашему Чернохлѣбову — за глаза достаточно. Вѣдь у насъ крахмальныя-то рубашки когда надѣваютъ? Много раза три-четыре въ годъ, а въ лавкѣ сидѣть и въ ситцевой первый сортъ.

Шестьдесятъ цѣлковыхъ анафемы за дюжину-то сдули.

— Это еще дешево. Хорошія сорочки и на восемьдесятъ не сошьешь!

— Слышишь, Антонъ, какъ Москва денежками-то швыряется? Во что твоя свадьба мнѣ вѣдетъ, спрашивается?

— Въ солидную сумму, папаша, по моимъ соображеніямъ.

— А по моимъ соображеніямъ, не стоишь ты солидной суммы. Сватали Криворучкину, сорокъ тысячъ давали, и руками, и ногами: скула, вишь, лѣвая больше правой. Да что тебѣ женину скулу-то изъ двѣнадцати годовыхъ, что ль, подъ векселя отдавать?

— Папаша! по моему мнѣнію, о Криворучкиной вопросъ исчерпанъ-съ...

— Какъ?

— Исчерпанъ, говорю, этотъ вопросъ.

— Исчерпанъ? Врешь! Еще черпать только изъ моего бумажника начинаешь... Какъ вѣдь, нѣмецъ съ душой, просилъ я Антошку на Криворучкиной жениться, — уперся, какъ быкъ! Скулить насчетъ лѣвой скулы и шабашъ! На Тетерькину взоры обратилъ, а за ней и десятка не даютъ, да и глиза безъ всякой симпатіи разставлены.

— Глаза у Лидочки, папаша, прекрасные... вы ошибаетесь...

— У ней глаза? Ахъ, дуракъ! Ну, спроси ты у нѣмца съ душой, какіе это такіе глаза, которые на полверсты другъ отъ дружки?

Сперва на одинъ глазъ гляди, а потомъ на другой обращай взоры. Ни за что въ такихъ глазахъ правды не найдешь...

— Папаша, мнѣ кажется, что подобные разговоры въ присутствіи некомпетентнаго лица совершенно излишни...

— Какого лица говоришь?

— А вотъ ихъ-сь.

— Да какое лицо-то у него, ты сейчасъ сказалъ?

— Я говорю, что въ присутствіи некомпетентнаго лица разговоры излишніе-сь...

— Ты ужъ извини, душевный нѣмецъ, что мой дуракъ у тебя такое скверное лицо нашель... По-моему, личность у тебя, какъ личность... издали даже за православный профиль принять можно...

— Папаша, вы меня не такъ поняли...

— Да онъ-то тебя понималъ, орясина! Путался онъ у насъ прошлую зиму съ актерами и научился разной неделикатности въ обращеніи. Ты ужъ не грабь за Антошкино малоуміе.

— Пожалуйста не беспокойтесь. Да они положительно ничего не сказали такого обиднаго...

— Ну, положимъ. Я отецъ и лучше тебя знаю, что можно сказать, чего нѣтъ... Въ Тетерькину втюрился и себя же, дуракъ, на три красныхъ ограбилъ. Есть у дубины коммерческій расчетъ или нѣтъ?

— Дѣло не въ деньгахъ, — замѣтилъ, улыбаясь портной.

— Само собой. Я и не насчетъ денегъ толкую, а насчетъ того, что разница въ прилагательномъ большая, а въ рожѣ—никакой. У одной скула безъ всякихъ сантиметровъ, а у другой глаза на разныхъ улицахъ... Мѣрь фракъ!

— Сейчасъ я велю показать матерію, — бросился портной въ сосѣдную комнату и снова явился въ сопровожденіи подмастерья, который безшумно принялся выкидывать на прилавокъ куски матеріи.

— Вотъ эта очень на фракъ хороша, — указаль портной на одинъ изъ кусковъ

— Мягка, — проговорилъ старшій, отдуваясь, — Антоша, щупай!

— Да что жъ мнѣ щупать-то, папаша? Вы щупаете, и достаточно.

— Дурень, ты, чай, фракъ-то носить станешь, а не я. Мало ли что отцу нравится, а сыну нѣтъ. Мнѣ вотъ Криворучкина больно по душѣ была, а ты въ Тетерькину втюрился. Значить, вкусъ вкусу не образчикъ, кто любить арбузъ, а кто свиной хрящикъ. Щупай. Хороша?

— Прекрасная матерія.

— У тебя все прекрасно. Эхъ, Антонъ! А еще одинъ сынъ у родителей! Какъ я тебя училъ съ малолѣтства жизни, ничего въ прокъ не пошло. Обмѣряй дурака, нѣмецъ съ душой!

— Такъ изъ этой матеріи прикажете?—
спросилъ портной.

— Изъ этой. Модная?

— Самая модная.

— Валяй. Осантиметръ его хорошенько. И завели же у насъ, черти, моду фракъ носить. Ни груди, ни полъ. На манеръ открытой форточки въ окнѣ. То ли дѣло сюртукъ: застегнулся на всѣ пуговицы, словно въ мѣшокъ влѣзъ. Ни въ тебя ничего, ни изъ тебя ни шиша. На желѣзной дорогѣ пробовадь ко мнѣ жуликъ залѣзть и застрялъ въ сюртукѣ-то. А фракъ вашъ что? Не жуликъ я, кажется, и то что хочешь изъ него вытащу.

— Безъ фрака молодому человѣку трудно обойтись,—говорилъ портной, поворачиваясь къ подмастерью, который записывалъ мѣру.—
46! 73!

— На все, нѣмецъ, мода. Ты за фракъ-то, однако, какую намѣренъ цифру?

— Лишняго не возьму-съ.

— Да у васъ въ Москвѣ никто лишняго не беретъ, а какъ начнешь считать ваши прейсъ-куранты, затылокъ до крови расчешешь. Готово?

— Готово. Что еще прикажете?

— Антоша, что тебѣ по костюмной части еще требуется?

— Двѣ пары еще надо, папаша. Одну потемнѣе, а другую для лѣта—посвѣтлѣе.

— До лѣта-то мы еще навѣстимъ Москву.

— Ну, это еще вопросъ.

— Приѣдемъ, глупый.

— Все равно мнѣ двѣ пары надо. Шить, такъ ужъ шить.

— Разумѣется, лучше сшить сразу, — подержалъ портной паренька,

— Да, тебѣ, нѣмецъ съ душой, что не шить! Ты, пожалуй, десять паръ готовь, благо дураки сами пришли. А ты сосчитай, во сколько мнѣ Антошкина свадьба вѣдетъ. Уму непостижимо. Швыряй матерію-то на прилавокъ, чего ротъ разинулъ? — крикнулъ пожилой подмастерью, — жалованье берешь, служи по совѣсти!

— Сю минуту, — бросился тотъ къ шкафамъ.

— И парня-то обмундируй, и обмундируй какъ слѣдуетъ, да и невѣстѣ разный препаратъ. Шкатулку свадебную — разъ. Дрянь, собственно, въ шкатулкѣ: зеркальце, гребешочекъ, духи, помада, какой никому не надо, цѣна — двѣ сотенныхъ! Я даже выругался по-нашему, по-чернохлѣбовскому, а они смѣются... вотъ и ты, нѣмецъ, тоже смѣешься, привыкъ, значитъ, къ грабежу-то.

— Въ Москвѣ грабежа нѣтъ, берутъ что слѣдуетъ.

— Именно, что не слѣдуетъ, то и дерутъ. Гребешочекъ да зеркальца верешочекъ, мыльце да шильце, скляночки да баночки и вдругъ двѣсти цѣлковыхъ! По-нашему, это разбой, а по-вашему — присъ-курантъ.

— При-фиксъ, папаша,—поправиль родителя паренекъ.

— Все равно, московскій грабежъ, какъ ни называй. А на Тетерькиной женишься! Не жалко себя дать ограбить, ежели бы ты на Криворучкиной. Сорокъ тысячъ! Выросъ ты вотъ, сверхъ ожиданія, а то разложить бы тебя на скамью, да драть бы, драть бы... Что?

— Я, папаша, молчу.

— И долженъ молчать, когда отецъ правду говоритъ. Платье вѣнчальное—два. Пріѣхали къ портнихѣ. Сколько надо?—Шестьдесятъ аршинъ!—Да ты, говорю, это, вихрястая мадамъ, какъ считаешь: на заграничные сантиметры или на наши россейскіе вершки?—На ваши, говоритъ.—Шестьдесятъ?—Шестьдесятъ!—А это ты видала?.. Поднесъ ей фигу поды и къ другой мадамъ. — На вѣнчальное платье сколько?—Шестьдесятъ аршинъ, мусью!—И тебѣ шестьдесятъ?—Не мнѣ, говоритъ, а вашей невѣстѣ!.. Ну, мадамы, ножницами васъ насквозь пропороты!.. Я къ третьей. Сколько?—Шестьдесятъ!—Тьфу! У всѣхъ одно и то же,—трясись, да и только!

— При-фиксъ, папаша, а не трясись,—замѣтилъ паренекъ, ощупывая раскинутыя на прилавкѣ матеріи.

— Все равно, отъ твоего прифиса затрясешься!.. Шестьдесятъ аршинъ! Куда, спрашивается? А мадамъ свои резоны: туда—пять, туда—восемь, а вонъ туда—двѣнадцать... По

рюмочкѣ, выходить, три рюмочки, а по гривенничку—восемь гривенъ. Въ аккуратѣ!

— У портнихъ, папаша, никакихъ концовъ не найдешь! Тутъ складки, тамъ—плиссе... въ одномъ мѣстѣ—зашили, въ другомъ—прошили.

— И въ концѣ-концовъ дурака-заказчика на лѣвую ногу обшили. Вѣрно! Я къ четвертой... добросовѣстнѣе... пятеро рекомендовали, значить, съ душой все-таки портниха.—Сколько?—Шестьдесятъ!—Тьфу! Грабь! Не избѣгнешь, значить...

— Вы напрасно возмущаетесь, — замѣтилъ портной, — на бальное платье шестьдесятъ аршинъ шелковой матеріи самая скромная цифра.

— Врешь?

— Смѣю васъ увѣрить.

— За что жъ я ихъ ругаль-то? Мадамовъ-то!

— Папаша всегда такъ, — замѣтилъ паренекъ, — не узнаетъ въ чемъ дѣло, и начинаетъ направо и налево сыпать свои бон-мо.

— Ничего я не сыпалъ, а просто ругаль. Помилуй скажи: я сейчасъ кухаркѣ къ Рождеству на шубку тринадцать аршинъ ситцу... тринадцать, ты пойми! А твои мадамъ шестьдесятъ... Антонъ, выбирай рисунокъ-то!

— Выбираю, папаша.

— Могу я, слѣдовательно, ругаться или нѣтъ? Ты, нѣмецъ, можетъ, и ему тоже на пиджаки-то шестьдесятъ аршинъпустишь?

— Мужчинѣ изъ такого количества цѣлая дюжина паръ выйдетъ.

— Вотъ сейчасъ видно, что ты нѣмецъ съ душой, не то что портнихи... Брошку съ серьгами невѣстѣ въ презентъ... Чѣмъ эта музыка пахнетъ? А онъ на Тетерькиной, орясина! Ступайте, говорить, къ Ивану Ивановичу Озерицкому въ пассажъ, честнѣе торговца этими вещами на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Пришелъ, выбралъ. Цѣна? — Двѣ тысячи! А Антошка за Тетерькиной только десятку беретъ. Свадьба сичасъ на худой конецъ въ тричетыре тысячи вѣдетъ. Спрашивается, отъ приданныхъ денегъ ему что очистится?

— Не знаю-съ, — усмѣхнулся портной.

— А я знаю. Газетная бумага, въ которой эти тысячи лежать будутъ. Нюхай бумагу-то, нюхай, Антоша, чѣмъ она пахнетъ!

— Газетная бумага всегда типографскою краской пахнетъ.

— Краской? Ну, и дуракъ, ежели за женой только краску берешь.

— Папаша, объ этомъ у насъ поконченъ вопросъ, слѣдовательно, я могу совершенно индифферентно относиться къ вашимъ репликамъ.

— Инди... индихи... индирехи... а ты не смѣй отцу при чужомъ нѣмцѣ такихъ глупыхъ словъ говорить. Слышалъ? Нѣмецъ, копируй его, орясину!

Отецъ опустился на диванъ и полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Сынъ скривилъ ротъ въ улыбку и растопырилъ для примѣрки руки.

Осенью пахнетъ.

Осенью запахло. Валится пожелтѣвшій листь съ деревьевъ, торопливо перебираются въ городъ запоздавшіе дачники, завернутые въ пледы и шерстяныя одѣяла. Скучно, неуютно за городомъ, тоскливо и въ городѣ. Сегодня дождь съ утра до ночи, завтра чуть не морозъ съ пронизывающимъ васъ насквозь вѣтромъ. Слезится природа, слезятся отъ вѣтра и глаза у обывателя. На что ужъ, кажется, жизнерадостный россиянинъ «голуба-Коршъ», и тотъ, осенней тоски ради, ставитъ слезоточивую мелодраму «Подростки». Мокрый сезонъ вступаетъ въ свои права.

Мокро и скверно на душѣ у Федора Степановича Боровикова. Хорошій, кажется, купецъ, веселый, съ какой ты стороны его не возьми, а заскучалъ. Осень, ничего не подѣлаешь! И дни короче стали, и въ погодѣ постоянства нѣтъ, и въ ярмаркѣ тысячъ на тридцать нагрѣли.

Положимъ изъ-за воды это, изъ-за обмелѣнія Волги произошло... И ѣхалъ, можетъ-быть, покупатель, везъ деньги, да не доѣхалъ, а все-таки обидно... Въ самарскаго татарина Култай-Джафирова Федоръ Степановичъ вотъ

какъ вѣрилъ, какъ въ отца родного, а тотъ вдругъ ему, татарская образаина, какое письмо: «Вода нѣтъ, денга нѣтъ... Будь здоровъ, бачка. Кланайся своя жина, пожалста, и бери двугривенный за рубль серебра. Не вазмошь—мы памереть можемъ, вазмошь—здоровъ будемъ. Пожалста своя жена кланайся, хорошій она тебѣ баба и двадцать лѣтъ не издохнетъ, а мы каждый день помереть можемъ. Пиши скорѣй, что берешь двадцать копѣекъ. Вода нѣтъ, денга нѣтъ. Будь здоровъ, бачка»... Крестить даже дѣтей у него Федоръ Степановичъ собирался.

— Какъ ты, — говоритъ, — лошадиная морда, въ нашу вѣру перейдешь, первый я у тебя кумъ завсегда.

И вдругъ такое посланіе. За тридцать-то тысячъ не угодно ли шесть получить! Отъ такой магометанской литературы и лѣтомъ заскучаешь, не только-что осенью, когда сама природа въ меланхолію впадаетъ.

Какъ пріѣхалъ Федоръ Степановичъ изъ ярмарки, такъ и заскучалъ.

Супруга его, Анфиса Григорьевна, и такъ, и сякъ къ нему, и бочкомъ, и плечкомъ, улыбкой и словечкомъ — хоть бы какое развлечение.

Съѣздилъ въ городъ, изругалъ совсѣмъ, можно сказать, зря приказчиковъ, сходилъ къ Судакову закусить и прикатилъ домой къ шести часамъ.

Первымъ долгомъ разнесъ за пьянство двор-

ника, который съ роду никакого вина и не нюхиваль, а потомъ къ горничной привязался.

— Ты, говорить, не воображай, что меня въ Москвѣ три недѣли не было, я всѣ твои шашни знаю. У меня чтобъ къ конторщикамъ не бѣгать, а то въ двадцать четыре часа за ворота вылетишь!

Горничная въ недоумѣніи глазами хлопаетъ, а Федоръ Степановичъ въ залѣ барометръ стучаетъ.

— На переѣзду полѣзъ. Аминь хорошей погодѣ!

— Пришелъ изъ городу-то? — спрашивается Анфиса Григорьевна, идя къ нему навстрѣчу.

— Пріѣхаль, а не пришелъ. Попробуй ты съ Ильинки-то до Семеновской прогуляться, глаза выпучишь.

— Выразилась я не такъ, ужъ извини, пожалуйста, — съ ласковою улыбкой извиняется Анфиса Григорьевна. — Чай пить будешь, или закусить велѣть собрать?

— Чай.

— Сичасъ самоваръ на столъ подають, иди въ столовую.

Сѣли. Выпилъ молча Федоръ Степановичъ стаканъ чаю, покосился на жену и спросилъ:

— Ты собралась, что ль, куда?

— Скажетъ тоже! Мужъ только-что изъ ярмарки пріѣхаль, а я въ гости. Гдѣ же это видано, и гдѣ жъ это слыхано?

— А рожу-то для чего мѣломъ намазала?

— Рази это мѣлъ? Пудра это. Въ банѣ я

вчера была, такъ что послѣ бани у меня за-
всегда кожа на лицѣ шершавится, ну, я и
припудрила.

— Пудришь, а къ мужу пѣловаться лѣзешь.
То-то я давеча смотрю, откуда у меня мука
на носу. Такъ и положилъ, что когда калачъ
за чаемъ ѣлъ, такъ въ него ткнулся носомъ,
анъ вышло, что это я въ тебя... дура!..

А на другой день еще скучнѣе стало Фе-
дору Степанычу.

И погода не веселить, и отъ другого, ка-
занскаго, татарина такое же письмо, что и
отъ самарскаго.

— Попадитесь вы мнѣ только, я вамъ по-
кажу обмелѣніе!—произнесъ Федоръ Степа-
нычъ и, разорвавъ татарское письмо на ты-
сячу кусочковъ, пустилъ ихъ по вѣтру.

А пріѣхавъ домой, онъ первымъ долгомъ
стукнулъ по затылку подвернувшагося десяти-
лѣтняго сынишку, а потомъ по барометру.

— Опускается. Осень, значить... ничто не
веселить...

— Погода, дѣйствительно, Степанычъ, скуч-
ная,—поддакнула Анфиса Григорьевна.

— И не говори, мать,—со вздохомъ мах-
нулъ рукой Федоръ Степановичъ,—и татары
стали короче, и дни не платятъ... то бишь,
татары, шутъ ихъ дери, не платятъ, а дни
короче... семь часовъ только, а уже того...

— Сезонъ такой...

— Самый подлый сезонъ. Пойдутъ теперь

дожди, мокрота, слякоть... ни выдти некуда, ни вы́хаться... тоска!

— Въ дураки со мной не хочешь ли сыграть?

— И безъ тебя татарскія морды въ дуракахъ оставили. Будеть. Съ дачи-то ты давно съ́хала?

— Недѣлю тому только.

— И тамъ скучно?

— Скучно. Всѣ поразѣхались, такъ что жутко даже жить стало. Черезъ дачу отъ насъ у нѣмцевъ террасу ободрали, а къ заднимъ сосѣдямъ жуликъ забрался. Хорошо, что собака его учуяла и лаять стала, а то всѣхъ бы могъ укокошить. Я и то, какъ ты у́халь въ ярмарку, нашего «Мурзая» на дачу выписывала. Какъ ты укатилъ, страхъ на меня напаль...

— Восемь бабъ и вдругъ несчастнаго жулика бояться! Да вы однимъ визгомъ какого хочешь жулика на смерть перепугаете.

— И то вѣдь какого-то господина перепугали... Ошибся онъ дачей, что ли, и зайди къ намъ на террасу вечеромъ. А мы какъ завизжимъ, онъ, сломя голову, отъ насъ... и шляпу даже въ нашемъ палисадникѣ потерялъ...

— Ну, вотъ видишь; я говорю, что отъ васъ цѣль не уйдешь. Такъ и не приходилъ за шляпой?

— Нѣтъ. Я ее дворнику Аѳанасью подарила... Поѣшь чего-нибудь со скуки-то?

— Недавно въ городѣ закусывалъ... не хочу.
— Чаю выпей... для веселости.
— Не могу... пилъ три раза...
— Никакого тебѣ осенью и развлеченія не придумаешь!

— А скучно, вотъ какъ скучно, и сказать нельзя. Падаеть!—постучалъ снова по барометру Федоръ Степановичъ. — И проѣхаться никуда нельзя... Ну, куда я поѣду, когда на душѣ татарскія морды сидятъ?

— Въ театръ бы куда.

— Никакого желанія. За городъ если—не сезонъ. Будь зима, снѣжокъ, морозецъ этакій, дѣло десятое, а сейчасъ что за городомъ? Что, я тебя спрашиваю? Какое теперь можетъ быть настоящее загородное развлеченіе? Тоска!

— Да ужъ ежели скучно, такъ и вездѣ скучно. Осень, сезонъ, такъ сказать...

— То-то вотъ что сезонъ. Хуже этого сезона и не придумаешь. Лѣтомъ совсѣмъ статья иная. Тепло, свѣтло, день длинный. Пріѣхалъ на дачу, воздухомъ тебя обхватить. Вышелъ на террасу—птичка всякая поетъ... разнозчикъ мимо идетъ, баба со сметаной—сейчасъ зазвалъ и пошелъ спрашивать: какъ нонче урожай, которымъ теленкомъ корова отелилась... развлеченіе!

— Петрушка скачетъ съ шарманкой, — замѣтила сама, — артистъ ходитъ всякій: который на нижней губѣ играетъ, который сразу на всѣхъ инструментахъ жаритъ...

— Сосѣдская прислуга ругаться спѣпится,— вспоминаль Федоръ Степанычъ,—придетъ курерьъ водой разливать—чистый водевиль!

— Комедія, что и говорить! А то вдругъ возьмутъ, да и подерутся.

— Сезонъ веселый! А сейчасъ что? Татарскія морды разную подлость насчетъ неплатежа пишутъ, въ шесть часовъ на улицѣ темно и холодно, носу никуда не хочется сунуть... а лѣтомъ я все на террасѣ, да на террасѣ... пріятель придетъ—пива съ нимъ выпьемъ и о засухѣ поговоримъ... пріятель не придетъ—все равно пива выпьемъ и на публику поглазѣмъ.

— Мимо дачи-то нашей, бывало, какого, какого только народу не пройдетъ.

— И народъ все этакой... веселый... сезонный народъ... Дамы, по случаю жары, всѣ въ такихъ ажуряхъ, что нехотя бонжуръ скажешь, несмотря на вечеръ...

— Да ужъ насчетъ этого тебя взять. Ты изъ-за барынь только и на дачу-то прѣзжалъ.

— Я?

— Ты, Степанычъ. Дѣло прошлое. Слабъ ты насчетъ бабы лѣтомъ.

— Я?

— Ты, Степанычъ. Осенью ты скучаешь, зимой за городомъ зябнешь, а какъ пришло лѣто, такъ и пошелъ дамскіе костюмы разбирать.

— Я?

— Ты, Степанычъ. Дѣло прошлое, сезонное, такъ сказать. Какъ пріѣхалъ на дачу, лба не перекрестишь, съ женой какъ слѣдуетъ не здороваешься, сейчасъ же духами себя спрыснешь и на террасу, благо она надъ самой дорожкой проходящей устроена.

— Я?

— Ты, Степанычъ, ты! Оттого тебѣ осенью и скучно, что лѣтомъ избалуешься...

— Фу-ты, какая глупая для меня новость?

— Не глупая, а совсѣмъ какъ есть правильная.

— Ничего правильного я не слышу. Пріѣхалъ человѣкъ на дачу, куда ему дѣваться, позвольте васъ спросить? На дворѣ воздухъ, всякая птичка поетъ, комаръ жужжить, а я долженъ въ комнаты забиться? Не желаю! Я желаю сидѣть на террасѣ и буду сидѣть...

— Прогуляться бы съ женой въ лѣсъ могъ. Нѣмецъ-сосѣдъ завсегда какъ пріѣдетъ изъ городу, полопааетъ по своему положенію разные фюршмаки и сейчасъ же съ своею женой въ лѣсъ на прогулку.

— Да на что мнѣ твой нѣмецъ?.. Шутъ его знаетъ, какой онъ!

— Настоящій нѣмецъ, совсѣмъ правильный семьянинъ. Она ему сейчасъ: Фрицъ! А онъ ей: Лисхенъ! И пойдутъ: впереди маленькіе Фрицы да Лисхены бѣгутъ, а сзади большіе.

— Ну, и пускай большіе твои Фрицы за маленькими бѣгаютъ, а я не желаю. Не могу даже. День-деньской въ городѣ съ рання-

го утра маешься; такъ тутъ уже не до бѣготни по лѣсу.

— Врешь, Степанычъ, опять врешь.

— Я?

— Ты, Степанычъ. И нѣмецъ въ городѣ мается, а какъ прѣхалъ, сичасъ съ своей женой въ лѣсъ бѣжить.

— Ну, съ такой рожей не стоитъ и въ лѣсъ ходить.

— А тебѣ все красивыя нужны! Гувернантки разныя, да пѣвицы въ родѣ Звѣробоевой?

— Какой это такой Звѣробоевой? — установился въ потолокъ Федоръ Степановичъ. — Не помню я что-то такой.

— Неужели не помнишь? Соловья - то въ маѣ мѣсяцѣ ты съ кѣмъ ловилъ?

— Какого соловья?

— А шутъ тебя знаетъ какого! Двѣ недѣли кряду бѣгалъ соловья ловить, а поймалъ Звѣробоеву.

— Я?

— Ты, ты! Узнала объ этомъ я только какъ съ дачи стали съѣзжать. Отказали они кухаркѣ, а та ко мнѣ наниматься пришла.

— И наплела, тебѣ, дурѣ, шутъ знаетъ что... Я и Звѣробоеву-то не знаю.

— Врешь, аспидъ, врешь, Степанычъ! — взволновано застучала по столу кулакомъ Анфиса Григорьевна. — Всѣ твои теперь сезонныя шапки узнала.

— Ахъ, дура! Ахъ, Анфиса несчастная!

— Вотъ тебѣ и Анфиса! Для Зинаиды видно душился, да по часу передъ зеркаломъ свою плѣшь помадилъ.

— Слушай, глупая: осень теперь, и безъ твоихъ словъ тоска страшная, а ты шутъ знаешь какую околесину плетешь.

— Все знаю, все. Всѣ твои ажурьы подлые насквозь вижу. Грибы искать съ кѣмъ ходилъ? Съ кѣмъ?

— Это когда же было? Въ какомъ столѣтїи?

— 23 іюня ходилъ, 4 іюля ходилъ, 8 іюля ходилъ, 14 въ два часа утра пришелъ, рожа твоя безсовѣстная!

— Послушай, мать,—зачесалъ въ затылкѣ Федоръ Степановичъ,—у меня и такъ на душѣ вотъ что... ты пойми: два татарина не платятъ...

— А ты меня татарскою образиной по губамъ не мажь. Все про тебя узнала, все! Думала такъ, что неправда, а какъ сейчасъ вижу, что по лѣту заскучалъ, значить, правда истинная. 21 іюля по грибы ходилъ?

— Дура, да какіе грибы нонѣшнимъ лѣтомъ?

— Поганки носилъ.

— Я, поганки?

— Ты. Одинъ только разъ двѣ сыроѣжки принеся. Я-то думаю: Степанычъ мой за грибами мучается, а онъ, крокодилъ, за Звѣробоевой.

— Да не знаю я твоей Звѣробоевой. Хоть убей сейчасъ, не знаю.

— И лиловую кофточку ея не знаешь?

— Да мало ли мимо насъ лиловыхъ кофточекъ ходило.

— Такъ не знаешь? Богъ тебя накажетъ, Степанычъ... Носъ у ней съ горбинкой, а брови наведенныя... Не знаешь?

— Фу ты, дьявольщина! У меня татары въ головѣ, на душѣ осенняя тоска, а она какія-то тамъ соболиныя брови...

— Не соболиныя, а наведенныя, дуракъ ты этакій! И глаза-то у ней карандашомъ подведены, и морщины - то всѣ зализаны... Не знаешь?

— Не знаю.

— Ну, за то она меня теперь знаетъ. Весь зонтикъ объ нее обламала.

— Какъ обламала? Объ кого?

— Объ Звѣробоеву. Встрѣтила ее наканунѣ отъѣзда съ дачи въ лѣсу и отлупила. Будетъ она теперь знать, какъ съ тобой по грибы ходить.

— Тьфу! Совсѣмъ неизвѣстную даму изувѣчила! Вотъ она осень-то! Мерзость одна!

— Безсовѣстный, самый низкій и безсовѣстный человѣкъ,—залилась слезами Анфиса Григорьевна,—чѣмъ бы жену родную пожалѣть... восемнадцать рублей одинъ зонтикъ стоитъ... въ Титы, можетъ, жену за синяки посадятъ, а онъ распутницу жалѣетъ... Иродъ

ты послѣ этого, иродъ-женоубивецъ и больше ничего!

Федоръ Степановичъ плюнулъ и зашагалъ въ залу.

— Началась мокрота, — бормоталъ онъ, — стуча по барометру—началась! И барометръ падаетъ... осень пришла! Мать, — крикнулъ онъ женѣ, — а барометръ-то того... еще упалъ!.. Что? А?

— Иродъ нечестивый!—донеслось изъ столовой.

Федоръ Степановичъ вздохнулъ и прильнулъ къ окну.

А за окномъ царилъ непроглядная ночь и осенній вѣтеръ, пролетая со свистомъ по крышамъ, пѣлъ свои монотонныя, скучныя пѣсни.

Осень идетъ.

Въ парикмахерской.

Парикмахерская. Вечеръ. Въ ярко освѣщенномъ «салонѣ для мужчинъ» — изъ «кліентовъ» никого, только, развалившись въ креслѣ передъ зеркаломъ, спитъ какой-то толстый господинъ съ черной бородой, изъ-подъ которой складками выползла салфетка. Въ передней, уткнувшись лбомъ въ стеклянную дверь, стоитъ швейцаръ и отъ скуки ловитъ языкомъ свой носъ. По «салону» изъ угла въ уголь бродитъ брадобрей съ остриженной коротко щетиной и завитыми довольно фигуристыми усами, и тоскливо посматриваетъ на спящаго толстяка, какъ бы говоря: «этакій счастливецъ, подумаешь, во всякомъ мѣстѣ выпастись можетъ!».. Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, и въ «салонѣ» выглянуло заспанное лицо хозяина. Молча и угрюмо посмотрѣлъ онъ на спавшаго кліента, перевелъ опухшіе отъ сна глаза на мастера и кивнулъ вопросительно головой.

— Не просохъ еще-съ! — полушопотомъ доложилъ тотъ хозяину.

Хозяинъ махнулъ рукой, поправилъ съѣхавшую съ гвоздя афишку и скрылся... Въ передней звякнулъ звонокъ, и черезъ минуту въ

«салонъ», немилосердно топоча и скрипя сапогами, ввалился саврасъ, лѣтъ двадцати пяти, въ «спинжакъ» и съ толстой часовой цѣпочкой, гремѣвшій своими брелоками на весь «салонъ»...

Спавшій толстякъ, разбуженный шумомъ вновь пришедшаго кліента, лѣниво развелъ глаза, лѣниво посмотрѣлъ въ зеркало на савраса и также лѣниво заснулъ снова.

Брадобрей раскланялся на лету съ «саврасомъ» и съ трескомъ отодвинулъ стулъ.

— Пожалуйте, Петръ Семенычъ! — загозилъ онъ, сладко улыбаясь и встряхивая салфетку:—какъ вы себѣ чувствуете въ вашемъ здоровьѣ?

— Здравствуй, братъ... ничего, живемъ!— опустилсѣ тотъ въ кресло и крикнулъ, опрокидывая голову назадъ:— «Швицаръ, спичку!»..

Саврасъ закурилъ папиросу, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и заложилъ нога на ногу.

— Страсть, какъ васъ давно не видно было—тараторилъ «фигаро», подвязывая саврасу на жирную шею салфетку:—я смотрю, что это Петръ Семенычъ пропалъ... Да, позвольте, когда я васъ въ послѣдній разъ стригъ?.. Да такъ и есть,—перваго августа-съ...

— Въ отлучкѣ былъ... Это кто?—мотнулъ онъ головой на спавшаго толстяка.

— Совсѣмъ неизвѣстный господинъ...

— Дрыхнеть?

— Успокоился-съ...

— Что жъ у него дома-то кровати нѣту, что ли?

— Какъ, чай, не быть... онъ у насъ сохнетъ-съ...

— То-есть какъ это сохнетъ? Ты, можетъ, алигорію запустилъ?

— Безъ алигоріи сохнетъ... бороду ему красили и очень даже густо... «мажь, кричить, больше!» Вотъ теперь и просыхаетъ-съ...

— Вы бы его на веревку на чердакъ повѣсили, скорѣй бы просохъ...

— И безъ веревки просохнетъ-съ!..—хихикнулъ тотъ.—Прикажете подстричь?..

— Подстриги и завей...

— Прекрасно - съ... Мальчикъ, приготовь щипцы!

— Да бороду сбрей...

— Надоѣла-съ?

— Не надоѣла, а культуры ей настоящей нѣту... Ключьями пошла... Коси!

— Слушаю-съ!..—проговорилъ тотъ и звякнулъ ножницами:—однако у васъ, Петръ Семенычъ, волоса-то супротивъ августа мѣсяца много жижей стали...

— Отъ папашиной культуры все... у него первое удовольствіе кому ни на есть въ виски вцѣпиться... На вискахъ-то поосторожнѣй стриги: вспухли!

— Слушаю-съ!.. Ндравенъ онъ у васъ, я вижу...

— Ндраву особеннаго нѣту, а такія ужъ руки граціозныя... три приказчика у насъ и мясницкій.

всѣ плѣшивые... рука тяжела... Какъ сгребеть—съ корнемъ!.. Поди, сѣй апосля!..

— Удивительно, Петръ Семеновичъ, какъ еще много дикости въ вашемъ быту-съ...

— Да это не дикость... Папаша у меня человѣкъ лакированный: медаль имѣеть и на цѣлыхъ пять газетъ подписывается... просто ручной консультаціи подверженъ, только и всего... старше его въ домѣ нѣту, ну онъ и пользуется... для приличія больше дерется... Отросли волоса-то?

— Мѣстами-съ... Послѣ моей стрижки видно нигдѣ не стриглись?

— Когда тутъ было стричься.

— Да, вѣдь вы въ отлучкѣ были-съ... Далеко изволили ѣздить-съ?

— Не очень чтобъ далеко... въ ярмаркѣ былъ...

— Это въ какой же-съ?

— А въ Нижегородской...

— Да ужъ она давнымъ-давно кончилась...

— Ярмарка кончилась, а я только-что на дняхъ оттудова пріѣхалъ...

— Чудно-съ!

— Да ужъ на что чуднѣе! Мнѣ самому даже удивительно... Тише съ висками-то!

— Виновать-съ!

— Понимаешь, дотронуться даже больно...

— Значить, на-дняхъ было... это-съ... вообще...

— Культура-то папашина? Третьяго дня только...

— Ужъ не за отлучку ли-съ? — справился фигаро, ухмыляясь.

— Вобще за ярмарочные мотивы!.. Главное, что смѣшно: поѣхалъ второго числа августа въ ярмарку, пробылъ тамъ два мѣсяца, а ярмарки не видалъ...

— Невѣроятно даже-съ...

— Папаша не хуже тебя изумленъ быть. «Всего, говорить, отъ тебя ожидалъ, но чтобъ такую реставрацію выкинулъ—во снѣ даже не снилось».

— Оченно даже любопытная исторія...

— Просто домашняя иллюстрація. Понимаешь, приѣхалъ папаша изъ ярмарки и говоритъ: Петръ, поѣзжай-ка завтрашняго числа въ ярмарку, закончи всѣ расчеты, запри лавочку и сюда домой... На недѣлю всего и дѣловъ-то.—Хорошо-съ, говорю. Такъ я завтрашняго числа махну.—Махай?..—Ладно-съ. Туды-сюды, нѣтъ ли попутчика? Нашлись. Двое изъ нашего ряду для заключенія ярмарочнаго балансу ѣдутъ, а третій, изъ отставныхъ приказчиковъ, для компаніи больше. Просто, психопать, который, напримѣръ, во хмелю. Малина! Такъ ѣдемъ, значить, ребята?—Значить, ѣдемъ. На дорожку-то не мѣшало бы закинуться... узелокъ, значить, о Москвѣ на память завязать. Заузлились. Такъ здорово заузлились, что просто до полной безпамяти. Очнулся... Гдѣ я?—Въ Саратовѣ!—Въ трактирѣ «Саратовѣ»?—Нѣтъ, говорятъ, въ городѣ Саратовѣ. Врешь?!—Сичасъ умереть!.. Гля-

жу, отставной приказчикъ со мной.—Били, спрашиваю, кого?—Били-сь?..—За все заплачено?—За все-сь!.. Хорошо?

— Завивка чудесная! — мотнулъ головой фигаро и сверкнулъ въ воздухѣ ножницами.

— Я сичасъ къ этому отставному приказчику: какъ же это такъ, говорю, ѣхали въ Нижній, напимѣрь, и вдругъ Саратовъ?—Что жъ, говоритъ, Саратовъ городъ хорошій: меня пять годовъ тому какъ здѣшніе купцы били—страсть!.. Кулаки у всѣхъ, можно сказать, хлѣбные!.. Ахъ, чтобъ те и съ узломъ-то, думаю... однако надо и того... въ Нижній... На пароходѣ, махнемъ, говорю приказчику. — Извѣстно, говоритъ, на пароходѣ!.. Махнули. Очнулся этакъ къ утру.—Гдѣ мы? — Въ Рязани-сь!..—Въ какой Рязани?—А городъ такой есть, Рязанью прозывается!.. Тьфу!.. Били кого?—Били! — За все заплачено?—За все, будьте покойны!.. Приказчикъ тутъ возлѣ безъ сомнѣнія. Ты что жъ это, говорю, а? Въ Рязань вѣдь попали!—Рязань, говоритъ, городъ довольно извѣстный: меня тоже здѣсь разъ чудесно колошматили... Да, вы, говоритъ, плюньте, мы сичасъ на пароходикѣ прямо въ Нижній!.. Я съ горя въ коньякъ окунулся. Очнулся, первый вопросъ: гдѣ? — Въ Нижнемъ!.. — Насилу-то добрались благополучно. У Бубнова? спрашиваю.—Просто, говоритъ, въ кутузкѣ!.. Совсѣмъ парламентъ!—Били кого?—Били!—За все заплачено?—А вотъ, говоритъ, что губернаторъ скажетъ, потому вы такое

тутъ кораблекрушеніе произвели, что вашего брата въ острогѣ сгноить мало!.. Понимаешь, диффамация во всей формѣ?..

— Изувѣчили кого-нибудь?

— Съ хмельныхъ глазъ разныя мебелизаціи, только и всего... и вышелъ вдругъ такой приказъ, чтобы отсидѣть оному купеческому сыну въкутузкѣ два мѣсяца для назиданія потомству...

— Страданіе полное-съ...

— Покаяніе хорошее. Приѣзжаю домой къ папашѣ: такъ и такъ, говорю, постился для назиданія... для какого только, не пойму никакъ... «А я вотъ тебѣ, говорить, это самое назиданіе покажу»... Да какъ вцѣпится! Три часа по паркетамъ возилъ... Готово?

— Пожалуйте-съ...

Саврасъ швырнулъ бумажку и съ шумомъ двинулся въ переднюю.

— Ма-ажь!—крикнулъ толстякъ, просыпаясь.

— Готово-съ... просохли даже-съ...

— Мажь, тебѣ говорятъ! Что те жалко ваксы-то? Брюнетъ на весь цѣлковый!..

Брадобрей бросился за краской, хихикая себѣ подъ носъ... Толстякъ повелъ носомъ и чихнулъ.

— Исполненіе желаній!—проговорилъ вошедшій въ это время сѣдовласый купецъ, ведя за руку двухъ мальчиковъ въ формѣ Коммерческаго училища;—а я къ вамъ своихъ поросятъ привелъ... оболванить... ужъ очинно они у меня щетиной обросли!..

Брадобреи бросились къ юнымъ кліентамъ...

Постное искушеніе.

— Тс! Пантелей Семенычъ! Семенычъ! Тс! —
цыкалъ купецъ съ подстриженной бородкой
«à la садовый заступъ», сидя за чайнымъ
столомъ въ трактирѣ другому, только-что во-
шедшему въ залу:—Семенычъ! Аль оглохъ съ
постной пищи-то?

Семенычъ, плотный средняго роста купецъ
съ жиденькой бородкой и самой великопостной
физіономіей, задержалъ на секунду свой
«бѣгъ», прищурился, и, узнавъ цыкавшаго
ему купца, направился къ его столику.

— Одинъ?—справился сидѣвшій.

— Въ единственномъ... Ивану Васильевичу
почтеніе!

— Пантелей Семенычу! Садись, братъ, —
съ полчаса, можетъ, сижу и никакихъ зна-
комыхъ... одна грусть... Насыпать горячаго-то?

— Насыпь. Только ты мнѣ чтобъ не очень
густого...

— Цвѣтъ лица, что ль, боишься испортить?
Такъ не женихъ вѣдь...

— Дѣло, братъ, не въ лицѣ, а... нутро у
меня не въ порядкѣ...

— Такъ. Это, братъ, у тебя съ грибовъ
да съ капусты.

— Я самъ такъ предполагаю. Потому, съ чего, напримѣръ? Такъ вѣдь?

— Конечно... Ну, какъ торгуете?

— Да какъ сказать?—Какъ будто сичасъ повеселѣй дѣла пошли. А вы какъ?

— Жаловаться нельзя. Первую и вторую недѣлю только глазами хлопали, ну, а сичасъ ничего... ожили... да вѣдь нашъ и товаръ-то такой... сезонный... не будь бабъ на свѣтѣ—крышка...

— Вамъ безъ бабъ не жить...

— Именно не жить... Подлей миндальнаго-то для вкусу...

— Подлить-то бы ничего, да что невры скажутъ. Не спросилъ я доктора насчетъ миндалей-то...

— Вреда никакого. Вотъ ежели жареный миндаль, дѣло десятое: при жареномъ сичасъ разныя искушенія пойдутъ... а въ молоко вреда никакого... А здорово, гляжу я на тебя, подвело физію-то...

— Большая видимость?

— Большой нѣту, а... цвѣтъ этакій... великопостный... что значить, немощи-то наши, а!... Семенычъ?

Семенычъ поставилъ блюдечко на столъ и уставился на собесѣдника.

— Ты вотъ что!—проговорилъ онъ наконецъ:—того... ты лучше прямо... ужли пронюхали?

— Чего пронюхали?

— То-то «чего». Отъ кого слышалъ-то?

— Да насчетъ чего, чудакъ ты этакій?

— Насчетъ немощи-то...

Собесѣдникъ Семеныча скривилъ ротъ въ улыбку и прищурился.

Наступило молчаніе.

— Говѣль?— вмѣсто отвѣта спросилъ онъ у вопрошавшаго.

— Я, братъ, завсегда на послѣдней очищаюсь... а что?

— Да такъ это я... къ слову...

— Да къ какому слову-то? Ну?

— Да что ты ко мнѣ привязался, спрашивается? Ничего я не знаю, ничего не слыхалъ, а такъ сказалъ вообще про немощи наши...

— Вообще ты, братъ, жуликъ, вотъ что! Нехорошо! Я тебя за хорошаго человѣка считалъ и вдругъ, что ни слово, то ядъ. Я братъ, всѣ твои подходы наскрость вижу!

— Умный ты человѣкъ, Семенычъ, а дуракъ. Сталь бы я съ тобой стѣсняться, ежели что... ты пойми!...

Семенычъ вздохнулъ. Собесѣдникъ его во-бралъ единымъ духомъ содержимое блюдечка, отставилъ отъ себя стаканъ, и, положивъ голову на широкую ладонь лѣвой руки, спросилъ въ упоръ:

— Искушенъ былъ?

— Да вѣдь искушеніе искушенію розъ!— заерзалъ тотъ на стулѣ, похлопывая крышечкой чайника:—то бываетъ скромное искушеніе, а то бываетъ постное...

— У тебя, собственно, какое же было?

— У меня постное...

— Такъ все одно, какъ уха на скоромномъ бульонѣ?

— Слышалъ, значить... — и къ чему эти притворствы, спрашивается?

— Ей-ей, ни отъ кого не слыхалъ. — Въ газетахъ еще объ этомъ печатано не было?

— Ну, вотъ еще. Хорошаго ты тоже желаешь, нечего сказать, а еще пріятель...

— Нѣ желаю, а спрашиваю. — То-то я гляжу, не видать!... Не махнулъ ли, думаю, въ Кіевъ для души. За годъ - то сколько этой разной дряни грѣховной наберется — страсть!... Повезъ, молъ, отъ Москвы куды-нибудь подальше... Съ первой недѣли, что ль, началось?

— Постное искушеніе-то?

— Да.

— Съ субботы.

— День легкій.

— Да ужъ такая легкость... Что, да ты чего смѣешься-то?

— И не думалъ. Экъ у тебя подозрительность-то какая неослабная... Ну?

— Ну, и... послѣ блиновъ это вышло... блины хозяйка въ субботу вздумала... масленицу, стало быть, вспомнила... Хозяйку-то мою знаешь?

— Сколько разъ на свадьбахъ встрѣчались... дама пріятная...

— Эстрагонъ!

— Съ кислотой, значить?

— Именно-съ. Только вдругъ звонокъ...

— Это послѣ блиновъ-то?

— Послѣ блиновъ. Кто бы могъ это быть, думаю. — Слышу, разговоръ, меня спрашиваютъ. Выхожу въ переднюю—молодой человекъ, лѣтъ этакъ двадцати пяти, стоитъ въ шляпѣ. Ни усовъ, ни бороды нѣту, а въ глазу стекло торчитъ. Не то маклеръ, не то актеръ. Увидаль меня и прямо мнѣ на шею. Такъ впился, насилу оттащилъ. Цѣпкій, страсть!... — Пантелей Семенычъ, вы ли это, говоритъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!...—Да мы, кажется, говорю, отродясь даже не встрѣчались ни разу... — А Гришу Пертыкина, рази, забыли? Удивилъ! Махонькимъ еще его зналъ и вдругъ въ коломенскую версту вытянулся.

— Знакомый, значить?

— Сынъ сосѣда по дому. Сосѣдъ-то давно померъ, а дѣти послѣ его смерти ровно птицы въ разныя стороны разлетѣлись. Слышаль я, что Гришутку изъ гимназіи выгнали, и онъ въ актеры пошелъ, а встрѣчать послѣ ни разу не приходилось... Обрадовался я ему, потому когда онъ еще малышомъ былъ, любилъ его очень... шустрый такой, да бойкій... все на на недѣлѣ два за вихры подерешь...— Усѣлись мы съ нимъ въ кабинетъ, притащила хозяйка бутылку портвейну, и пошли разговоры. До самого вечера онъ мнѣ все свою жизнь цыганскую рассказывалъ...

— Хорошій актеръ?

— На всѣ руки. И въ опереткѣ пѣлъ, и

сурьезныя роли игралъ, и по балетной части можетъ... Жалко мнѣ его стало... ты знаешь, какая у меня душа-то?

— Душа у тебя ничего... прохладная...

— Страсть какъ мнѣ его жалко стало!... Такой шустрый пострѣленокъ былъ... за вихры дралъ, чтобъ умнѣе былъ, и вдругъ на такую точку попалъ: разныхъ тамъ князей да графовъ игралъ, а ко мнѣ пріѣхалъ, такъ послѣдній двугривенный извозчику отдалъ. Послѣ третьей бутылки плакать стали...

— Скоро что-то очень.

— Да ужъ очень чувствительно. Всю Россію вдоль и поперегъ исколесилъ, а нажилъ всего одно только стеклышко... другой глазъ даже прикрыть нечѣмъ... и плакали мы съ нимъ до той поры, покуда хозяйка ругаться не начала...—Или, говоритъ, спать ложитесь, или убирайтесь вонъ! Повезъ я его въ «Московскій» ужиномъ кормить. Кормились мы долго; часу въ шестомъ утра я домой пріѣхалъ, потому по дорогѣ въ Стрѣльну заѣхали... ужъ очень мнѣ его жалко... не могу я безъ этого!...

— Расчувствовался...

— Вотъ, вотъ. На другое утро, то-есть, собственно говоря, часу этакъ въ первомъ дня, просыпаюсь, а актеръ уже тутъ. Скучно, говоритъ, мнѣ въ номерѣ одному чай пить, такъ я къ уважаемому патрону...

— Это ты-то патронъ?

— Я. Патронъ да патронъ. Я ему слово,

а онъ сичасъ: патронъ! — По-актерскому это все одно, что я генераль... Понялъ?

— Какъ не понять...

— Ну, и давай съ нимъ опять запатронивать, хватили кой-чего по малости, ну, и наклевались. Ночеваль ужъ у него въ номеръ, потому, если домой ѣхать, такъ стыдно: люди на дѣло идутъ, а мы изъ Шекспира на извозчикъ въ два голоса насчетъ Офеліи... Не хорошо! Осудятъ!... Положимъ, эта самая Офелія дура была, а все-таки...

— Э-эхъ, Семенычъ, степенный ты человекъ и вдругъ съ мальчишкой связался...

— Отъ жалости: сынъ, напрімѣръ, сосѣда и вдругъ въ такомъ положеніи... за номеръ даже заплатить нечѣмъ... Отъ жены вотъ что вышло: на манеръ Бисмарковой отставки... схватила меня за сертукъ, такъ всѣ пуговицы-то словно орѣхи... потомъ взяла это полоскательницу, да прямо по лбу... а полоскательница-то у насъ мѣдная... Можешь вообразить, какъ она ее изувѣчила... хорошо что въ эту сессію Гриша пріѣхаль и передъ образами поклялся, что я у него ночеваль, а то она бы всю посуду объ меня перепортила...

— Да ужъ эти, братъ, бабы—бѣда!

— Зарѣзъ чистый. А все оттого, что дуры!.. Будь онѣ умныя, такъ не стали бы посуду зря портить... Гришуха сичасъ меня въ сторону: у меня, говоритъ, сегодня гости, все своя братія, актеры, будутъ и актрисы; пріѣзжай... Пріѣдешь?—Пріѣду. Я къ тебѣ прямо

изъ городу, будто съ покупателемъ изъ Сибири!—Вотъ и чудесно, только ты мнѣ двѣ четвертныхъ займы дай, потому гости все-таки жрутъ!.. Хорошо-съ. Въ пять часовъ посылаю своей супругѣ извѣстіе насчетъ сибирскаго покупателя и ѣду къ своему актеру. Народу человѣкъ пятнадцать и всѣ на разные голоса говорятъ... Кто изъ водевиля жарить, кто изъ оперетки. Чистый парламентъ, только водки подавай... Гришка меня сейчасъ къ актрисамъ знакомить: пѣли, говоритъ, въ опереткѣ, а денегъ не получили: чуть съ голоду не подошли, такъ ты ихъ пожалѣй!.. Онѣ это ко мнѣ, потому видятъ, что я съ душой...

— Хозяйку бы твою въ это время привезти, показала бы она тебѣ душу...

— Послѣднюю бы встрясла, это вѣрно. И такъ это мнѣ ихъ жалко стало, такъ жалко, что я сейчасъ за тройками къ Ечкину.

— Недурно...

— Отъ души вѣдь это, ты пойми... пѣли, пѣли и вдругъ ни гроша! За что спрашивается? Онѣ это мнѣ все: «папочка, да папочка», а я имъ: але ву, вуле ву?

— Съ удовольствіемъ, говорятъ, только чтобъ лошади настоящія были!—Да ужъ будьте покойны, часъ до небу ѣзды!.. Взвалилъ я это всю компанію на тройки и «прощай, Москва, до завтра!..»

— Великимъ-то постомъ... ахъ ты грѣховодникъ старый!..

— Искушеніе, братъ, ничего не подѣлаешь... постное, положимъ, а все-таки...

— Хорошо постное, съ опереточными актрисами-то...

— И актриски были самыя постныя, такъ только въ чемъ душа. Всю скоромъ изъ нихъ провинція вытрясла. Время чудесно провели. Подъ конецъ пристали ко мнѣ, чтобъ я ихнимъ антрепренеромъ сдѣлался...

— Согласился?

— Да ужъ очень просить стали. Думаю себѣ: все одно на послѣдней недѣлѣ говѣть стану, такъ для души доброе дѣло сдѣлаю.

— Заботливъ ужъ очень о душѣ-то сталъ.

— Нельзя, братъ, во-первыхъ, постъ напоминающій, а во-вторыхъ, актриски это: папочка, да папочка... душа-то у меня ровно въ чашку со жженкой попала... рѣшили въ шестеромъ ѣхать: двѣ оперетки, два водевиля, одна драма, да я... седьмой въ родѣ суфлера навязался, даже не изъ актеровъ, а такъ, шутъ его знаетъ изъ какой нации.. бродилъ въ загородномъ ресторанѣ по залѣ, увидалъ, что мы пьемъ хорошее вино, и подсѣлъ. «Я, говоритъ, васъ, Пантелей Семенычъ, знаю!»— А коли знаешь, садись и пей!—Я, говоритъ, даромъ съ вами, поѣду, только дорога да харчи ваши... можетъ быть кого придется, такъ я пригожусь!.. Ладно!.. Гриша хотя и противъ этого выражался, потому рыло у него этакое подозрительное, возьметъ, да къ сонному въ карманъ и залѣзетъ, но я все-таки

рѣшилъ его взять. Приѣзжаю, братецъ ты мой, я домой, а меня баба дожидается, не спить. Сидить въ залѣ, и возлѣ ее щетки половая стоитъ... для случая... ежели виновать, такъ чтобы бить...

— Ты, спрашиваетъ, это съ какимъ же сибирякомъ гулялъ?

— А съ Пантелеевымъ, ангелъ мой...

— Да Пантелеевъ-то въ январѣ приѣзжалъ...

— Перепутали, говорю, то Пименовъ былъ, хорошую партію ему товару продалъ... Успокоилась.—Ты бы, говоритъ, его къ намъ обѣдать привезъ, потому онъ человѣкъ хорошій: то грибовъ мнѣ привезетъ, то варенья изъ сибирской ягоды.

— Приглашалъ, говорю, да не ѣдетъ: скромное ѣстъ; нутро у него Сибирь попортила, такъ доктора велѣли... къ Троицѣ поговѣтъ ѣдетъ и меня для компаніи звалъ... Съ тобой, говоритъ, чѣмъ хорошо ѣздить... человѣкъ ты степенный, грѣха меньше...

— И плутъ же ты, Семенычъ, ахъ, плутъ...

— Да товаръ, братъ, у насъ такой, ничего не подѣлаешь: не надуть, не продать... Хорошо-съ! Ложимся спать.—Ты что же ему, этому Пантелееву, сказалъ-то? спрашиваетъ.— Да сказалъ, что поѣду; нельзя: покупатель хорошій! — Поѣзжай... самъ кстати поговѣешь!—Я на седьмой, съ тобой вмѣстѣ, а то тебѣ скучно будетъ!.. Такъ и порѣшили... чтобы на послѣдней, то-есть, говѣтъ... а дня

черезъ два мы съ актерской компаніей изъ Москвы въ городъ Перепоевъ на гастроли махнули. Проѣхались чудесно, только концертъ-то вышелъ маргариновый: человѣкъ пятнадцать всего публики было, да и та бы не пришла, если бъ нашъ суфлеришка подлый шантажный слухъ не распустилъ: быдто бы, я, по окончаніи концерту, камаринскую плясать стану. Ужъ и ругаль я его за эту пресу—страсть! Положимъ, что меня въ Перепоевѣ никто не знаетъ, а все-таки—мораль... Послѣ такого хорошаго сбора мы всю ночь въ гостиницѣ проужинали. Такой пиръ подняли, что исправникъ два раза пріѣзжалъ: не жулики ль, молъ, которые ограбившіе, кутятъ. На утро повезъ я свою труппу въ Москву, потому ежели еще концертъ дать, такъ ни одна душа не придетъ. Суфлеришка этотъ сичасъ ко мнѣ: мнѣ, говоритъ, очень пятьдесятъ цѣлковыхъ нужны!..—Мнѣ, говорю, самому нужны: концертъ-то этотъ самый во что въѣхаль? Возьми три цѣлковыхъ и ступай себѣ куда хочешь!—Не дадите пятидесяти? Ну, четвертную!—И четвертной не дамъ, за что спрашивается? Тѣ хошь въ концертѣ пѣли, а ты только и дѣлалъ дѣловъ, что въ номерѣ свистѣлъ!..—А коли такъ, ладно, будешь ты меня помнить!..—Да ужъ извѣстно не забуду, потому рыло разбойническое!.. Хорошо-сь. Пріѣхали мы въ Москву, я сичасъ первымъ дѣломъ къ бабѣ своей...—Какъ, говоритъ, тебя дорогой-то обвѣтрило, ровно весь

облѣзлый сталъ!..» Думаю себѣ: ладно! про-
вѣтрились какъ слѣдуетъ съ концертомъ, да-
же ни одна душа не знаетъ, я и спокоенъ!..

— Да ужъ на что, братъ, лучше! Химикъ!

— Прахомъ только вся химія-то пошла!..
Пріѣзжаю дня черезъ два домой, встрѣчаетъ
меня хозяйка и ведетъ къ себѣ въ спальню...
ласковая такая, только нижняя губа трясет-
ся. «Сядь», говоритъ. Сѣлъ. «Уѣхалъ, спра-
шиваетъ, твой покупатель-то?»—Пантелѣевъ-
то? Только-что на машину проводилъ, а что?
«Да такъ, говоритъ, думаю я, что его со-
всѣмъ и въ Москвѣ не было!»—Какъ же, го-
ворю, не было, когда я съ нимъ даже къ
Троицѣ ѣздилъ!—«И совсѣмъ ты не съ нимъ
ѣздилъ, безсовѣстный человѣкъ!» Ну, думаю,
безпремѣнно этотъ суфлеришка письмо ей
прислалъ... ну, да ладно, насъ на это не пой-
маешь! Мало ли кто письма посылаетъ, а ты
докажи.—Съ кѣмъ же, спрашиваю, ангелъ
мой, я ѣздилъ?—«Тебѣ неизвѣстно, значитъ?»
—Удивляюсь даже!—«Ну, такъ погляди!» И
прямо мнѣ подъ носъ фотографію. Меня ровно
паромъ ошпарило. Сижу это я на фотогра-
фіи и ручку опереточной актриски держу.

— Это что же такое?—спрашиваетъ.

— Искушеніе, говорю, ангелъ мой! Пост-
ное, напрімѣръ... бей сколько влѣзетъ!..

— Хе, хе, хе! Влопался!

— То-есть, вотъ какъ, братецъ ты мой,
втюрился я—по самыя по уши!.. А у него,
у этого у суфлеришки-то проклятущаго,—
мясницкій.

Гришка ужъ мнѣ это растолковалъ, — секретная такая фотографическая машина была, онъ возьми, да и сыми меня во всей красѣ... Ловко?

— Не хорошо!

— Просто безъ ножа зарѣзалъ! Если бъ я эту музыку зналъ, сто цѣлковыхъ бы не пожалѣлъ...

— Влетѣло отъ хозяйки-то?

— И не говори! — махнулъ тотъ рукой: — до сей поры въ себя не взойдетъ! Повѣсила эту фотографію у себя въ спальнѣ и злобствуетъ. Зачнешь съ ней говорить ласково, а она сейчасъ за бороду и къ фотографіи: «кайся, говорить, безсовѣстный, а то я съ тебя всю овчину сдеру!..»

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, какая нонче публика каторжная пошла! — стукнулъ по столу кулакомъ «искушенный» купецъ: — жрать нечего, а... фотографическія машинки покупаютъ! Оглоблей бы за это хорошей!.. А? Васильчъ? Правильно это я?

Васильчъ только ухмыльнулся себѣ въ бороду и крикнулъ половому: — «Степанъ, кипяточку!»...

Горячая пора.

— Ужли спать?—просунулась голова въ ковровомъ платкѣ въ дверь спальни купческаго конторщика Гордѣя Семеныча Торцова:— Гордѣй Семенычъ, дрыхнешь?

— И самъ не знаю!—раздался въ спальнѣ сиповатый отъ сна голосъ:— какъ будто нѣтъ.

— То-то какъ быдто... невѣста по немъ ахаетъ, да вздыхаетъ, а онъ жиръ себѣ сномъ насыпаетъ... а ты очнись, серебряный, времени у меня нѣту возлѣ тебя проклажаться-то... Очнулся?

— Очнуться-то я очнулся, но только никакъ понять не могу, кто со мной разговариваетъ...

— Ужли не узналъ?

— Не узнаю. Слышу, что баба трещить, но которая—неизвѣстно...

— До чего человѣкъ dospаться можетъ, отцы мои! Молодой человѣкъ, женихъ полный, и вдругъ на себя такую глупость напустилъ...

— Ваша фамилія, мадамъ?

— Вотъ фамиліи-то у меня, маргариновый, и нѣту...

— Изъ воспитательнаго ты дома, стало быть?

— Стало - быть ты просто дуракъ, серебряный! Выйди изъ спальни-то своей, сдѣлай милость... самая у меня теперь пора горячая, а ты задерживаешь...

— Сейчасъ, Анна Петровна, это вы?

— Нѣтъ, не я. Это ты какую же себѣ еще Анну Петровну завелъ, полированный, а? Ужъ это не сваха ли отъ Калущкихъ воротъ? Такъ я ей всѣ глаза выпарапаю! И ты хорошъ тоже, серебряный, я для него въ нитку растягиваюсь, а онъ чужихъ свахъ принимаетъ... да у нихъ и товару-то такого отродясь не бывало, какой у меня сейчасъ есть.

— Тьфу! Еремѣвна, ты?

— Я, маргариновый, кому жъ и быть, какъ не Еремѣвнѣ...

— Если бъ я это зналъ, такъ ни за что бы не всталъ...

— Это, то-ись, почему же?

— А потому, я тебѣ разъ сказалъ, что я жениться не намѣренъ, ну, и...

— Да вѣдь вы всѣ такъ говорите: одинъ — «я не женюсь», другая — «я замужъ не пойду», а тамъ, глядь—и обрачались... вѣрить-то вашему брату супостату...

— Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а жениться я не намѣренъ...

— И врешь. Ой, врешь, полированный!.. Да ты выйди изъ спальни-то своей; надоѣло мнѣ черезъ стѣнку горло драть...

— Ну, вотъ онъ я!—вышелъ всклокоченный

молодой человекъ въ засаленномъ халатѣ:—
видѣла?

— Видѣла. Ну, какъ мнѣ тебя не женить,
скажи пожалуйста, а? Человекъ молодой, изъ
себя этакій монументъ, и вдругъ только и
дѣловъ по вечерамъ дѣлаетъ, что дрыхнетъ...

— Да вѣдь скучно, чудная ты, право...

— А ты, вотъ, для скуки возьми и же-
нись...

— Зачѣмъ?

— Тьфу!.. А ты вотъ что, маргариновый,
поди умойся сперва, авось съ тебя сонъ-то
слетитъ...

— Да я и такъ не сплю...

— Врешь, спишь. А ты покури лучше,
авось дымъ-то табачный мозги твои пообъ-
ѣстъ... Жениться зачѣмъ! Да хоть бы за-
тѣмъ, чтобъ мнѣ глаза не мозолить. Ты во
всей моей округѣ ровно бѣльмо на глазу.
Пройти мимо тебя съ равнодушіемъ не могу...
Молодой человекъ и вдругъ безъ жены про-
падаетъ. Изстрадалась я вся за тебя, серебря-
ный...

— Ври больше...

— Отродясь не врала. И не токмо-что
врать,—слова лишняго никогда не говори-
вала. Завсегда я за собой наблюдала и че-
резъ это ото всѣхъ мнѣ уваженіе... Въ тебя,
маргариновый, одна вдова влюбилась...

— Слыхаль я это отъ тебя...

— Ничего ты отъ меня не слыхаль. И гдѣ
это только ты врать выучился, спрашивается?

— Ну, ладно. Какъ дѣла?

— Какія дѣла, серебряный?

— Ну, твои, конечно... по брачной части?

— А дѣла мои вотъ какія: ежели бы сейчасъ въ суткахъ сорокъ часовъ было, такъ и то времени на все не хватило бы... самая теперь у меня, полированный, пора горячая.

— Многихъ за этотъ мясоѣдъ-то обсоюзила?

— Жаловаться нечего: первая сейчасъ у меня въ Москвѣ пражтика. Вчерашняго числа отличное дѣльце сдѣлала... Кожерожина знаешь?

— Знаю.

— Ея старшую дочь за сына Колупаева сосватала...

— Это косую-то?

— Ну, какая же она косая, маргариновый? И что это у васъ, у мужчинъ, за манера такая на дѣвицъ мораль пущать?

— Да, конечно, косая, сколько разъ я ее видалъ...

— То-то вотъ ты, видно, безъ очковъ ее видалъ. Косая!.. За ей отецъ-то пятьдесятъ тысячъ отваливаетъ, а ты ее «косишь»...

— Да при чемъ тутъ пятьдесятъ тысячъ?

— А при томъ, что не ври. Терпѣть не могу, которые сейчасъ врутъ преднамѣренно. Просто у ей одинъ глазочекъ прыгаетъ. И то не всегда, а временемъ... найдетъ на ее такая задумчивость, онъ и запрыгаетъ...

— Польку, можетъ, по-твоему, танцуетъ?

— По-моему, съ тобой, съ нескладнымъ, и разговаривать-то бы не стоило, да что ты съ сердцемъ-то подѣлаешь: слабость къ тебѣ чувствую.

— Да ты ко всѣмъ неженатымъ слабость чувствуешь...

— А къ тебѣ совсѣмъ особенную, маргариновый! Во снѣ даже тебя сколько разъ женила...

— Во снѣ это ничего... во снѣ сколько хочешь жени...

— А ты не дури, не противься, такъ я тебя и на яву женю...

— Не желаю.

— Наладилъ одно, ровно попугай!.. Ну, что вотъ теперь ты одинъ дуракъ-дуракомъ сидишь? А была бы жена, сичасъ дѣло десятое вышло бы. Или въ гости куда пошлись, или въ тѣатры проѣхались...

— Я и одинъ это могу сдѣлать...

— Эка невидаль одинъ! Нонче одинъ, завтра одинъ — какъ не опротивѣть, прости Господи! А ты женись, судьбу свою исполни...

— Такъ-съ...

— Вотъ тебѣ и такъ-съ! возьми невѣсту съ приданымъ хорошимъ и женись...

— Рано еще, Еремѣвна...

— А ужъ про то я знаю, рано али нѣтъ. Женись! Доставь ты мнѣ такое удовольствіе? Ужъ и товаръ для тебя есть... ахъ, товаръ!

— Хорошій?

— Да ужъ вотъ какой: ежели его упустишь, другого такого весь вѣкъ не найдешь.

— Тоже, можетъ, съ прикосяю?

— То-есть, вотъ какъ я тебѣ скажу, возьми ты самое что ни есть французское подозрительное стекло и гляди: ни сучка, ни задоринки! Такой алмазь, что даже не пронасъ...

— Кто же она такая?

— Да вѣдь съ тобой ежели зубы чесать, такъ я и вниманія этого не возьму; а коли ты въ сурьезъ это спрашиваешь, такъ я отвѣчать могу... Мнѣ и безъ тебя, серебряный, дѣловъ-то по самое горло. Нонче же надо въ два мѣста за отвѣтомъ заѣхать, да въ три отвѣтъ завезти. Мясоѣдъ-то нонѣ коротенькій, ну горячку всѣ и порютъ: просто я съ ногъ сбилась, полированный!..

— Смотри, отвѣты-то не перепутай...

— И то намедни перепутала. Такую кашу заварила, что меня чуть было подъ горячую руку съ лѣстницы не спустили. Грѣхи, маргариновый! Такъ въ сурьезъ говорить, аль погодить?

— Да какъ тебѣ сказать... Жалованье мое такое, что совсѣмъ жениться не дозволяетъ...

— А ты такое приданое возьми, чтобъ тебѣ жалованье въ тягость не было... Слушай, маргариновый: про вдову Рѣпкину слыхаль?

— Ты опять со вдовой...

— Ну, такъ что жъ? вдова вдовѣ розь. Не знаешь Рѣпкину-то?

— Не знаю.

— А она тебя знаетъ. Въ Нѣмецкомъ клубѣ тебя видѣла...

— Да я въ Нѣмецкомъ года два не былъ...

— Ну, стало-быть, я клубы перепутала. Въ какомъ ты клубѣ танцевалъ за послѣднее время?

— Я? Въ «Салонъ-Варіете» больше...

— Вспомнила, серебряный, вспомнила! Въ «Вертите» этомъ самомъ она тебя и видѣла.

— Ха-ха-ха! — раскатился женихъ: — вотъ такъ невѣста! Да туда ни одна порядочная дама не ходитъ.

— Такъ чего жъ ты меня на смѣхъ-то подымаешь? Я почему ваши мушкетерскіе клубы знаю... и я-то дура: онъ надо мной надсмѣшки строить, а я время теряю... меня сейчасъ въ трехъ мѣстахъ ждутъ, а онъ грохочетъ... Возьму я, маргариновый, да и плюну на тебя... оставайся, коли такъ, безъ невѣсты настоящей...

— И отлично. Проваливай по добру, по здорову!

— На зло тебѣ не уйду, коли такъ. Какой же ты мнѣ отвѣтъ насчетъ вдовы-то дашь?

— Какой вдовы?

— А Рѣпкиной...

— Да я ее и въ глаза не видалъ...

— Поѣдемъ смотрѣть. Надѣнь сейчасъ сертучекъ, умойся, пришилъ галстучекъ и але маршируй, благо она у тебя и живетъ-то подъ бокомъ...

— Ты бы мнѣ, Еремѣвна, сперва ее портретъ принесла...

— А нѣту у ней патретовъ. Сымалась одинъ только разъ, да и то съ покойникомъ вмѣстѣ... не тащить же ее къ тебѣ съ покойникомъ...

— А сколько ей лѣтъ?

— Лѣта самыя натуральныя. А ужъ красота—ахнешь. Пройдетъ по комнатѣ—заглядишься; чистый жандаръ. Три лавки у нея да капитала сто тысячъ...

— Можетъ, и поменьше?

— А ужъ этого, серебряный, не знаю... Женишься на ей, въ тѣ поры и сочтешь...

— Послѣ можетъ и считать будетъ нечего.

— Будь покоенъ, сразу даже всего и не перечтешь. Мужъ ей все состояніе оставилъ, это она мнѣ сама говорила.

— А давно она вдовѣтъ-то?

— Пятый мѣсяцъ, маргариновый. Хотѣла было въ монастырь идти, да раздумала. «Ты мнѣ, говоритъ, Еремѣвна, такого мужа достань, чтобъ подъ пару мнѣ былъ: и ростомъ чтобъ съ фонарный столбъ, и въ лицѣ чтобъ такая пріятность, и волосомъ чтобъ бѣлокуръ»...

— А она изъ себя какая? Блондинка?

— Нѣтъ, брюнетка. Не очень ужъ чтобъ брюнетистая была, полированный, а чернота есть.

— Я брюнетокъ не люблю.

— Да какая она брюнетка, серебряный

такъ только званіе одно что брюнетка, а по моему она просто въ рыжину ударяетъ...

— Блондинокъ я люблю. На блондинкѣ, пожалуй, я согласенъ...

— А ты не очень, маргариновый, на блондинокъ-то располагайся. Я одному такъ-то вотъ хорошему купцу блондинку доставила, а она вдругъ что жъ? На третій же день опосля свадьбы зачала его туфлями по зубамъ чистить... вотъ тебѣ и блондинка!

— А ты мнѣ смирную постарайся...

— Да вѣдь живой человѣкъ, въ него не влѣзешь. Наша сестра хитра: притворится овечкой, а, опосля, глядь, когти и распустишь... спасибо мнѣ за вдову скажешь!

— А дѣвицъ у тебя развѣ нѣтъ въ запасѣ?

— У меня всякаго добра довольно... Да что ты больно за дѣвицами-то гонишься?

— Ни за кѣмъ я не гонюсь.

— А не гонишься, на вдовѣ женись. Вдова чѣмъ хороша? Къ порядкамъ, да къ семейной жизни приученая и каждому вашему характеру потрафлять можетъ. Нонѣ, маргариновый, дѣвицы-то все пошли какія-то ошалѣлыя: ты ей слово, а она тебѣ десять; ты ее за косу, а она отъ тебя на отдѣльную квартиру. Сердитова купца знаешь?

— Слыхалъ.

— Дочь тоже у него замужъ вышла. Въ трехъ пансіонахъ обучалась, а дура. Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы отъ мужа уѣхала.

— Не стоитъ жениться, значить?

— Не стоитъ, серебряный, вѣрное твое слово—не стоитъ. То-ись, это я про дѣвицъ говорю, а на вдовѣ женись безъ всякаго сумѣнія... Взять хоть бы эту Рѣпкину: овца, а не баба. А почему овца? Потому, что первымъ мужемъ дрессирована. Бывало, каждый взглядъ его понимала. Только мигнетъ, а она ужъ чувствуетъ. А поди ка ты на дѣвицѣ женись, да подрессируй ее попробуй. Во-первыхъ, маргариновый, сколько время на это убьешь, а во-вторыхъ, неизвѣстно еще, чей верхъ будетъ. Отставной поручикъ одинъ есть у меня знакомый. Такой несокрушимый ирой былъ, ужаси! Бывало, чуть что не по его—либо въ зубы, либо въ дребезги. Что жъ ты думаешь: женился. Махонькую этакую взялъ, да худенькую, просто въ чемъ душа только. Вѣнчался, такъ смѣялся «на покойницѣ, говорить, женюсь!»... А теперича эта покойница такъ имъ командуетъ—на удивленіе просто всѣмъ! Взглянетъ она на него только, такъ онъ весь въ кулачокъ съежится!.. Женись на вдовѣ, маргариновый!..

— Надо подумать... дѣло не къ спѣху...

— И думать тутъ нечего. Тебѣ-то не къ спѣху, а вдова моя ждать не станетъ. Возьметъ, да въ другого и влюбится... для скуки. Привыкла къ семейному положенію, и вдругъ все одна, да одна...

— Не она, такъ другая будетъ...

— А ты эту-то не упущай. Ужъ ежели по

такой горячей порѣ я у тебя сижу, стало-быть, товаръ вниманія стоящій... Поѣдемъ мы сейчасъ къ ней?..

— Неловко...

— Вотъ какъ будетъ ловко, маргариновый...

— Да какъ же это такъ... Вдругъ ни съ того, ни съ сего... Положимъ, я выспался, проѣхаться теперь отлично, но все-таки какъ-то странно... Лучше въ театрѣ какъ-нибудь, или въ клубѣ познакомиться...

— А ты слушай меня. Жениться желаешь?

— Не очень... такъ какъ-то... Пожалуй женюсь, пожалуй и не женюсь.

— Безпремѣнно женись. Ну, что ты теперь такое? Такъ просто дрянъ. Живешь въ чужихъ людяхъ, а тутъ вдругъ ты самъ хозяинъ.

— Да, вѣрно ль, что у ней деньги хорошія?

— Сама тебѣ скажетъ, сколько у ней. А поѣдемъ мы къ ней подъ предлогомъ, будто бы шубу послѣ покойника ейнаго купить...

— Да, она, можетъ, и не продаетъ...

— Извѣстно, тебѣ въ приданое пойдетъ: для предлогу только эти шубы...

— Неловко, Еремѣвна.

— Вотъ дуракъ-то, отцы мои! Сама же мнѣ говорила: «привози, говорить, его шубу покупать!»

— Ну, ежели сама, такъ это дѣло десятое.

— А ты думалъ, что я такъ бы тебя и

повезла безъ ея расположенія? Еремѣвна свое дѣло знаетъ твердо! Напяливай сюртукъ-то, маргариновъй!

— Знаешь, мы какъ-нибудь этакъ на дняхъ...

— Говорю, пора горячая, дыхнуть некогда. Да и вдова-то моя торопить. Мясоѣдъ проходить, а она безъ браку. Мимо ея оконъ, до и дѣло, свадьбы все ѣдутъ, ну, она и волнуется...

— Соблазнила таки... Хотѣлъ было я до Красной горки эту канитель оставить...

— Мало ли что ты хотѣлъ... Я бы вотъ хотѣла, чтобъ ты мнѣ за вдову тыщу рублей далъ, а ты, гляди, только пятьсотъ отвалишь...

— И пятьсотъ, по-моему, жирно.

— А дешевле и не повезу, серебряный. Одѣвайся иди, да пошли ты за цирульникомъ для завивки... Да духами себя попрыскай... Есть духи-то?

— Есть!..— проговорилъ женихъ, уходя въ спальню.

— Не жалѣй только ихъ, чтобъ отъ тебя за версту благовоніемъ несло... Иди, маргариновъй, да поживѣ поварачивайся!.. Фу-у! Инда устала съ нимъ, съ каторжнымъ! Ну, женихи нонче пошли: покуда ихъ обрабатываешь, пудъ здоровья потеряешь... Тьфу!.. Да галстукъ-то попронзительнѣй выбирай... Слышишь, полированный?

— Ладно!— донеслось изъ спальни.

— То-то ладно! У васъ все ладно, а тамъ глядишь, недокостюмишь чего-нибудь, — невѣстѣ и не пондрависься... Всѣ труды свахины прахомъ пойдутъ!.. Лучше перекостюмить, чѣмъ недокостюмить... Слышишь, маргариновый?

Женихъ ничего не отвѣтилъ.

Несвоевременно.

— Въ лавкѣ самъ-то, аль весь вышелъ?— крикнулъ плотный купецъ франтоватому приказчику, стоявшему у дверей лавки и глазѣвшему на уличную сутолоку.

— Ивану Федоровичу почтеніе-съ! — мотнулъ тотъ въ отвѣтъ шляпой по воздуху.— сію минутую-съ только-что выбыли-съ...

— Куда?

— Къ Арсентью-съ... приказывали васъ туда присылать... посылали даже за вами...

— Знаю, слышалъ! — проговорилъ купецъ и, круто повернувшись, направился въ Черкасскій переулокъ, раскланиваясь съ встрѣчавшимися знакомыми.

Минуть черезъ пять онъ уже поднимался вверхъ по трактирной лѣстницѣ, расчесывая на ходу свою серебристую бороду.

— Федорычъ, сюда, братъ!—крикнулъ ему сидѣвшій за однимъ изъ столовъ въ залѣ худощавый купецъ съ елейной улыбкой на толстыхъ румяныхъ губахъ:—полчаса цѣльныхъ тебя жду!

— Покупатель задержалъ!—отвѣтилъ тотъ, подавая руку пріятелю:—Закусываль?

— Нѣтъ еще, только-что прицѣливаюсь...
А ты?

— Я, признаться, понабилъ чемоданъ-то...
да идетъ, понимаешь, мимо разносчикъ съ
ветчиной... особенная, говорить, ну, я и
того...

— А я его жду! Хорошъ, нечего сказать!
Теперича одному придется...

— Ты ѣшь, а я чаемъ займусь... фффу-у!..
Ну, какъ дѣла?

— Какъ сажа бѣла... тихо, братъ...

— У насъ ничего... жаловаться не мо-
жемъ... И чудеса же, братецъ ты мой, то
теплынъ стояла, а теперь вдругъ на стужу
повернуло...

— Страсть, что такое... невиданное дѣло,
просто...

— Н-да. И знаешь, что я тебѣ скажу:
несвоевременно все это...

— Погода-то?

— Погода. Апрѣль мѣсяцъ, напримѣръ, и
вдругъ была такая благодать.

— Очень даже несвоевременно. Ты возьми
прежнее время: что такое былъ апрѣль мѣ-
сяцъ?

— Мѣсяцъ дурашливый...

— Вотъ. То солнце, то снѣгъ, то дождь...
Только почка въ апрѣлѣ надувается...

— А я, братъ, нонѣшній годъ и почку
прозѣвалъ... завсегда березовку для здоровья
настаиваю, хватился нонче, анъ, замѣсто поч-
ки-то листь... такая обида...

— Несвоевременно все это... охъ, не свое-
временно!

— Извѣстно, несвоевременно... гляди, въ
маѢ морозы заворотятъ...

— Ну, это трудно впередъ угадать... ви-
димо климатъ мѣняется...

Наступило молчаніе.

— А что, братъ, значить, погода-то хо-
рошая!.. снова зафилософствовалъ худощавый
купецъ:—всякая тварь оживаетъ... вчерашняго
числа подають мнѢ дома щи, гляжу, три мухи
плаваютъ...

— Да ужъ комары, братъ, пошли...

— Неужли?

— Сосѣдка наша дачу нанимать ѣздила,
такъ сказывала: гудить, говорить...

— Да какъ не гудѣть по такой благодати.
Нѣтъ, публика-то какъ вся ожила, словно
даже на улицахъ больше народу стало...

— Извѣстно, больше. Главное, бабье себя
провѣтриваетъ... Накинетъ это на себя какую-
нибудь мантильку и пошла гулять до полного
удовольствія...

— Баба—муха: какъ весна, такъ ее видимо-
невидимо...

— Баба бабѢ рознь. Мою, вотъ, взять, такъ
не пропрешь никуды. Обсидѣлась за зиму-то,
ну, и трудно раскатать... Говорю ей на-дняхъ:
«Митревна, не махнуть ли намъ куды съ то-
бой за городъ?» — Сиди, говорить, дома...
Сичасъ пожары должны пойти. Потому у
насъ какъ тепло, такъ мы сичасъ горѣть.

Сиди и оберегай имущество... поди, вотъ, съ ней и поговори...

— Съ нашей, братъ, бабой разговаривать трудно. Я тоже къ своей насчетъ променажу подѣзжалъ... Изъ любопытства больше... Поглядѣть, какой листъ сичасъ въ лѣсу...

— Не хочетъ?

— «Ступай, говоритъ, на бульваръ, посмотри, какой листъ, и приходи домой къ ужину!» А что мнѣ бульваръ, скажи пожалуйста?

— Просто олеографія.

— Именно олеографія. А я въ лѣсъ хочу. Понялъ?

— Я тоже, братъ, насчетъ лѣсу-то съ удовольствіемъ...

— Сичасъ, вонъ, сказываютъ, соловьи поютъ... Ну, гдѣ я на бульварѣ соловья возьму?

— Да, ужъ какіе соловьи на бульварахъ... Одни воробыи, да городовые, которые для порядка...

— Городовой, братъ, тебѣ пѣть соловьемъ не станетъ... Въ участокъ онъ тебя заберетъ, ежели что, а насчетъ удовольствія онъ для публики не старается...

— Манера у него совсѣмъ другая...

— Извѣстно, въ другомъ духѣ... Сичасъ какую бы можно картину устроить... Махнутъ ежели... А!

— Да куда махнуть-то?

— Куды хочешь, Извѣстно, лучше всего

въ деревню, на просторъ... Приѣхали купцы дачи глядѣть ну и блаженствуютъ...

— Однако, ты, я погляжу, художникъ не послѣдній...

— Художникъ, не художникъ, а фантазія есть...

— Здоровая даже. Такъ въ деревню, говоришь, махнуть-то?

— Въ деревню. Забрать съ собой всякой провизіи и того...

— Постой. Вдвоемъ, стало-быть?

— Вдвоемъ-то безъ стѣсненія... пошелъ это въ лѣсокъ, легъ на травку: соловьи пойте!

— Выводи руладу!

— Вотъ. Надоѣли соловьи, сичасъ деревенскихъ дѣвокъ: дѣвки, валяй караводы!.. Для души-то для русской вѣдь это что? Рррай, братецъ ты мой!

— Да, ужъ тутъ говорить нечего. Шоколату такого на свѣтѣ нѣтъ...

— То-то, вотъ, и оно-то!.. А выпить-то на воздухъ чистомъ чего стоитъ. Что рюмка, то бальзанъ! Главное—продувается!.. Травка это, цвѣточки... Запахъ такой, что хоть носъ затыкай... А?

— Нѣтъ, ты чего это меня дразнишь-то, а?

— Ничего я не дразню, а... Хорошо въ такую погоду деревню понюхать... Такъ?

— Ффу-у! пей чай-то, а то остынетъ...

Снова наступило молчаніе.

— Федорычъ, ты это о чемъ мечту пу-

стиль? — прервалъ молчаніе худощавый купецъ.

— Я-то? Да ужъ очень, братъ, неестественно это... Апрѣль мѣсяцъ и вдругъ такой листъ большой...

— А ты не ври. У тебя сичасъ насчетъ предлогу... Баба-то у тебя какъ, прозорлива?

— Да, какъ тебѣ сказать... Какой тоже на нее часъ найдетъ... То ужъ очень подозрительна, а то совсѣмъ дура...

— Что твоя, что моя—изъ одного тѣста...

— Тѣсто-то одно, да дрожжи разные... иной разъ такую трепку задасть—бѣда!..

— Баба, что съ нея взыскивать-то. Такъ ѣдемъ соловья-то слушать?

— Извѣстно, ѣдемъ... Ужъ очень, братъ, несвоевременно... Просто невѣроятно даже. Главное только, хорошій предлогъ удумать...

— Давай придумывать... Спросимъ сичасъ полбутылки портвейну и раскинемъ умомъ: какъ, куды и по какому случаю... Такъ?

— Ффу... Челаэ-экъ, дайкась, милый, при-
скурантикъ-то!

И придумали! Иванъ Федорычъ вернулся домой часовъ въ десять вечера и съ самой серьезной фizioноміей. Супруга его, Матрена Семеновна, только-что поужинала и ругала на сонъ грядущій горничную. «Такая нынче прислуга пошла, просто бѣда: десять часовъ, мужъ домой не идетъ, а она, горничная-то, на дворѣ съ кучеромъ играетъ и на весь

дворъ грохочетъ... Ну, какая это прислуга, скажите на милость! Просто вниманія нестоющая!

— А я ужъ тебя въ поминанье записала!— встрѣтила Матрена Семеновна Ивана Федоровича:—десять часовъ, а его дома нѣтъ: померъ, думаю, гдѣ-нибудь въ трактирѣ подъ машиной...

— Дура, дура и есть!— осадилъ ее Иванъ Федорычъ, швыряя картузь на столъ:—у тебя про мужа-то никакихъ хорошихъ думъ нѣтъ... Ужинали?

— Да вѣдь десять часовъ ужъ...—опѣшила нѣсколько та.

— То-то «вѣдь»... А у меня крохи во рту не было... Черти! Ты въ городѣ ровно въ котлѣ съ утра до ночи кипишь, а онѣ тутъ... Прасковья! Прасковья!.. Дай солонины пожалуйста, до смерти ѣсть хочется...

Самъ прошелъ въ столовую, гдѣ на столѣ стояла еще неубранная посуда, и грузно опустился на стулъ.

— Федорычъ, ты, можетъ, телятины поѣшь... Телятина у насъ нонче жареная!— ласково проговорила сама, подсаживаясь къ мужу.

— То-то—телятина! Не знаешь мужниныхъ дѣловъ, а съ глупыми разговорами лѣзешь... Телятина! Обидить человѣка, а потомъ съ телятиной пристаешь... Идолы...

Иванъ Федорычъ вонзилъ вилку въ кусокъ

солонины и съ яростью запустилъ въ него ножъ.

— Прасковья, хрѣну-у!..

— Федорычъ, ты можеть водки передъ солониной-то...

— Не видалъ я твоей водки! Съ этихъ дѣловъ и совсѣмъ про всякую водку забудешь...

— Аль что неладно вышло?

— Да вѣдь тебѣ что жъ... тебѣ все равно... тебѣ бы только обляять зря мужа.

— Да будетъ тебѣ ужъ, мучитель... говори что такое случилось... у тебя и лицо-то какое-то такое...

— Какое еще у меня лицо?

— Разстроенное...

— Разстроишься. Одинъ не платить, другой половину за рупь предлагаетъ... просто хоть лавочку закрывай... борода сичасъ сѣдѣть начала... а съ чего, спрашивается? Съ хорошихъ дѣловъ?..

Иванъ Федорычъ заправилъ въ ротъ кусокъ солонины и покосился на жену.

— Трехполѣннаго не знаешь?

— Не знаю.

— Да и знать-то тебѣ его не нужно. Самый пустой человѣкъ. Просто жуликъ. Въ январѣ на пять тысячъ товару ему продалъ, а сичасъ — на чашку чаю просить. Ловко?

— Хорошаго ничего нѣту...

— А ты мужа пияешь. Со всѣхъ сторонъ меня накаливаютъ, а пожалѣть некому...

— Да вѣдь это я такъ... да вѣдь я что же...

— То-то «что же»..., а ты сперва разбери, а потомъ и того... на сковороду... Ду-уры! У меня можетъ селезенка - то на дно разовъ десять перевернется!.. Саквояжъ мнѣ приготовъ... полотенце въ него положи, да мыла кусокъ.

— Да ты это куда же?

— Да Трехполѣнный - то, по - твоему, гдѣ живетъ, ду-убина-а!

— А я почему знаю твои дѣла.

— А коли не знаешь, спроси. Въ Серпуховѣ онъ живетъ... Поняла?

— Поняла. Чашка чаю-то у него когда же назначена?

— Завтра вечеромъ. А пріѣду я, Богъ дастъ, послѣзавтрава... можетъ утромъ, а можетъ и къ вечеру... смотря по дѣлу...

— Федорычъ, а ежели бы приказчика послать...

— А ежели ты дура, значить съ тобой и разговаривать нечего. Меня грабятъ собираются, а она приказчика пошли! Тьфу! Чтобъ къ десяти часамъ саквояжъ былъ готовъ... полотенце да мыла, только и всего... Э-эхъ, торговля, жидъ ее побери-то! Одна только мука!—махнулъ Иванъ Федорычъ рукой и направился было въ свой кабинетъ.

— Федорычъ!—остановила его жена—и многихъ этотъ... какъ его... Трехполѣнный-то помазалъ?

— Достаточно...

— Удивляюсь я только, какъ это вы до-
вѣряете каждому...

— Уберечься никакъ невозможно. Ужъ на
что Ѳедосѣичъ аспидъ насчетъ кредиту, и
тотъ на семь тыщъ влетѣлъ...

— Это Горбоносовъ-то?

— Горбоносовъ. Знаешь пословицу: «на
всякаго мудреца довольно простоты»... такъ
не забудь насчетъ саквояжу-то!... Думалъ
тебѣ мантилью модную на лѣто купить, а
тутъ тебя самого со всѣхъ сторонъ ротон-
дить начинаютъ... тьфу!...

На другой день все утро Иванъ Федорычъ
кряхтѣлъ и Трехполѣннаго на чемъ свѣтъ
стоитъ ругалъ. Да и какъ не ругать, спра-
шивается: нажилъ съ него всего какихъ ни-
будь пятсотъ рублей, а онъ пять тысячъ не
платить. Чистый грабежъ, сейчасъ умереть!...

Часовъ въ двѣнадцать Иванъ Федорычъ,
ругнувъ въ послѣдній разъ «серпуховскаго
жулика», облобызался троекратно съ Матре-
ной Семеновной и, подхвативъ подъ мышки
саквояжъ, поѣхалъ на злосчастную «чашку
чаю».

Матрена Семеновна долго стояла у окна,
глядя вслѣдъ исчезавшей вдаль извозничьей
пролеткѣ, увозившей Ивана Федорыча, и за-
тѣмъ, подумавъ немного, одѣлась и поѣхала
къ Горбоносовой... давно не видала ее, такъ
навѣстить, благо предложъ хорошій есть.

Встрѣтились купчихи, что называется, въ засосъ. Впились другъ въ друга, да такъ и замерли. Со стороны можно подумать, что сестры родныя послѣ двадцатилѣтней разлуки встрѣтились. Одна шляпку снимаетъ, а другая кофейникъ тащитъ, да за печеньемъ горничную посылаетъ.

— Уѣхаль вашъ - то? — поторопилась справиться Матрена Семеновна у Горбоносовой,

— Уѣхаль. Да и вашъ, кажется, тоже... говорилъ мнѣ Ѳедосѣичъ, что и вашъ какъ-будто собирается.

— И мой уѣхаль. Уфъ! Ну, я теперича по крайности спокойна! — проговорила гостья: — врутъ они все, да нашу сестру обманываютъ... ахъ, какъ врутъ!

— И я вѣдь только-что къ вамъ за этимъ хотѣла... не довѣряю я тоже своему... что ни шагъ, то советъ, что ни шагъ... Вашъ вѣдь къ Горѣлову поѣхаль?

— Какъ, къ Горѣлову... къ Трехполѣнному...

— Ей Богу, къ Горѣлову... можетъ, я ослышалась...

— Какъ это ослышаться, совсѣмъ даже фамилія не схожая... Да вамъ куда говорилъ они поѣдутъ-то?

— Въ Богородскъ, милая.

— Какъ, въ Богородскъ? Въ Серпуховъ!

— Разбойники! Въ Богородскъ!

— Въ Серпуховъ, мошенники!..

Хозяйка застыла въ угрожающей позѣ. Гостья позеленѣла...

Часовъ въ одиннадцать утра Иванъ Федоровичъ, несмотря на то, что вернулся домой наканунѣ часовъ въ двѣнадцать ночи, спалъ богатырскимъ сномъ. Снились ему соловьи, деревенскія дѣвки, которымъ онъ съ Ѳедосѣичемъ пригоршнями швырялъ пряники и орѣхи, выпивка и лобызанья съ мужичками, величавшими ихъ «князьями» да «графами» и, затѣмъ, почему-то приснился парикмахеръ Дьяковъ отъ Мясницкихъ Воротъ, у котораго онъ иногда, проѣздомъ, подстригалъ свои волосы и серебристую бороду. Пріѣхалъ онъ будто къ Дьякову, бухнулся въ кресло передъ зеркаломъ и крикнулъ: «Ульяновъ, подравняй, братецъ, купца!»... Подлетѣлъ къ нему черный, какъ жукъ, парикмахеръ, звякнулъ ножницами и пошелъ подравнивать. И чудится Ивану Федоровичу, что у его излюбленнаго брадобрёя ножницы тупы: рветъ ему бороду до того, что орать отъ боли въ пору... И только это онъ хотѣлъ ему замѣчаніе насчетъ ножницъ сдѣлать, какъ тотъ такъ его рванулъ, что Иванъ Федорычъ заоралъ благимъ матомъ и... проснулся. Проснулся Иванъ Федорычъ и попалъ изъ огня да въ полымя... Лежить онъ на кровати во всѣхъ своихъ костюмахъ, даже въ ватномъ пальто и калошахъ, а возлѣ кровати разсвирѣпѣвшая Матрена Семеновна и, потрясая его серебристой бородой въ десную и ошую, приговариваетъ:

— Вставай, разбойникъ безстыжій! Всю душу твою изъ тебя вытрясу!..

Всталъ Иванъ Федорычъ и прямо было лобызаться съ супругой полѣзъ. «Дескать съ добрымъ утромъ, поздравляй меня съ пріѣздомъ», а она его за бороду кверху, къ потолку, чтобы глаза его безстыжіе не лукавили.

— Такъ ты въ Серпуховъ ѣздилъ, а?— спрашиваетъ, а сама все пуще въ свои пальцы бороду забираетъ.

— Въ Се... Серпуховъ... пусти, пожалста...

— Кайся, шаромыжникъ старый!.. Кайся!..

— Въ Серпуховъ, провалиться сквозь землю, въ Серпуховъ... къ Колченогову... то бишь къ этому... какъ его жиде... ахъ, жидъ его... забылъ...

— Забылъ? А мужики, что сичасъ къ тебѣ пришли, тоже изъ Серпухова, а?

— Какіе мужики? Никакихъ мужиковъ... совсѣмъ несвоевременно...

— А у какихъ ты съ Федосѣичемъ овинъ на части разнесъ? Они за деньгами пришли...

— Овинъ? Вотъ жулики-то, да мы имъ пятьдесятъ рублей за это...

— Такъ это въ Серпуховѣ было, а? Въ Серпуховѣ? Ахъ, разбойники!.. Да что же ты молчишь-то, безсовѣстный? Рожа твоя разбойническая!..

Иванъ Федорычъ только взмахивалъ руками, какъ ворона крыльями, и охалъ...

— — —

На другой день пріятели сошлись у Арсентича. Молча они сѣли за столъ, грустно

посмотрѣли другъ на друга и вздохнули глубоко.

— А все ты... — проговорилъ, наконецъ, Иванъ Федорычъ, — какъ вѣдь говорилъ: не прошибись, молъ...

— Несвоевременно... оттого все это! — отвѣтилъ тотъ.

— Несвоевременно, это что говорить! — вздохнулъ Иванъ Федорычъ; — а каково, братъ, опосля тѣхъ-то соловьевъ домашнюю птицу слушать, а? Тьфу!..

Оедосѣичъ только рукой махнулъ...

Дождались.

— Куды мои очки дѣлись, спрашивается? На этомъ самомъ мѣстѣ лежали и вдругъ нѣту!—суетилась Домна Гавриловна Листопадова, держа въ рукахъ письмо и заглядывая подъ диванъ и стулъ:—Маша! Машурка! не видала ты моихъ очковъ?—крикнула она дочери, сидѣвшей у окна съ книжкой.

— Какихъ очковъ, мамаша?—лѣниво повернула та голову.

— Моихъ... черепаховыхъ...

— Черепаховыхъ? Нѣтъ, не видала...

— А какія же ты видѣла!

— Никакихъ очковъ я не видала.

— А спрашиваешь. Дура, право, дура!

— Ну, вотъ... сами же ихъ потеряли, а я виновата... Въ карманѣ-то шарили?

— Всѣ норки обшарила—нѣту... вотъ всегда такъ: какъ очки нужны, ихъ нѣту... какъ до ихъ нужда, такъ ровно скрозь землю... вездѣ ищу и нѣту...

— Да не затащилъ ли ихъ Васька куда?

— Какой Васька? Конторщикъ?

— Нужны очень конторщику ваши очки... Я про кота говорю...

— Подо всѣми стульями и столами глядѣла—нѣту... а ты что же это ерцогиней-то развалилась? Чѣмъ бы матери помочь, да глаза ея поискать, а она и ухомъ не ведетъ.,,

— Что жъ я теперь подъ диваны для васъ должна лѣзть? Покорно васъ благодарю... позовите горничную и прикажите вездѣ облазить... Да зачѣмъ они вамъ?

— Очки-то? Письмо отъ отца получила... изъ ярмарки...

— Ну, и... что жъ онъ пишетъ?

— Кто пишетъ?

— А папаша-то?

— Ахъ, Марья, и въ кого ты такая дура уродилась, удивляюсь! Я очки ищу, чтобъ письмо прочитать, а она «что пишетъ» спрашиваетъ. Ищи очки! Слышишь!

— Ахъ, ты, Господи! Наказаніе съ вами... да давайте, я письмо прочту.

— А, вотъ, когда ты замужъ выйдешь, да будетъ тебѣ мужъ изъ ярмарки писать, въ тѣ поры ты письма и читай, а отцовы письма только я могу читать...

— Удивительные секреты отъ родной дочери!

— А, можетъ, и секретъ есть, ты этого знать не можешь... можетъ про тебя что писано...

— Да что же про меня-то папаша писать станетъ?

— А я почему знаю. Можетъ присмотрѣлъ

жениха какого и писать... а тебѣ про это прежде времени знать не слѣдуетъ...

— Ахъ, какіе ужасные секреты! Да вы напрасно хлопочите, я все равно замужъ не пойду...

— Какъ не пойдешь?

— Не пойду, и все тутъ...

— Да что ты уродъ, что ль, аль безприданница какая?

— И не уродъ, а не пойду...

— Не пойдешь! Ну, вотъ погоди, дай только отцу пріѣхать... онъ тебѣ покажетъ дворянство... Да какъ ты смѣла мнѣ такія слова говорить, а? Для какого же рожна я тебѣ пятнадцать лѣтъ приданое-то собираю, а? Одного полотна на пятьсотъ рублей лежитъ, два чернобурыхъ мѣха... тьфу! Маша, ты ищешь очки-то?

— Ищу...

— Не надо, нашла я ихъ...

— Гдѣ?

— Да на мнѣ они каторжныя...

— Вотъ вы завсегда такъ,—ищите вчерашняго дня...

— И невдомекъ даже что на мнѣ... заторопилась и проглядѣла... «Любезная супруга, Домна Гавриловна! Симъ письмомъ увѣдомляю тебя, что»... Маша, уйди въ свою комнату!

— Это по какому еще случаю?

— А за тѣмъ, что ты слушаешь, какъ я читаю...

— Такъ читайте про себя...

— Не умѣю я про себя читать, ничего не пойму... Уйди!..

— Ну, что это за наказаніе съ вами!.. Читайте, я не стану слушать...

— Такъ вотъ я тебѣ и повѣрила... Я лучше въ спальную къ себѣ уйду... Коли ты мать не хочешь уважать... погоди, дай только отцу пріѣхать.... все про тебя, все до ниточки расскажу... Машъ, ты ушла? Маша! Маша-а!.. Ушла!.. «увѣдомляю, что завтрашняго числа выѣзжаю въ Москву...» Батюшки! Вотъ грѣхъ-то!.. Маша! Маша-а-а!..

— Что вамъ еще надо? ушла, вѣдь, я...

— Поди сюда!.. Слышала новость?

— Какую?

— Отецъ завтра пріѣзжаетъ!.. Вотъ грѣхъ-то, а? На цѣльную недѣлю раньше... Голубчики мои, что мнѣ теперича дѣлать?

— Да что вы сокрушаетесь-то?

— Да какъ же не сокрушаться-то, глупая? огурцы еще какъ слѣдоваетъ не просолились, а его въ Москву несеть...

— Ахъ, какія глупости!..

— Для тебя все глупости... Никогда ты и ничего умнаго въ своихъ родителяхъ не находила... хороши глупости, ежели я даже настоящимъ разсоломъ не могу его встрѣтить.

— Какимъ разсоломъ?

— Огуречнымъ разсоломъ... Ахъ, ты, батюшки мои! Ну, чтобы ему еще тамъ недѣлку прохороводиться? Бѣда! Вотъ бѣда-то, голубчики мои!

— Да какая бѣда, мамаша, я васъ совсѣмъ не понимаю...

— А вотъ погоди, дай срокъ: выйдешь замужъ и всякую бѣду узнаешь!.. Безпре-
мѣнно, какъ пріѣдетъ домой, такъ разсолу
потребуется... Какъ пить дать—потребуется...

— Да зачѣмъ?

— А затѣмъ, что душа у него сичасъ яр-
марочная, ду-у-ура... напоследяхъ-то со всей
ярмаркой прощается, ну, и никакъ безъ раз-
солу нельзя... Дуняша-а! Дуняша-а!..

— Что вы, Домна Гавриловна?—прибѣжала
на зовъ хозяйки горничная.

— Горе-то мое какое, а!

— Господи! Что такое случилось? Ужъ на-
стойку не пролили-ль?

— Хуже, Дуняша... самъ изъ ярмарки
ѣдетъ... завтрашняго числа пріѣзжаетъ...

— Скажите, какая вдругъ внезапность!..
А мы еще и грибы не всѣ отварили...

— Да грибы туды-сюды... на грибы-то съ
пріѣзду не наляжетъ... разсолъ-то, разсолъ-
то огуречный никуды не годится!.. Голубчи-
ки мои, что же мнѣ теперь дѣлать? Этого-то
ужъ, скажетъ, не могла для меня постарать-
ся?—Да, голубчикъ ты мой, Яковъ Ѳедосѣ-
ичъ, никакъ не могла я предвилѣть твоего
пріѣзду скоропалительнаго... совсѣмъ я, глу-
пая, обезразсолилась...

— Матушка, Домна Гавриловна! И чего
вы зря сокрушаетесь? А капустный-то раз-
солъ у насъ на что?

— Тыфу!.. Изъ ума даже вонъ, что капустный есть! Ужъ очинно онъ меня неожиданностью-то ошарашилъ!.. Еще капустный-то, по-моему, злѣе, какую хочешь ярмарку отдереть... Фу, ты! Ровно гора съ плечъ...

— Вотъ, вы всегда такъ, мамаша, и людей-то, не разобравши дѣла, перепугаете, и себя истерзаете...

— А ты, вотъ, выйди замужъ-то, выйди попробуй, вотъ я и погляжу, какъ ты умна будешь... Дуняша! надо грибы доварить...

— Безпремѣнно, Домна Гавриловна, а то они въ позапрошломъ году, какъ пріѣхавши увидали банки-то, такъ всѣ и посшибали...

— Ну, въ тѣ поры онъ на персіянь былъ золь. Не заплатилъ ему какой-то персіяшка, онъ и давай банки бить...

— А сичасъ, можетъ, его армянинъ въ ярмаркѣ обидѣлъ... мы этого знать не можемъ.

— Охъ, не можемъ, Дуняша!.. Довари и убирай банки отъ грѣха подальше... да куфарку мнѣ пошли!.. Маша! Ну какъ тебѣ не совѣстно, а? Отецъ завтрава пріѣзжаетъ, а ты книжку читаешь? Никакого въ тебѣ страху нѣтъ...

— Что жъ мнѣ прикажете теперь дѣлать? На одной ножкѣ скакать?

— Не на одной ножкѣ, а посмотрѣть, все ли у насъ въ порядкѣ...

— Все.

— А ты посмотри хорошенечко, можетъ

что и найдешь... у меня отъ этого письма голова кругомъ пошла...

— Да чего тутъ кругомъ-то идти, не понимаю...

— А оттого, что «самъ» ѣдетъ, вотъ отчего... все было тихо, смирно и вдругъ—полное нашествіе... Всѣ ли лампадки-то теплятся?

— Кажется, всѣ...

— А ты встань, да посмотри... брось ты свою книжку-то, авось изъ нее любви-то тамъ разныя не убѣгутъ... Удивляюсь, какъ это можно такъ къ книжкѣ прилипнуть, корысть-то отъ нея не бо-знять какая... какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока... да полотенце къ ему въ кабинетъ повѣсь, онъ любить во время чаю утираться... Спиридонъ! А, Спиридонъ! — крикнула она дворнику, отворяя окно.

— Чего изволите-съ? — поднялъ тотъ голову.

— Горе-то мое какое... тьфу! радость-то у меня какая, Спиридонъ! Яковъ Ѳедосѣичъ завтрава пріѣзжаетъ...

— Такъ-съ!—запустилъ тотъ пятерню въ затылокъ:—стало-быть, шабашъ!

— Что ты говоришь?

— Отгуляли, напрімѣръ... очень пріятно! По мнѣ хушь сичасъ, я съ превеликимъ удовольствіемъ...

— Вотъ, вотъ... ты ужъ дворъ-то хоро-

шенько вымети, а то ты забылъ, какъ и метлу въ руки берутъ.

— Слушаю-сь.

— Да скажи кучеру, чтобъ лошадь приготовилъ, а то у него, какъ ни хватись, все не подкована... А?

— Скажемъ. Для насъ это что жъ,—плевое дѣло...

— Вотъ, вотъ. Да не пущай ты со двора нонича никого... Слышишь? Довольно ужъ, кажется... нашлались безъ самого-то, такъ и скажи всѣмъ, что самъ, молъ, завтрава изъ ярмарки приѣзжаетъ, такъ чтобъ безъ синяковъ его встрѣтили.

— Слушаю-сь. Только ежели кто черезъ заборъ махнетъ, я не виноватъ.

— Вотъ, вотъ... а пуще всего—самъ со двора не ходи... Слышалъ? А то уйдешь ты, и всѣ за тобой поползутъ...

— Это можно-сь...

— Вотъ, вотъ. А ежели тебя будутъ посылать за водкой—не ходи... Слышишь? А то приѣдетъ самъ, и вдругъ по всему двору духъ отчаянный... не ходи!

— Слушаю-сь. Только я, Домна Гавриловна, за конюха Вавилу не отвѣчаю... не годящій-сь.

— Пьянъ, что ли?

— Не пьянъ, а... напьется безпремѣнно, это ужъ будьте покойны, потому у его авчира жена была и десять цалковыхъ отняла...

— А ты его не пущай со двора...

— Это ни къ чему-съ...

— А будетъ за водкой посылать, не ходи...

— Все одно, негодящій будетъ-съ... у него котъ жуликъ-съ...

— Котъ?

— Такъ точно-съ. Ученый. Въ кабакъ обучень за водкой бѣгать... Сичасъ сунетъ коту въ зубы двугривенный, котъ въ кабакъ...

— Впервой слышу. До чего вѣдь умудрятся, идолы!

— Сусѣдскіе приказчики десять цалковыхъ за кота Вавилѣ давали, ну, только не взялъ: «за такого, говоритъ, профессора ста цѣлковыхъ не возьму!..» Аккуратный котъ!

— Ужли котъ самъ и водку носить?

— Зачѣмъ-съ! У Вавилы сичасъ черезъ заборъ веревка пристроена, ну, мальчишка изъ кабака и цѣпляетъ... Никакъ за Вавилу ручаться невозможно-съ!..

— А ты возьми, поймай кота и запри. Слышишь!

— Слушаю-съ... только все одно негодящій будетъ: самъ черезъ заборъ махнетъ...

— Вотъ, вотъ... такъ ты и сдѣлай... Маша! Машура!

— Это я, Домна Гавриловна... куфарка Мавра...

— Мавруша, слышала новость-то?

— Слышала, слышала... какже-съ...

— Такая нечаянность вдругъ... и огурцы-то не просолились, и грибы-то не доварены... У тебя-то по куфнѣ все въ исправности?

— Все-съ, будьте покойны...

— Главное, Мавруша, чтобъ народу лишняго не было, самъ этого не любить...

— Народу у насъ никого нѣту... землячекъ только одинъ ко мнѣ пришелъ... изъ деревни, значить... такъ просится переночевать...

— Этого нельзя...

— Да ужъ очень землячекъ-то, Домна Гавриловна, порядочный... и сирота круглая... ни отца, ни матери нѣту... я его за печку пристрою...

— Ладно, только чтобъ безъ водки...

— Водку онъ не можетъ... выпьетъ когда ежели перцовки, такъ и то для простуды больше...

— А завтра съ ранняго утра гони, чтобъ самъ не видалъ...

— Сгоню-съ. Онъ тихій, слушается... вотъ кумъ у меня такъ точно что безпокойный: безъ городского не выгонишь... гордость ему этого не дозволяетъ... а этотъ сирота-съ и даже съ пачпортомъ...

— То-то, смотри, чтобъ мнѣ изъ-за тебя отъ Якова Ѳедосѣича непріятности не было...

— Будьте покойны-съ... да рази были когда черезъ меня непріятности? ни въ жисть!

— А объ Рождествѣ-то забыла! Пришелъ тоже къ тебѣ какой-то дуракъ-землякъ, да свою шапку въ горшокъ со щами и запятить...

— Ахъ, Домна Гавриловна, да вѣдь празд-

ники были!.. Ну, извѣстно, человѣкъ военный, не видитъ даже куда что кладетъ.

— Гляди, коли пришелъ въ чужое мѣсто!.. А то Яковъ Оедосѣичъ чуть было въ тѣ поры кускомъ овчины не подавился, а мнѣ пакля досталась... Чтобы этого для хозяйскаго приѣзду не было! Да обѣдь хорошій состряпай. Такой, чтобъ съ удовольствіемъ съѣлъ. Батюшки мои! Халать-то, халать-то его провѣтрить надо! Маша! Машурка! Халать-то, халать-то... голубчики мои, онъ цѣльный мѣсяцъ въ конфорѣ лежитъ, а самъ этого духу слышать не можетъ! Дуняша! Тащи скорѣй конфору на дворъ.. тѣфу! Якова Оедосѣича тащи! Чего ты глазищи-то вытаращила? Халать, халать тащи!..

Было раннее утро, когда всѣ служащіе Листопадова съ угрюмыми и опухшими лицами тыкались изъ угла въ уголъ и какъ будто чего-то искали... Молодого Листопадова на силу разбудили.

— Да ты что же это со мной дѣлаешь?— кричала сама ему въ дверь:— сейчасъ самъ приѣдетъ, а ты дрыхнешь? Поѣзжай встрѣчать отца...

— Не могу, мамаша... въ себя не взошелъ.

— Ыздишь-таки авчера со двора? Не утерпѣлъ?..

— Да вѣдь въ послѣдній разъ, мамаша... Теперь поди, урвись у него... Мамашечка! Зельтерской бы...

— Голову вы съ меня сняли. Этотъ дрыхнетъ, кучерь носомъ тычется, куфарка никакъ свою сироту-земляка не выгнать... совсѣмъ остервенился съ простуды-то... Тьфу! съ перцовки то-ись... батюшки, что мнѣ только отъ Якова Оедосѣича будетъ — страсть! Маша, самоваръ-то готовъ?

— Давно на столѣ кипить...

— Яша, поѣзжай встрѣчать отца-то... почему, скажетъ, не встрѣтили?

— Очень просто, мамаша, у меня воспаленіе... въ «Эрмитажѣ» вчера простудился... въ такой холодъ и вдругъ оперетки поютъ... вѣдь этакъ на тотъ свѣтъ отправиться можно...

— Да гдѣ воспаленіе-то, непутевый?

— Въ «Эрмитажѣ», говорю, былъ...

— Тьфу! Ну, вотъ, пушай онъ самъ съ тобой раздѣлывается, какъ хочетъ, а я тутъ ни при чемъ... Яша, ты бы хоть конторщика Василья встрѣтить его отправилъ.

— Васю, маманичка, нельзя показывать... у него чума!

— Какая чума?

— Обыкновенная. Очумѣлъ вчера и на дышло наскочилъ... вотъ какой у него подъ лѣвымъ глазомъ дифтеритъ виситъ, страсть!..

— Голубчикъ мой, да вѣдь это что же выходитъ. Совсѣмъ больница...

— Лазаретъ-съ полный. Я сейчасъ въ полномъ параличѣ... ни руками... ни ногами... вы хоть бы зельтерской...

— Маша, поѣзжай хоть ты встрѣчать.

Обозлится онъ вотъ какъ, ежели никто не встрѣтитъ... Яша, встань сдѣлай милость...

— Не могу... безъ зельтерской...

— Дуняша, притащи ты ему зельтерской съ погребѣ... Стой! Квасу холоднаго напѣдила?

— Нѣтъ еще...

— Да что же ты спишь-то, скажи пожалуйста? Хозяинъ съ ярмарки ѣдетъ, первое дѣло сичасъ его на кислое пойло потянетъ, а она ничего не приготовила... пѣди скорѣй иди!..

Спустя часъ суетня улеглась. На кучера вылили ушатъ воды, и посадили на козлы, сироту-земляка, несмотря на то, что нѣсколько разъ принимался кричать «караулъ», выпроводили. Молодой Листопадовъ пилъ чуть ли не двадцатую бутылку зельтерской и совѣтовалъ конторщику завязать глаза платкомъ: «флюсь, молъ, у меня отъ зуба, только и всего»...

Сама наливала квасъ въ графинъ и просила сына, когда онъ будетъ здороваться съ родителемъ, не дышать, а то никакого воспаления не выйдетъ...

— Ну, кажется, теперича все въ порядкѣ, квасъ налила, разсолъ приготовленъ, халатъ на гвоздикъ виситъ, пріѣзжай, Яковъ Оедосѣичъ! Ежели только онъ этихъ рылъ не замѣтитъ, все съ рукъ сойдетъ благополучно. А вотъ и онъ, кажется, ѣдетъ? Онъ и есть! Дуняша! Дуняша! Отворяй скорѣй, самъ пріѣхалъ! Яша, самъ! Не дыши!..

Со стономъ отворилась дверь, и въ переднюю съ шумомъ ввалился самъ... Домочадцы бросились къ нему навстрѣчу... съ «восторгами»... Самъ икнулъ, отстранилъ всѣхъ рукой, молча сѣлъ на первый попавшійся стулъ и обвелъ мутно-сонными глазами окружающихъ, затаившихъ дыханіе.

— Ррразс-олу!—прохрипѣлъ «самъ»...
Пріѣхалъ!..

Жарко, мочи нѣтъ!

Праздничное утро. Солнце печетъ немилосердно. Тишина въ воздухѣ стоитъ невозмутимая. Листъ не шелохнется, даже птица вся по кустамъ попряталась... Жарко, мочи нѣтъ! На большой террасѣ, обтянутой полосатымъ тикомъ и загроможденной мебелью и цвѣтами, томится, изнываетъ полная, черезчуръ даже полная, купчиха Наталья Петровна Вертихвостова. Жарко ей, бѣдняжкѣ, до такой степени, что, того гляди, возьметъ сейчасъ и умретъ! Совсѣмъ какъ есть умираетъ!.. Распустила она свои русыя косы, разстегнула воротъ бѣлаго пенюра, и такъ тяжело дышитъ, таково трудно, ровно цѣльный товарный поѣздъ на себѣ везетъ... таетъ!.. Просто на манеръ сальной свѣчи таетъ!..

— Батюшки мои!.. Родимые! Да что жъ это такое будетъ! — говоритъ она, отирая съ лица струи пота чуть ли не двадцатымъ платкомъ: — просто смерть!.. И откедова такую жарошцу наслали, удивительно! Ффу-у-у!.. Хушь бы вѣтерочекъ какой легонькой, хушь бы капельку дождевую... Сеня! Сеня-я-я!..

Никого!.. Только съ улицы доносится монотонная пѣсня разнозчика: «садова ма-али-и-

на-а... садова клубни-ика-а...» да чей-то внушительный басъ чуть не на всю дачную округу ореть во всю глотку: «Да лей же! На башку лей!.. Охлаждай, Иродова душа!..»

Привсталa Наталья Петровна съ покойнаго кресла, сдѣлала шагъ впередъ, покачала растрепанной головой и плюхнулась на старое мѣсто.

— Не могу!.. Вотъ до чего дожила — не могу! Ноги - то ровно свинцомъ налитыя... Ффу-у-у... удивляться надо, какъ это дикіе народы за границами живутъ... дышать вѣдь просто нечѣмъ... Сеня! Сеня-я-я!.. Тьфу!.. Ровно сквозь землю провалился!.. Агаша! Агафья-я! Дуняша! Дунька-а!.. Охъ!.. Ни души! И куды онѣ всѣ провалились, спрашивается? Испеклись что-ли-ча всѣ?

— Барыня, матушка, подайте Христа ради убогому!—затянулъ пѣсню у забора палисадника нищій.

— Охъ, не до тебя!.. И охота въ экую жарыщу милостыню просить... о-о-хъ!..

— Подай, матушка-барыня, убогому калѣкѣ...

— Не могу! Ффу-у!.. Понимаешь, встать не могу... и дала бы, а не могу... Ты слѣпой что-ли-ча? А?

— Глухонѣмой, красавица, отъ рожденія... подай милостынку Христа ради!..

— Ахъ, несчастненькій И глухой, и нѣмой... и дала бы я тебѣ копѣчку, да встать не могу... прилипла я, какъ есть совсѣмъ при-

липла... ффу-у!.. А ты вотъ что, убогенькій, обойди ты сичасъ кругомъ въ ворота, и пришли ты ко мнѣ кого ни на есть... вся прислуга, подлая, разбѣжалась... Дуняша-а!..

— Подай, матушка, сотвори великую милостыню.

— Да, дуракъ ты этакій, не могу... погоди, я прислугу скличу... Агафья!.. Дуняшка-а!..

— И безъ прислуги твоей уйду, толстая дура!—обидѣлся нищій, улепетывая отъ палисадника:—купчиха, а пяточка жалѣть... прислугу туда же имѣть... нарастила жиру и важничаетъ... тьфу!

— Погоди! Постой! Убогій! Ты куды же это? Ахъ, глупый... удивительно, какъ всѣ убогіе глупы... ушелъ! Ну, сытъ значить!.. Сеня!.. Сенюшка-а-а!..

— Вотъ онъ я, мамаша! Что тебѣ надо?—влетѣлъ на террасу мальчуганъ лѣтъ десяти.

— Ты гдѣ жъ это, пострѣлъ, вертишься-то, а? Я тебя кликала, кликала...

— Слышалъ я, да идти лѣнь было...

— Лѣнь? Это къ матери-то лѣнь? Погоди, дай срокъ, вотъ пріѣдетъ отецъ изъ ярмарки, все какъ есть ему расскажу. Ты игдѣ былъ?

— Подъ кустомъ лежалъ... жарко очень...

— А матери-то, думаешь, не жарко, а!.. Не жарко, по-твоему? Стой, ты куды пошелъ?

— Подъ кустъ, мамаша...

— Погоди, и я подъ кустъ... тьфу! Не могу! встать даже не могу... Позови ты ко мнѣ кого-нибудь... Ффу-у... слышишь?

— Да слышу, слышу...

— Либо Дуняшку, либо Агафью... Сеня, погоди! Сеня-я-я! Ушелъ - таки, пострѣль!... Хушь бы вѣтерокъ какой завалищій... Вотъ нарастила жиру-то и кайся... и кайся, Наталья Петровна... теперича, которыя тощія, тѣмъ этакая жирища въ самый разъ, а ты кайся... умирай и кайся... Отцы мои, душенька даже вся запеклась! Дуняшка-а!..

— Это я, Наталья Петровна, я!—подошла къ террасѣ кухарка:—какой нонича супъ-отъ варить?

— Уйди! не до супу мнѣ твоего!.. Ффу-у...

— Съ клецками, что ли, аль съ зеленою?..

— Уйди!.. Пошла, тебѣ говорятъ, прочь... пришли ко мнѣ Дуняшку...

— Такъ я похлебку лучше...

— Тьфу! Отцы мои, да что жъ это такое? Дуняшка-а!..

— Иду, Наталья Петровна, иду-съ...

— Цѣльный часъ тебя кличу и докликаться не могу... Ты игдѣ это была, а?

— Бѣлье катала.

— Врешь! Въ экую жарницу катать невозможно...

— Сичасъ помереть, катала...

— Хорошо, хорошо... я съ тобой, милая, въ прохладу счета сведу... принеси квасу скорѣича, да ледку въ ево пусти... Слышишь?

— Пущу, пущу-съ...

— Да ты обмой ледъ - то, а то, вѣдь, на тебя надежда плоха, возьмешь, да грязный въ

квасъ и пустишь... ффу-у! Искупаться бы теперича хорошо, а не могу... идти не могу... вотъ ежели бы сичасъ тутъ замѣсто палисадника прудъ былъ, ахъ какъ бы это чудесно было... сичасъ бы освѣженіе. Ты кто? Ты куды лѣзешь?—крикнула она мужику, влетѣвшему въ палисадникъ.

— Зеленщика-то, барыня, не узнала? Василья-то свово?

— Уйди!

— Зелени-то возьмете!

— Отстанешь ты отъ меня, али нѣтъ? Видить, женщина прѣлая, и пристасть.

— Цвѣтная капуста хороша есть... огурцы... Огурчики-то, поди, всѣ ужъ подѣли?

— Тьфу! Ну, не разбойникъ ты послѣ этого, а?

— Никакъ нѣтъ-съ... Товаръ завсегда хорошій возимъ...

— Уйди, тебѣ говорятъ, пугало огородное... ффу-у-у!

— Ужли для праздника безъ зелени останетесь? Салатъ самый лучший!..

— Уй-д-и! Уморить ты меня желаешь? Отцы мои, вотъ оно насланіе-то!

— Салатъ - то еще анамедни наказывали привезти...

— Ффу-у! Дуняшка-а! Дуняшка-а... Гони его, разбойника, въ шею...

— Такъ, стало - быть, барыня, ничего не надоть?

— Уйди! Тьфу!.. Дуняшка-а!

— Да, иду, иду! Батюшки мои, ровно ее пчела укусила... Пожалте квасу!

— Гони зеленщика, вонъ его гони... да калитку-то запри, калитку... При экой жарѣ и минуты спокою не вижу... Ледъ-то мыла?

— Споласкивала-съ...

— Наливай скорѣйча!.. О-охъ! Просто хушь ложись и умирай! И голова отъ жары трещить, и дыхнуть нечѣмъ... Дуняша, намочи полотенце водой и принеси сюды... И откедова экая жара вдругъ? Безпремѣнно изъ Арапіи наслано!.. Ты, бабочка, чего къ калиткѣ-то прилипла, а? Медомъ она, калитка-то, намазана?

— Яичекъ не угодно ли... сливочекъ хорошихъ?..

— Не надо, не надо... Постыдилась бы въ экую испарину дачниковъ беспокоить...

— Масло сливочное есть... чухонское...

— Уйди!

— Авчирась ваша куфарка встрѣтилась, такъ чухонскаго наказывала...

— Дуняшка-а! Гони ее въ шею! Что это въ самдѣлѣ... Уйди! Слышишь, баба? Уйди, покуда безъ грѣха!..

— Ужъ очинно, барыня, у меня сливочное-то хорошо.

— Тьфу! Сеня! Сеня-я!.. Дуняшка...

— Да иду, вѣдь, иду...

— Провалилась-таки! Не можешь ты безъ этого? Не можешь? Тутъ хозяйку всѣ, ровно комары, донимають, а она ровно скрозь землю.

— Да вѣдь вамъ же полотенце мочила...

— Цѣльный часъ намочить не могла! Давай полотенце сюды!.. Обвертывай имъ голову... обертывай! Вотъ такъ! Ффу-у! Сразу какъ быдто прохладнѣе стало! Ты куда? Поймай? Другое намочи!.. Да ледку въ воду-то пусти... Да побольше, смотри!.. Стой! Ты куды летишь?

— Да полотенце же мочить...

— Квасу сперва налей... Ффу-у! Сеня, Сеня-я-я!..

— Что тебѣ, мама?

— Вывѣсь градусникъ-то на солнце... чай, страсть жара какая! Слышишь?

— Слышу, слышу...

— Ну, то-то! А братъ гдѣ?

— Это Степа-то?

— Да сколько у тебя братьевъ-то, скажи пожалуйста?

— Одинъ.

— Такъ, чего жъ ты спрашиваешь, дуракъ непутный? Видишь, мать совсѣмъ разварилась, и вдругъ ее злить...

— Да онъ на погребницѣ...

— Спитъ?

— Въ винтъ играетъ...

— Въ эдакую жарницу-то? Ну не дуракъ онъ послѣ этого?

— Да тамъ, мамаша, прохладно...

— Ну вотъ! Съ кѣмъ же онъ играетъ-то?

— А съ сосѣдями... три горшка ужъ въ игръ разбили.

— Какіе три горшка?

— Одинъ со сметаной, другой съ заливной рыбой, а третій...

— Тыфу! Часъ отъ часу не легче!.. Ну, вотъ и жары дождались... одинъ только убытокъ... Сеня! Сеня-я!..

— Что ты, мамочка?

— Сколько градусовъ-то?

— Сорокъ!..

— Врешь!?

— Право, сорокъ!..

— Батюшки мои! Что же это такое будетъ, а? Въ Арапіи-то, въ Арапіи какъ люди жить могутъ, вотъ что удивительно! Сорокъ! То-то я вижу, что какъ быдто умираю!.. Сеня! Сеня-я!.. Ушелъ-таки, пострѣленокъ!.. Дуняша!

— Здѣсь я, Наталья Петровна, здѣсь...

— Второе-то полотенце намочила?

— Намочила, намочила.

— Иди, перемѣняй... страсть какъ скоро это высохло... Обвертывай голову-то, обертывай, вотъ такъ, чудесно... Жарко тебѣ Дуня, а?

— Ужаси какъ жарко, Наталья Петровна.

— Вотъ, ты прислуга, и то тебѣ не въ моготу, а каково мнѣ-то теперича, можешь себѣ воброзить... такъ вотъ каждую минутую смерти и жду... вздохнешь, анъ дышать и нечѣмъ...

— Искупаться бы вамъ сичасъ хорошо...

— Это на рѣчку то идти? Экую даль-отъ?

Да я покедова до нее дойду, разовъ десять помру... хватить ударъ, и будьте здоровы!..

— Да вы дома попробуйте... принесу я вамъ въ спальную корыто, налью воды и купайтесь на доброе здоровье...

— Ошалѣла ты отъ жары-то... Что я утка, что ли? Какое ужъ это купанье въ корытѣ—ни лечь, ни сѣсть, только предлогъ одинъ... Мочи это полотенце, поди... да ледку - то, ледку подложи... Отцы мои! Что жъ это дальше будетъ, ежели сичасъ такая жарыща? Сичасъ съ мѣста отлипнуть не могу... а вдругъ пожаръ, ну, и гори... и сгорю... безпремѣнно сгорю... на сыновьевъ надежа плохая: одинъ винтитъ, а другой подъ кустами спасается... батюшки! Да игдѣ же Анфиса-то моя! Фиса! Фисочка-а! Фиса-а!..

— Всѣхъ перебрали, за меня теперича ухватились! — донеслось изъ свѣтелки:—соскучились по мнѣ?

— Ты дома?

— Нѣтъ, ушла...

— Куды ушла?

— Къ себѣ на постель ушла.

— Да какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать, а? Скажи пожалуста, какія грубыя слова матери!.. погоди, дай мнѣ прохлады дождаться, я тебѣ всѣ косы расплету... я, вѣдь, не погляжу, что ты въ имназіи учишься... я вѣдь, тѣфу! Чуть было сичасъ не задохнулась! Фф-у!.. Анфиса! Анфиса!

— Да что вамъ надо отъ меня?

— Присовѣтуй ты мнѣ что ни на есть отъ жары... такая жарыща, что просто мочи нѣтъ...

— Чай пейте...

— Пила. Десять чашекъ выпила — ничего нѣту легче...

— Квасъ пейте...

— Пью. Сичасъ квасъ пью, и еще того хуже... душу просто вонь гонить...

— Купаться идите...

— Не могу. Какъ встану, такъ сичасъ въ сторону и швырнетъ... ослабла съ жары-то... разсолодѣла вся...

— Ну такъ идите на погребъ и ложитесь.

— И легла бы, да твой любезный братецъ назвалъ какихъ-то дураковъ и въ карты играетъ...

— Ну ужъ послѣ этого я не знаю, что вамъ и присовѣтывать... терпѣть надо...

— Да ты пойми, терпѣжу-то ужъ больше нѣту... одно остается: ложись и помирай... Фиса? Слышишь? Фисочка-а...

— Да слышу, слышу...

— Смерть просто!.. Ужли ты такъ никакого средствія и не знаешь, а?

— Да что вы въ меня впились-то, скажите пожалуйста? Ничего я не знаю, какъ есть ничего!

— Въ имназіи учишься, а не знаешь, Всѣ тамъ географіи проходишь, а матери совѣту настоящаго не можешь дать? За что жъ мы съ отцомъ за тебя деньги-то платимъ, а? За

что? Какъ была дура, такъ и осталась дурой... по-французски говорить, а противъ жары средствія не знаетъ! Фиса! Фисочка-а!.. Ан-фиса-а! Да что ты оглохла, что ли, а? Ан-фиса-а-а!.. Тьфу!.. Ну, погоди, дай отцу только пріѣхать, я тебѣ покажу дворянство!.. Разговаривать даже съ матерью не желаетъ... скажите какую моду взяла! за эти моды - то у насъ въ Таганкѣ косы рвутъ... Слышишь? Батюшки, еще кого въ палисадникъ несетъ!.. Да что это за несчастіе такое! по сорока градусамъ слоняются! Ишь бородищу-то выставилъ, ишь!.. Ну, ужъ врешь, разговаривать съ тобой не стану! Не желаю! Пяль буркалы-то, пя-я-яль!

Черезъ палисадникъ дѣйствительно заглядывала какая-то чуйка съ красной рожей, въ суконномъ картузѣ и икала на всю улицу.

— Послушайте... вы... господинъ турка!—говорила чуйка, тараща глаза на купчиху:—аль госпожа турка? Шутъ те знаетъ... я, признаться, издали-то не разберу... вы мадамъ, али мусью?

Осатанѣвшая отъ жары только мотнула головой и фукнула.

— Вы по-русски-то какъ? Знаете которые слова, али нѣтъ?—продолжала чуйка.

— Тебѣ что надо, оглашенный, а? Что ты липнешь ко мнѣ, шатающій? Уйди!

— Фью!—свистнула чуйка: —баба, выходитъ, да еще наша замоскворѣцкая... а я ее по чепчику-то за турку принялъ... Мадамъ, вы

не того... я только про дачу Петрова спросить... можетъ знаете...

— Уходи, тебѣ говорятъ! Никакой я Петровой дачи не знаю...

— А ты не серчай, глупая-я! Лавочникъ онъ... бакалеей, стало-быть, занимается...

— Уйди! Уходи, сдѣлай милость! Батюшки мои, да что жъ это такое! Ровно всѣ меня уморить сговорились! Ты не ушелъ еще? Сеня! Сеня-я-я!

Чуйка плюнула и поплелась вдоль палисадика.

— Сеня! Сеня-я-я!—надсажалась купчиха.

— Иду, мамочка, иду!.. Что вамъ?

— Умираю!.. Поддають на меня жару всѣ, ровно на каменку въ банѣ... Отцы мои! Моченьки моей нѣту!.. Гдѣ твой этоть... какъ его звать-то?.. Ватерпруфъ-то твой...

— Какой ватерпруфъ, мамаша?

— Не зли ты меня!.. Машинка эта гдѣ... Ну, вотъ что цвѣты-то ей поливаешь?

— Это гидропультъ, что ли? Вотъ онъ стоитъ!

— Налей въ него воды и поливай меня! Слышишь?! Мочи моей нѣту!.. Какъ въ огнѣ вся горю... обливай!

— Да онъ, мамаша, вчера испортился... не качаетъ... Надо починить отдать.

— Тьфу! Я такъ и знала, что ты мнѣ на зло его сломалъ! погоди! Дай только мнѣ умереть хорошенечко, вотъ въ тѣ поры и узнаешь... ффу-у!.. Кисель-киселемъ сижусь и

накаляюсь, вѣдь этакъ черезъ часъ изъ меня одинъ биштексъ выдетъ! Дуняша! Дуняшка-а-а!.. Разбойница ты, каторжная!..

— Да здѣсь я, здѣсь, Наталья Петровна... просто мука съ вами...

— Кори́то... слышишь? Кори́то скорѣича... сичасъ вся растоплюсь... да ледку въ воду-то пусти, ледку побольше... вотъ она гдѣ смерть-то, голубчики мои... Просто душа съ тѣломъ расстаётся... Дуняшка, да скоро ты, что ли, тунба неповоротливая? Помру, вѣдь... Слышишь? Дуняшка! Дуняшка-а-а!.. Скорѣй кори́то, дурища деревенская!..

А солнце жжетъ и печетъ безъ всякаго милосердія, щедро разсыпая горячіе лучи по раскаленной землѣ... въ небѣ ни облачка, въ воздухѣ ни единого звука... только надъ большой дорогой носится столбами пыль, поднятая колесами давно проѣхавшей телѣги, да зажелтѣвшая рожь тоскливо клонить къ землѣ тяжелые колосья... нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ жизни... да и не можетъ быть: жарко! Мочи нѣтъ, какъ жарко!..

Подъ присмотромъ.

Залепеталъ, захлебываясь, станціонный колокольчикъ, и поѣздъ, скрипя колесами и звеня цѣплями, тихо отвалилъ отъ станціи.

Отворилась дверь одного изъ вагоновъ второго класса и впустила двухъ новыхъ пассажировъ, только-что вскочившихъ на отходящій поѣздъ.

Первой въ вагонъ вошла дама, лѣтъ пятидесяти, съ безпокойно бѣгающими глазами и тонкими ядовито подобранными губами. За ней слѣдомъ шель какою-то растерянною походкой молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, съ простовато-виноватою фizioноміей. Одѣтъ онъ былъ щеголевато, но все платье на немъ какъ-будто сидѣло не на своемъ мѣстѣ: и галстукъ съ брилліантовою булавкой съѣхалъ въ бокъ, и цвѣтной жилетъ скопился въ сторону, и воротникъ визитки отвалился назадъ. Дама была въ сѣромъ ватерпруфѣ и темной шляпкѣ, изъ-подъ которой выѣхала характерная косичка сѣдыхъ волосъ.

— Я такъ и знала, что мы опоздали на поѣздъ,—затрещала дама, только-что успѣвъ войти въ вагонъ,—предвидѣла... И все благодаря вамъ, Петръ Ивановичъ...

— Гдѣ жъ мы опоздали?—отозвался тотъ,—
слава Богу, ѣдемъ...

— Еще бы минута одна, и опоздали... Садитесь сюда... Къ окну садитесь...

— Вы думаете, маманъ, у окна мнѣ лучше будетъ!

— Разумѣется, лучше, по крайней мѣрѣ васъ продуетъ немножко.

— Значить, вы находите, маманъ, что будетъ лучше, если меня продуетъ?

— Да садитесь же!

Дама толкнула молодого человѣка къ окошку и усѣлась съ нимъ рядомъ.

— Вы слишкомъ много сегодня пили за обѣдомъ краснаго вина, Петръ Ивановичъ.

— Я много пилъ? Это неправда... Три-четыре стакана...

— Рассказывайте сказки... Три бутылки съ Андреемъ Ивановичемъ выдули.

— Неужели три? Скажите, а я этого, маманъ, и не замѣтилъ... Вѣроятно бутылки были очень маленькія...

— Ну, вотъ видите, сколько вы выпили, у васъ даже бутылки сужились...

— И совсѣмъ не отъ этого, совсѣмъ не отъ этого, а просто семья Андрея Ивановича такая радушная...

— Ну, еще бы! Надежда Петровна въ особенности...

— Не правда ли, маманъ, Надежда Петровна замѣчательно милая женщина?

— О, конечно!—иронизировала дама.

— А какая хозяйка, вы замѣтили?

— Какъ не замѣтить!

— У ней все такъ и кипить... Не успѣешь стаканъ вина выпить, глядь, ужъ другой налить... Прелесть, что за женщина!

— Просто дрянь и отчаянная кокетка.

— Кто, маманъ? Надежда Петровна?

— Да-съ, Надежда Петровна.

— Не согласенъ... Протестую...

— Да, вы развѣ что видите? Понимаете что-нибудь? Вы бы лучше спросили о ней у ея рогатаго мужа.

— Какъ, Андре рогать, маманъ? Да не можетъ быть.

— Я вамъ говорю, что вы подъ носомъ у себя ничего не видите... Да она готова къ каждому броситься на шею... Я, по крайней мѣрѣ, три романа ея знаю.

— Ахъ, бѣдный Андрюша! А я думалъ, они очень счастливы... Андре всегда такой веселый, такой... счастливый.

— Умный человѣкъ всегда сумѣетъ скрыть свое несчастье.

— Андрюша уменъ. Вообразите, маманъ, а я думалъ, что они живутъ такъ, какъ я, напримѣръ, съ Леличкой...

— И вы еще сравниваете мою Леличку съ какой-то искательницей приключеній... мерси! Какъ пріѣдемъ домой, сейчасъ же ей скажу объ этомъ...

— Я и не сравниваю, что вы, Господь съ вами!.. Я говорю только, что я думалъ...

— Лучше и не думайте, потому что вы всегда прескверно думаете. Леличка и Надежда Петровна! Да, это небо и земля! Рай и ад! Бриллиантъ и стразовое стекло!

— Ахъ, маманъ... Ну, право, я и не думаль...

— Такъ говорите подумавши. Вы куда?

— Я?... На тормозъ... Покурить...

— Курите въ окно.

— Тамъ лучше... Понимаете: куришь, а тебя продуваетъ.

— И свалитесь съ площадки. Сидите!

— Не бойтесь, не свалюсь!

— А я вамъ говорю: сидите! Я дала слово Леличкѣ, что привезу васъ здоровымъ и невредимымъ и вдругъ послѣ этого отпущу васъ на какой-то тормозъ... Ни на шагъ не отпущу, сидите!

— Маманъ?

— Петръ Ивановичъ! Вы знаете меня: я непоколебима!

— Знаю!—вздыхнулъ тотъ и закурилъ папирску.

— Вотъ такъ-то лучше! И цѣлѣе будете, и я спокойнѣе... Вы куда встали?

— Такъ... Тамъ голоса за спинкой дивана...

— Сидятъ какія-то двѣ дѣвчонки, до которыхъ вамъ ровно никакого дѣла нѣтъ.

— Но онѣ, кажется, смѣются...

— И до ихъ смѣха вамъ никакого дѣла нѣтъ... Смѣйтесь сами, если охота есть!

— Я не могу смѣяться.

— Ну такъ смотрите въ окно... Смотрите, какой прелестный пейзажъ.

— По-вашему, это пейзажъ, если два мужика дерутся? По-моему, это жанръ, маманъ,

— Да я вамъ не на мужиковъ показываю, а на лѣсъ и поля.

— Лѣсъ, какъ лѣсъ... Березовый... Даже сосенъ нѣтъ... Это ужъ не лѣсъ, а просто — дрова.

— Погодите, будутъ и сосны... Ахъ, Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ... Правду Леличка говорить, что вы большой легкомысленный ребенокъ.

— Я ребенокъ? Мерси!

— Разумѣется, ребенокъ. Васъ просто никуда одного отпустить нельзя.

— Вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, мой милый зятекъ, не ошибаюсь. Сегодня, напримѣръ. Хорошо, что Леличка догадалась васъ со мной отправить, а то вы еще не извѣстно, что бы натворили.

— Какъ со мной отправить? Напротивъ, Леличка меня съ вами отправила.

— Ну, да, конечно! — захихикала дама, — это все равно выходить, что васъ со мной, что меня съ вами...

— Нѣтъ, не все равно... Я для Лелички это сдѣлалъ... «Тебѣ, говорить, надо ѣхать къ Андрею Ивановичу, и маманъ надо ѣхать... Такъ ты вмѣстѣ съ ней лучше поѣзжай: че-

ловѣкъ она не молодой, мало ли что можетъ дорогою случиться...»

— И прекрасно. Будь по-вашему.

— Но, однако, по вашимъ словамъ совсѣмъ другое выходить... Выходить такъ, какъ будто Леличка мнѣ не довѣряетъ и посылаетъ васъ со мной вмѣсто няньки.

— Да для васъ не все ли равно?

— Нѣтъ-съ, не все-съ... У меня тоже, наконецъ, и самолюбіе есть... Самой ей ѣхать не хочется, такъ она васъ со мной отправляетъ...

— Я вамъ говорю, что васъ одного никуда отпустить нельзя.

— Но позвольте...

— Спрячьте вашъ тонъ въ карманъ. Я вѣдь съ вами умѣю разговаривать. Вы хотѣли кричать? Прекрасно. Я буду визжать. Посмотримъ, на чьей сторонѣ правда окажется.

— Да я не кричу, я только говорю.

— И говорить вы не умѣете... Я удивляюсь одному, за что мы съ Леличкой васъ полюбили? По правдѣ сказать, вы Леличкинаго мизинца не стоите.

— Мерси!

— Не стоите. Леличка и умна, и хороша собой, и граціозна, а вы что такое? Тюфякъ, и больше ничего!

— Я тюфякъ? Мерси!

— И тюфякъ, и простофія, и все что хотите. Сегодня, напримѣръ, Надежда Петровна кокетничаетъ съ нимъ по привычкѣ,

а онъ раскисъ, какъ теленокъ отъ жары, и глазки ей начинаетъ дѣлать.

— Я, глазки? Не умѣю даже...

— А я вамъ говорю: дѣлали! Погодите, дайте домой намъ прѣхать, мы вамъ покажемъ, глазки!

— Ну, право же не дѣлалъ!

— Своими глазами видѣла-сь! Я мать Лелички, Петръ Ивановичъ, а вы движимая собственность Лелички, и всякому, кто только посягнетъ на Леличкину подвижность, я всѣ глаза выцарапаю.

— Я—Леличкина подвижность? Очень остроумно!

— Можете говорить что хотите, меня вы этимъ не проймете. Я, мой милый зятекъ, не изъ тещъ, что пугаются зятьевъ, да картинокъ въ разныхъ тамъ дурацкихъ журналахъ. Мнѣ плевать на васъ всѣхъ. Я мать Лелички, а Леличка—ангелъ...

— И я говорю, что Леличка ангелъ!

— Говорите, а сами съ Надеждой Петровной перемигиваетесь? Нѣтъ, я не могу безъ ужаса вспомнить, что было бы, если бы сама судьба не надоумила Леличку послать меня съ вами...

— Ничего бы не было.

— О, я васъ отлично знаю! Всѣ мужчины, а зятя въ особенности, такая дрянь, что я просто удивляюсь, какъ за ними порядочныя женщины гоняются! Вы готовы промѣнять жену на каждую встрѣчную юбку...

— Я?

— Вы—первый! Да-съ!.. Сейчасъ тутъ какія-то скверныя дѣвчонки смѣются, а вы ужъ къ нимъ лѣзете.

— Ей-ей же не лѣзь.

— Потому, что я съ вами. А не будь меня, вы сейчасъ бы и знакомство свели, и шуры-муры завели... Закройте окно, васъ продуло достаточно!

— Ничего, я люблю вѣтерочекъ.

— А я вамъ говорю—закройте... простудитесь и мы же должны будемъ съ вами послѣ возиться... Леличка права... сколько разъ она мнѣ, ангелочекъ, твердила: «мамочка, за Петей надо въ оба глядѣть!»

— Совершенно излишне.

— Ну, конечно!.. Пустика васъ одного, вы безъ головы домой придете. Я удивляюсь одному только: человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ...

— Это я-то въ зрѣлыхъ?

— Конечно. Мужчина за тридцать лѣтъ къ старикамъ приближается.

— Покорнѣйше васъ благодарю.

— Не стоитъ благодарности. Пожилой господинъ, дожилъ до лысины...

— Никакой лысины нѣтъ.

— Все равно скоро будетъ. Мнѣ Леличка говоритъ, что у васъ макушка значительно сѣдѣть стала, слѣдовательно лысина совсѣмъ не за горами... Вы опять папиросу закуриваете? Спрячьте ее въ портпапирось.

— Но, маманъ...

— Безъ всякихъ «но». Вы знаете, что у васъ грудь слаба и вамъ вредно много курить.

— У меня грудь слабая? Да съ чего вы это взяли?

— Леличка сказала. Вы по утрамъ кашляете, а ночью храпите... И все это отъ папиросъ... Леличка мнѣ приказала, чтобъ я вамъ не больше десяти папиросъ выкурить дозволила—вы хотите закурить двѣнадцатую—не позволю!

— Но, право же, я безъ затяжки... скучно, ну, и...

— Это со мной-то скучно? Вотъ она благодарность зятя! Спрячьте, я вамъ говорю, папиросу... всѣ мужчины ужасно неблагодарны... мы заботимся объ ихъ здоровьѣ, возмисъ съ ними, какъ съ грудными дѣтьми, а они только и дѣлають, что доставляютъ намъ непріятности... и въ особенности вы... вамъ говоримъ чуть не на каждомъ шагу: этого нельзя, этого нельзя, а вы нарочно стараетесь сдѣлать напротивъ... Пересядьте на ту сторону!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Очень, по-моему, нехорошо... васъ, я вижу, сильно беспокоить шляпка съ чайными розами... Пересядьте, Петръ Ивановичъ!

— Но, однако, это ужъ шутъ знаетъ что такое!

— Можете ругаться, какъ угодно, но пересѣсть вы должны... Когда я говорю съ

къмъ-нибудь, я люблю, чтобъ меня слушали со вниманіемъ.

— Я и слушаю.

— Безъ всякаго вниманія, такъ какъ ваше вниманіе обращено исключительно на шляпку съ чайными розами... Петръ Ивановичъ, пересядьте!.. Вотъ такъ!.. Единственное, что въ васъ хорошо, такъ это послушаніе, за то остальное все—отвратительно... Если бъ Леличка знала только, что вы на сторонѣ выкидываете, она давно бы умерла съ горя.

— Но позвольте-съ, что же я выкидываю?

— Все, что угодно! Вы ведете себя безъ жены совсѣмъ какъ холостой человѣкъ: и вино пьете, и съ барышнями въ горѣлки играете, и отъ женщинъ киснете.

— Не могу же я въ обществѣ истуканомъ сидѣть...

— Обязаны-съ! Обязаны! Вы — женатый человѣкъ, мужъ такого ангела, какъ Леличка, отецъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ дѣтей, — должны вести себя какъ положительный и солидный человѣкъ, а вы скачете, какъ козель, и кривляетесь, какъ гимназистъ. Какой вы примѣръ подаете дѣтямъ? Вы портите ихъ нравственность своимъ зазорнымъ поведеніемъ...

— Фу, батюшки! Да дѣтямъ всего ничего: одному два года, а другому и года нѣтъ...

— И благодарите Бога, что они еще малы, а то давно бы такими же, какъ и вы, отчаянными стали... Будьте увѣрены только,

что вы больше къ Надеждѣ Петровнѣ не поѣдете... Да-съ. Я—мать Лелички и я больше этого не допущу-съ... Слышите? Что же вы молчите, Петръ Ивановичъ?

— Я слушаю.

— И отлично дѣлаете, что умныхъ людей слушаете... У васъ галстукъ съѣхалъ въ сторону!

— Пускай...

— Нѣтъ, не пускай, а извольте поправить... Вы должны къ женѣ являться всегда въ приличномъ видѣ... вы должны отвыкать отъ вашей холостой распущенности... Поправьте, я вамъ говорю, галстукъ! Не туда, ахъ, мужчины! Дайте сюда... даже галстука безъ женщины не можете подвязать, какъ слѣдуетъ... одерните лѣвую сторону жилета... да не ту... Гдѣ у васъ лѣвая сторона? Эта сторона лѣвая? По-вашему рука, которой вы креститесь, лѣвая?

— Да отстаньте отъ меня, пожалуйста... вы меня совсѣмъ задержали... вотъ наказаніе!

— Дѣйствительно, съ вами дѣло имѣть—наказаніе настоящее! Бѣдная Леличка! Воображаю, какая ей съ вами мука! Гдѣ ваша перчатка съ правой руки?

— Тутъ гдѣ-нибудь.

— Навѣрно потеряли... вы всѣмъ извѣстны своей растерянностью... ищите перчатку, Петръ Ивановичъ!

— Вѣроятно, въ карманѣ.

— Дайте сюда карманы, я поищу.

— Вотъ она, видите?

— Теперь вижу. А все это оттого, что вы слишкомъ много краснаго вина пили... я отсюда слышу, какъ отъ васъ виномъ пахнетъ... я удивляюсь, какъ можетъ Леличка васъ цѣловать... это ужасно противно цѣловать мужчину, отъ котораго пахнетъ виномъ... Бѣдный мой ангелочекъ! Сколько она должна приносить жертвъ, выйдя замужъ!.. Что вы голову вертите, скажите пожалуйста?

— Но позвольте, маманъ, голова моя, что я хочу, то съ ней и дѣлаю.

— Ошибаетесь, Петръ Ивановичъ! Жестоко ошибаетесь! Да, голова была ваша, когда вы были холостымъ, а теперь ваша голова—стала нашей. Да-съ! И я васъ прошу головой не вертѣть.

— Что же это такое? Этакъ, наконецъ, всякое терпѣніе лопнетъ!

— Мнѣ на ваше терпѣніе наплевать, но головой вертѣть не смѣйте. У васъ шея короткая, лопнетъ какая-нибудь жила, и прощай. Вамъ-то все равно разумѣется, вы рады—хоть чѣмъ-нибудь, да досадить мнѣ съ Леличкой, а каково будетъ намъ цѣлый годъ трауръ носить? И по комъ еще, спрашивается? Петръ Ивановичъ, у васъ, кажется, прыщикъ на носу вскочилъ?

— Отстаньте, пожалуйста, никакого прыщика нѣтъ.

— А я вамъ говорю, вскочилъ! Дайте сюда вашъ носъ поближе... прыщикъ и есть! Ну,

какъ я васъ теперь привезу къ Леличкѣ съ прыщемъ? И какой еще это прыщикъ! Вѣдь въ газетахъ пишутъ, что въ Багдадѣ чума... можетъ и у васъ что-нибудь въ родѣ этого.

— Тьфу! Да вѣдь чума-то въ Багдадѣ.

— Пожалуйста, не горячитесь! Отъ васъ все станется... вы нарочно, на зло намъ что-нибудь возьмете да и подцѣпите... Для васъ законъ не писанъ. Снимите шляпу, вамъ жарко.

— Я лучше открою окно.

— А въ окно надуетъ. Снимите шляпу... вотъ такъ!.. У васъ лицо потное, возьмите платокъ и вытрите лицо! Что Леличка скажетъ, когда увидитъ васъ въ такомъ видѣ? Гдѣ вашъ платокъ, Петръ Ивановичъ? Достаньте платокъ! Вы не въ тотъ карманъ лѣзете. Въ этомъ карманѣ лежитъ грязный платокъ, а чистый вамъ Леличка въ другой положила... Ахъ, мужчины! Вотъ уроды-то! То-есть буквально шагу безъ женщины сдѣлать не могутъ!.. Щеки хорошенько вытрите! Вотъ такъ! Теперь сверните хорошенько платокъ.

— Маманъ, ради Бога!

— Я вамъ говорю, сверните какъ слѣдуетъ платокъ... кто же комкаетъ чистый платокъ? Нѣтъ! Это просто наказаніе съ вами! Дайте сюда!.. Вотъ смотрите, какъ надо складывать... Неужели Леличка не научила васъ этому? Смотрите... Да вы не на меня смотрите, а на платокъ... И уродятся же на свѣтѣ такіе ротозѣи!

Поѣздъ подошелъ къ станціи. Снова звякнулъ звонокъ. Кто-то слѣзъ. Раздался свистокъ кондуктора и поѣздъ покатился далѣе.

А въ вагонѣ второго класса продолжалась та же музыка:

— Петръ Иванычъ, пересядьте сюда... васъ, кажется, начинаетъ беспокоить мѣщаночка въ розовомъ платочкѣ... Петръ Иванычъ, да что вы, оглохли? Пересядьте!.. Вотъ такъ!.. Ахъ, противные мужчины! Бѣдная Леличка? Ну, постой, милый зятекъ, мы тебѣ покажемъ дома розовые платочки!..

Оспу прививаютъ.

— А что, мамзель, твой докторъ... какъ нонче? Принимаетъ разслабленныхъ-то?—справлялся тучный субъектъ съ крупными чертами лица у черноглазой горничной, отворившей дверь подъезда. Изъ-за спины вопрошавшаго выглядывало кругленькое личико молодой дѣвушки въ шляпкѣ.

— Принять-то онъ можетъ, и приметъ, — отвѣтила та, впуская посѣтителей въ переднюю, — но только они сичасъ почиваютъ... потрудитесь обождать въ пріемной.

— Почиваетъ?—переспросилъ мужчина. — Скажи пожалуйста, какая этимъ докторамъ прохлада въ жизни: одиннадцать часовъ, а у нихъ все съ подушкой разговоры...

— Поздно легли-съ...

— Въ клубѣ, что ли, были?

— Нѣтъ, дома-съ.

— Гости, стало-быть, набѣгъ сдѣлали! — допытывался онъ, снимая съ себя енотовую шубу. — Сима, — повернулся онъ къ дѣвушкѣ, торчавшей за его спиной, — снимай съ себя лисицу-то...

— И гостей не было!—принялась раздѣвать дѣвушку горничная.

— Такъ какого же онъ рожна не спалъ, спрашивается? Сна ежели нѣту, такъ у каждаго доктора сонныя капли, чай, есть...

— Писали что-то-съ...

— Такъ. На поздравительныя письма, стало-быть, отвѣты посылалъ. А я вотъ никакъ все не соберусь отвѣтить. Десять писемъ, напимѣръ, получилъ, а отвѣтить не могу... поглядишь, поглядишь на нихъ и даже жуть тебя возьметъ... такъ и не соберешься съ духомъ! Сюда, что ли, идти-то?

— Сюда-съ... присядте пока...

— Присядемъ, ничего. Сима, садись!.. Картинки погляди... Ахъ, дуй его горой! А вдругъ ему такая фантазія въ башку взойдетъ, чтобы до вечера проспять? А? Сима?

— Не знаю, папаша,—отвѣтила та, поправляя передъ зеркаломъ завитую чолку.

— Ждать ли ужъ? А?

— Подождемъ полчаса.

— Полчаса-то куда ни шло... больше какъ бы не пришлось... по-моему, это не порядокъ: ученый человѣкъ и вдругъ дрыхнетъ не хуже замоскворѣцкой купчихи... довольно даже стыдно... Что?

— Можетъ, сичасъ проснется...

— Какъ же! Проснется! Нѣтъ, ужъ ежели человѣкъ обозлится спать, такъ ни на что не взирая дрыхнетъ... Твоя мать, вонъ, сидя спить... вяжетъ чулокъ и сонъ видитъ.

— Мамаша это отъ скуки... сидитъ цѣлый день одна и задремлетъ.

— Не надо себя допускать до этого... скучно стало, возьми поѣшь чего-нибудь... или самоваръ прикажи нагрѣть—сонъ вѣдь это какая вещь: чѣмъ больше спишь, тѣмъ больше тебѣ спать хочется... не допускай! Тебя въ сонъ, а ты сейчасъ за самоваръ... Небось, отстанетъ... Что?

— Да я ничего, папаша...

— То-то что ничего. Рада, что увидала зеркало и отцовскихъ словъ не слышишь...

— Напротивъ, я все слышу...

— А ты сядь, будетъ тебѣ докторское зеркало-то портить... Зеркало, можетъ, дорогое, а ты его чуть языкомъ не лижешь.

— И чего вы только не придумаете, удивляться надо! Надо же мнѣ поправить свой туалетъ.

— Дома справляй, а не въ людяхъ. Терпѣть я этого не могу. Приѣдутъ въ неизвѣстное мѣсто и давай передъ зеркаломъ рожи корчить.

— Да съ чего вы взяли, что я рожи корчу?

— Корчишь! Вижу, вѣдь. За зеркало васъ надо замужъ-то выдавать, а не за людей. Куды ни придутъ, сейчасъ замѣсто бонжуровъ зеркала считать пойдутъ.. Умно это, по-вашему?

— Ахъ, оставьте...

— Отчего, напримѣръ, мужчина, который настоящій, никогда въ зеркало не глядится?

— И врете все.. всѣ мужчины то же дѣлаютъ, что и мы.

— А я тебѣ говорю, не глядятся. Я, вотъ, напримѣръ, лѣтъ пять себя въ зеркалѣ не видалъ...

— И хорошо дѣлаете, что не смотрите...

— Да чего я не видалъ, спрашивается? Вотъ ежели бы у меня замѣсто морды карта Европы была—дѣло десятое... Насмотрѣлась до-сыта? Садись вотъ и картинки гляди... Э-эхъ, дѣвки, дѣвки! Учишь васъ, учишь, а все дуры-дурами до скончанія живота!.. Что?

— Ничего. Я картинки смотрю...

— Картинки хорошія. Я тоже иной разъ люблю въ трактирѣ картинки поглядѣть. Пьешь, напримѣръ, и смотришь... Это что у тебя за сужетъ?

— Двѣ барыни про праздники разговариваютъ...

— Знаешь, Сима, по-моему художники народъ пустой... какъ картинка, безпремѣнно въ ней баба... значить, у нихъ картинка безъ бабы, все одно, что солонина безъ хрѣну—не можно безъ этого!.. Сичасъ ты какой сужетъ въ рукахъ держишь?

— Барыня съ горничной разговариваетъ.

— Опять барыня!.. Нѣту ноңче настоящихъ художниковъ, хоть ты что хочешь!.. Однако докторъ-то все спить... помани ты мое слово, проспить онъ наши пять цѣлковыхъ!..

— Почему же?

— Подожду маленько, плюну и уйду... словно докторовъ въ Москвѣ мало...

— Къ кому же мы пойдемъ?

— Къ любому... Намъ съ ними не дѣтей крестить! Увидалъ вывѣску: «докторъ такой-то»... и звони!

— А вдругъ и другой спить?

— Ну, вотъ! Не всѣ же въ Москвѣ доктора сонные, есть, чай, которые и бдящіе... а спить, мы къ третьему...

— А у третьяго, глядишь, оспенной матеріи нѣтъ.

— Ну, какъ это нѣтъ? Самый воспенный для нихъ сезонъ, и вдругъ такую дрянью не запасутся... теперь всѣ воспу прививаютъ... въ моду взошла... Ефимъ Ивановичъ, вонъ, даже всей своей прислугѣ привиль... Нда! А докторъ того... все дрыхнетъ... чай, усталъ спамши-то... а?

— Ну, почему же я, папаша, знаю?.. Странные вопросы вы задаете.

— Уйдемъ... право, уйдемъ... Пушай его синенькую проспить!

— Подождемъ еще немножко...

— Да что безъ толку ждать-то? Удивляюсь я на ихняго брата: воспенный сезонъ и вдругъ дрыхнетъ во всей безпечности... Послушай-ка, мамзель! — остановилъ посѣтитель проходившую горничную, — скоро твой докторъ-то очки свои продереть?

— Встали-съ, сичасъ они умываются...

— Насилу - то раскачался! Сима, сыми шляпку-то...

— Зачѣмъ?

— Да неужели ты такъ въ шляпкѣ и станешь воспу прививать?

— Такъ въ шляпкѣ и стану...

— По-моему, это одно невѣжество... сыми!

— Ахъ, останьте, пожалуйста... ничего вы не понимаете, а говорите... шляпка моя никому не помѣшаетъ... не къ головѣ же онъ будетъ оспу прививать?..

— Извѣстно, къ рукѣ...

— И не къ рукѣ, а къ ногѣ...

— Какой же это дуракъ къ ногѣ воспу прививаетъ?

— Всѣ барышни къ ногѣ прививаютъ... и Таничка, и Саничка, и Маничка—всѣ мои подруги къ ногѣ привили...

— Ну, и дуры всѣ твои эти Манички да Санички... За косы, видно, ихъ драть некому.

— Ругайтесь какъ хотите, а руку я портить не дамъ...

— Да какая же тутъ порча, глупая? Ковырнетъ онъ тамъ ножикомъ разокъ, другой, только и всего...

— Ничего вы, папаша, не понимаете..., черезъ двѣ недѣли моя свадьба, надѣну я платьє съ декольте и вдругъ у меня на рукѣ знаки всѣ увидятъ...

— И пуцай видятъ... по крайней мѣрѣ всѣ будутъ знать, какъ мы съ матерью объ твоємъ здоровьѣ пекемся...

— А я не желаю. Сказала, что къ ногѣ привью—и кончено... моя нога, значитъ, нечего больше объ этомъ и разговаривать...

— Да по мнѣ хоть къ башмаку прививай, лишь бы польза была!—махнулъ рукой отецъ и добавилъ,—въ кого вы такія купоросныя родились? Къ ногѣ! Не угодно ли! Эхъ, модницы!..

Дверь изъ кабинета въ пріемную открылась и глазамъ посѣтителей представилась высокая и сухая фигура доктора въ очкахъ.

— Пожалуйте! — пригласилъ онъ ихъ жестомъ руки.

Посѣтители поднялись съ своихъ мѣстъ и очутились въ уютномъ кабинетѣ доктора.

— Садитесь, пожалуйста! — говорилъ докторъ, придвигая кресло къ столу.

— Не беспокойтесь, сядемъ! — отвѣтилъ отецъ, опускаясь въ кресло и откидывая въ сторону полы сюртука, — а, надо полагать, докторъ, вамъ хорошіе сны нонче снились...

— А что?

— Да такъ, лицо у васъ этакое... Новогоднее... Словно вотъ вы въ новый годъ скандалъ сдѣлали...

— Сновъ не видалъ, а спалъ хорошо!.. — засмѣялся докторъ.

— Да, ужъ такъ спали великолѣпно, что мы чуть-чуть было не ушли... Думали до вечера не проснетесь...

— Ну, какъ это можно... Я всегда въ это время встаю... Чѣмъ могу служить?

— А вотъ, видите ли, какая штука... Воспасть?

— Какъ вамъ сказать... Ходить...

— Гдѣ ходитъ?

— По Москвѣ... Эпидемическаго характера она не носитъ, но были случаи заболѣванія...

— Вотъ чудакъ-то! Я у него про воспенную матерію спрашиваю, а онъ про ипидемію кисель разводитъ...

— Вчера только получилъ самый свѣжій детритъ...

— Детритъ?

— Да.

— Кушай его самъ на здоровье... Намъ это кушанье не къ лицу... Ежели воспенной матеріей угостишь, дѣло десятое...

— Да детритъ и есть оспенная матерія...

— Виноваты! Я и забылъ, что вашъ братъ всякую дрянъ норовитъ на латынь вывернуть... Значить, воспа есть?

— Есть. Привить желаете?

— Желаемъ. Только вопросъ вотъ въ чемъ: какая у тебя воспа?

— Самая свѣжая, телячья...

— Телячья—это ничего. Нонче мясоѣдъ...

— А вы думали, какую же оспу я вамъ стану прививать?

— А кто тебя знаетъ? Вы народъ фокусный. Возьмешь, да собачьей и оскоромишь.

— Собачьей оспы нѣтъ...

— Да, ну? Ужли нѣту?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ я теперь и въ сомнѣніи: прививать у тебя оспу или не прививать? Вижу,

что для смѣху ты въ насъ хочешь собачью зачихнуть...

— Увѣрю васъ, собачьей оспы нѣтъ...

— Толкуй съ вами! Да моей свояченицѣ докторъ собачью привилъ... еще когда она махонькая была...

— Это вы изъ чего же заключили?

— Заключеніе самое настоящее. Съ малыхъ лѣтъ къ костямъ пристрастіе возымѣла... какъ увидить говяжью кость—сичасъ глодать... да вѣдь какъ обложетъ-то, ровно на кости и мяса вовсе не было...

— Ха-ха-ха!—раскатился докторъ,—да вы юмористъ...

— Вотъ тебѣ и умористъ!.. Вашъ братъ самъ кого хочешь уморить! Тебѣ вотъ, милый человѣкъ, смѣшно, а свояченица-то до сихъ поръ кости гложетъ... какъ попала только ей въ руки кость—шабашъ! Не оторвешь! Ничего не подѣлаешь! Вмѣстѣ съ воспой собачья слабость вошла!

— Кто же это вамъ сказалъ, что она полюбила кости вслѣдствіе прививки собачьей оспы? Неужели самъ докторъ?

— Ну, вотъ! Дожидайся отъ васъ правды! Да ежели бы онъ самъ сказалъ, тестъ въ тѣ поры бы ему всѣ ребры пересчиталъ. Кру-у-той былъ человѣкъ! Онъ одного доктора подъ домашнимъ арестомъ трое сутокъ разъ въ своей спальнѣ продержалъ.

— Вотъ какъ!

— Да ужъ такъ вышло. Захворала вдругъ

теща. Ну, тестъ сичасъ первымъ дѣломъ разными средствами, а потомъ за докторомъ послалъ. Приѣхалъ. «Пустяки!» говоритъ. Прописалъ только микстуру и уѣхалъ. «Я, говоритъ, завтра навѣдаюсь». Завтра, да послѣ завтра. Ѣздитъ каждый день и все «пустяки» говоритъ. Онъ это «пустяки, да пустяки», а тещѣ все хуже да хуже. Тестъ его и прищучилъ. Пустяки? — спрашиваетъ. — «Пустяки!..» — А коли пустяки, такъ я тебя до той поры отъ себя не выпущу, покуда эти пустяки пройдутъ! «Тотъ и туда, и сюда... «Насиліе, говоритъ, я жаловаться буду»... — «Что хочешь, — говоритъ тестъ, — дѣлай, а выпустить ни за что не выпущу... лѣчи!» Повертѣлся, повертѣлся, пошумѣлъ, покричалъ, да ничего не подѣлаешь... у тестя, нужно тебѣ пояснить, окромя карактеру, такіе кулачищи были, что многіе видящіе жмурились... На третій же день тещѣ легче стало... вотъ что значить испугъ-то... Нда, а насчетъ собачьей оспы это ужъ тестъ съ тещей своимъ умомъ дошли... Такъ у тебя собственно телячья?

— Телячья.

— Такъ. Что же теперь отъ телячьей воспы... пахнетъ телятиной или нѣтъ?

— Совсѣмъ телятиной не пахнетъ.

— Впрочемъ, это бываетъ... намедни какъ-то у моего кума, мясника, солонины кадку полиція опечатала, такъ отъ нея всѣ носы воротили: то-есть званія солониннаго не было! Тоже намедни у лавочника сыръ купилъ...

пахнетъ семгой—и шабашъ!.. Оказалось, что же: сыръ-то американскій... Ъхаль изъ Америки моремъ-океаномъ, рыбой и пропитался!.. Стало-быть, рыбы въ океанѣ пропасть, коли духъ насквозь прошелъ...

— Такъ прикажете привить?

— Угощай ужъ своею телятиной-то, угощай...

— Вы тоже хотите, или только барышнѣ?

— Валяй со старшаго...

— Да у васъ, кажется, натуральная оспа была?

— Была. Эна рябинъ-то сколько...

— Такъ вамъ совсѣмъ прививать не надо, вы застрахованы.

— Въ трехъ обществахъ застрахованъ, это вѣрно... въ одномъ въ десять тысячъ, въ другомъ...

— Я про оспу говорю... отъ оспы вы застрахованы.

— Не прелипнетъ, въ случаѣ чего, думаешь?

— Нѣтъ.—Но если вы хотите, я привью. Но едва ли привьется...

— А не привьется, по твоему мнѣнію, и не надо... нечего зря и провизію портить.. ты ужъ вотъ моей дочкѣ какъ слѣдуетъ постарайся... замужь она скоро выходить...

— И какъ вамъ, папаша, не совѣстно всѣмъ рассказывать!

— Что же тутъ такого особеннаго? Пушай и докторъ видитъ, какъ я объ тебя стараюсь... чтобъ не говорили апосля, что я телятины мясницкій.

для тебя пожалѣлъ... долго ли до грѣха-то... выйти замужъ и схватить натуральную... и мужъ-то твой рябой, и сама-то станешь рябая... замѣсто настоящаго потомства однѣ вафли и пойдутъ... никакого удовольствія дѣдушкѣ!..

Докторъ улыбнулся. Барышня свирѣпо покосилась на родителя.

— А скажите, докторъ, пожалуйста, въ которомъ мѣстѣ воспу прививаютъ?

— Обыкновенно къ рукѣ...

— А вотъ она къ ногѣ желаетъ... ручку, видишь ли, ей портить не желательно.

— Можно и къ ногѣ... это безразлично...

— Вотъ она музыка-то! Что значить наука-то!.. Допрежде, бывало, все къ рукѣ, да къ рукѣ... Эхъ, теща моя въ Тулу уѣхала, а то бы я ужъ попросилъ тебя ей воспу на языкъ привить...

— На языкъ нельзя!—засмѣялся докторъ.

— Боишься, слижетъ?

— Ничего я не боюсь, а не прививаютъ.

— Жаль!.. Все бы хотѣ недѣлку-другую помолчала... Сима, снимай шляпку!

— Опять вы за шляпку, папаша?

— Да не шляпку.. тѣфу! Башмакъ сымай! И угораздить же нелегкая: къ ногѣ вдругъ!.. Чистая модная эпидемія!.. Докторъ, доставай свою телятину-то подѣ соусомъ!

Докторъ вынулъ изъ шкафа пузыречекъ съ детритомъ и ланцетъ. Отецъ вздохнулъ тяжело и полѣзъ въ карманъ за папиросами.

Началась прививка. _____

СВАДЬБУ СМОТРЯТЬ!

Въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей свадьба. На паперти и у воротъ церковныхъ толпа самой разнокалиберной публики, преобладающимъ элементомъ которой является, само собой разумѣется, прекрасный полъ, падкій на подобнаго рода зрѣлища. У самыхъ дверей два охранителя входа: какой-то длинный субъектъ въ дутыхъ сапогахъ, что - то въ родѣ артельщика, и неизбѣжный городской, гроза мастеровой братіи. У воротъ стоитъ другой и, дергая поминутно подстриженные ежомъ усы, покрикиваетъ на бабью команду, взапуски передававшую другъ другу новости.

— Эй, вы, обувательницы,—хмурилъ онъ начальственно брови,—уберите своихъ поросятъ-то!—кивалъ онъ на ребятишекъ, бѣгавшихъ въ воротахъ:—вотъ поѣдетъ женихъ съ невѣстой, всѣ кишки у ихъ выдавить! Кто въ отвѣтъ за ихъ будетъ? Нація несообразная!.. Никакого уваженія къ словамъ начальника!... Убирай!...

Бабы скликали «поросятъ», давали имъ подзатыльники, строго наказывали не бѣгать «отъ матери» и продолжали тараторить.

А публика ежеминутно увеличивалась. Идетъ какой-нибудь субъектъ мимо, увидитъ толпу и остановится. «Аль свадьба?» спрашиваетъ онъ. — Извѣстно, не похороны! отвѣчаютъ. — «Такъ. Женихъ-то съ невѣстой пріѣхали, аль нѣтъ?» — Нѣтъ еще. — «Такъ. А скоро они придутъ, не слышать?» — А кто ихъ знаетъ! — «Такъ! Стало-быть надо подождать!» — говоритъ субъектъ и примыкаетъ къ толпѣ. Шель какой-то прыщеватый господинъ въ цилиндрѣ и сѣромъ пальто, увидалъ «собраніе» и завернулъ въ ворота церковныя.

— Вѣроятно здѣсь свадьбу ждуть? — произнесъ онъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

— Свадьбу, господинъ! — отвѣтилъ ему, вылезая лѣвымъ плечомъ изъ толпы, мастеровой въ измятой шляпѣ, сдвинутой на ухо, въ цвѣтной жилеткѣ и опоркахъ на босу ногу: — вѣнчаніе стало-быть...

— А не знаете, кого вѣнчать будутъ? — справился тотъ, прищуриваясь на мастерового.

— Знаемъ, очинно даже хорошо объ этомъ извѣстны! — пахнулъ на господина мастеровой лукомъ и виннымъ запахомъ: — жениха съ невѣстой! Онъ, стало-быть, — женихъ, а она, выходитъ, невѣста...

Въ толпѣ раздался смѣхъ.

— Я съ вами не говорю! — отвернулся господинъ отъ мастерового. — Что же это публика стоитъ здѣсь и не проходитъ въ церковь?..

— А билетъ у васъ есть?—подвернулся къ нему мастеровой съ другой стороны.

— Что? Какой билетъ?

— Извѣстно, не адресный!.. Тутъ, которые съ плакатомъ приходили, и тѣхъ довольно вѣжливо по шеѣ.

— Что вы ко мнѣ привязались? Я съ вами не говорю!—отвернулся тотъ снова.

— Не говоришь, а спрашиваешь!.. Подика сунься, такимъ турманомъ вылетишь, что ахъ!.. Они, братъ, не посмотрятъ, что ты рябчикомъ вырядился, сичасъ честь-честью по бархатному воротничку...

Господинъ юркнулъ въ толпу; мастеровой искалъ его глазами, снялъ шляпенку, плюнулъ на нее, потеръ рукавомъ рубашки и бросился къ входившей на дворъ сухой, сморщенной старухѣ, повязанной темнымъ платочкомъ.

— Линпядѣ Лексѣвнѣ! Наше вамъ особенное со шпандыремъ!—стучалъ онъ опорками:—замужъ выдти желаете? Что жъ ни въ ити-пажѣ?

— Тьфу, дуракъ ты этакій!—отплюнулась та:—завсегда скажетъ что ни есть непутное.

— Почему же-съ? Ежели вы мохомъ манечко обросли, такъ это плевать... Сичасъ у васъ кость старая, можно сказать, даже не ломаная...

— Шель бы ты, Гаврила, работать лучше.

— Сичасъ видно, что у васъ женскій умъ. Понедѣльникъ, самый тяжелый день, и вдругъ

я за дратву примусь... Линпiяда Лексѣевна... наслышаны мы, что вы замужъ желаете, опять же на одномъ дворѣ съ нами живете... сколько, можетъ, разовъ подметки вамъ подкидывалъ.

— Уйди ты отъ меня, говорю, что ты липнешь-то? На выпивку ежели, такъ не дамъ.

— Не та совсѣмъ колодка! У насъ для такого случая свои припасены... Говорятъ, у васъ, Линпiяда Лексѣевна, пятьсотъ рублей въ банкѣ запечатано...

— Въ чужомъ карманѣ считать нечего, свои откладывай...

— Пробовалъ, — одна фальшь вышла!.. Карманъ съ дырой!.. Кладешь, кладешь и все наскрозь... какъ положишь, такъ и нѣту, какъ положилъ, такъ и провалятся... такъ рѣшилъ, чтобъ не класть... прямо въ горсти теперича свои капиталы сохраняю... изволите видѣть; два двугривенныхъ и мѣдный пятакъ съ дырой... стало-быть, акромья меня вамъ жениховъ искать нечего...

— Тьфу! Отойди ты отъ грѣха подальше.

— И сичасъ бы это мы пятьсотъ рублей изъ банка вонъ и въ оборотъ... на сто рублей свадьбу сыграемъ... на сто колодокъ съ обзаведенiемъ, на сто товару... а главная вещь, сичасъ бы надъ всѣми воротами вывѣску пустили... по голубому полю золотыя слова: «башмачникъ Гаврила Антоновъ изъ Петербурху, а также беретъ въ починку по фаб-

ришной цѣнѣ»... Пироне носъ утремъ, ей Богу, утремъ!

— Отвяжешься ты отъ меня съ своими глупостями, али нѣтъ! Тыфу, безстыжіе твои глаза!.. плюнулъ черный платокъ и юркнулъ въ толпу.—Арина Петровна, здравствуйте!—раскланялась она съ клѣтчатымъ платкомъ.

— Здравствуйте, милая, здравствуйте.... На свадьбу взглянуть пришли?

— Мимо шла... вижу стеченіе, ну, и остановилась на минутую для любопытствія...

— Кого вѣнчаютъ-то, не слышали?

— Спрашивала сама; да толку настоящаго не добила... Кто говоритъ, что мясникъ дочь выдаетъ, кто—трактирщикъ... у дьячка бы спросила, знакомый онъ мнѣ человѣкъ, ну, только не вижу...

— Трактирщикъ, говорите, ужъ не Сысой ли Лукичъ съ угла?

— Кажется, такъ и называли... онъ и есть!

— Кого жъ онъ выдаетъ-то? Разъединственная дочка была у него, и ту онъ по осени за небельщика выдалъ...

— Ну-къ, стало-быть, не онъ... Варвара Петровна, не знаете вы навѣрное чья свадьба-то?

— Каретникъ, милая, женится!.. — пробирался къ клѣтчатому платку засаленный чепчикъ.

— А на комъ, не знаете?

— Вотъ ужъ совратъ не умѣю!.. Ежели тутъ послушать, такъ выходить, что онъ сразу

на пяти невѣстахъ женится!.. Кто говоритъ на булочницѣ, кто на небельщицѣ... Я такъ полагаю, что на булочницѣ... видала я ее не разъ... такая сдобная дѣвица, что ежели въ двери станеть, другому ни за что не пролѣзть... а живутъ-то они рядомъ...

— Ужъ не Мокѣя ли Петровича дочка?

— Вотъ, вотъ! Знаете?

— Знаю... дѣвушка скромная и завсегда въ булочной торчитъ при кассѣ...

— Вотъ, вотъ... и бывало, милая, какъ въ булочную ни придешь—завсегда каретниковъ сынъ торчитъ... ужъ это, думаю себѣ, не даромъ...

— Такъ у ихъ, значить, любовь-то съ плюшекъ пошла?

— Съ пироговъ... Каждый Божій день ходилъ онъ къ ей пирожки ѣсть...

— Такъ, такъ! Со сласти, выходитъ, зачалось?

— Со сластей... и наѣшь, милые вы мои, этотъ каретниковъ сынъ пирожковъ на тридцать рублей...

— Батюшки! Какъ его не розорвало, подумаешь...

— Изъ-за любви ѣлъ..., и не хочется, а ѣшь... хорошо! Только Мокѣй-то Петровичъ, отецъ-то невѣстинъ, заглянулъ это въ записи и сичасъ за дочь ухватился: ты что жъ, говоритъ, это дѣлаешь, а? Такимъ манеромъ, говоритъ, онъ у тебя всю булочную на кредитъ съѣсть... ну, и потаскалъ... «Отнюдь,

говорить, чтобы даромъ не кормить»... апосля этого, милые мои, поймалъ каретникова сына и прищучилъ: «ежели, говоритъ, вы завтрашнява числа объ это мѣсто денегъ не положите, я къ вашему тятенькѣ пойду»... а у него денегъ-то и нѣтъ...

— Ска-ажите, какая исторія вышла...

— Такая исторія, милые мои, что хушь сичасъ въ календарь печатай... только апосля этого приходитъ каретниковъ сынъ къ отцу и прямо ему въ ноги... «Тятенька, говоритъ, не загубите мою младую жистъ въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ... а ежели вы не позволите мнѣ на Митродорѣ Мокѣевнѣ жениться, то я лучше удавлюсь!..»

— Ахъ, ужаси какія!.. Ну, и что жъ, милая, каретникъ-то?

— Извѣстно, уперся сперва, можетъ трепокъ пять ему задалъ, и разрѣшилъ... «Дуракъ, говоритъ, ты, и будь надъ тобой мое родительское благословеніе навѣки нерушимо!..»

— Все это чудесно, но только совсѣмъ къ этой свадьбѣ и не идетъ!—вмѣшалась въ разговоръ поношенная шляпка съ вороньимъ перомъ.

— То-ись какъ же это не идетъ?—повернулась къ ней рассказчица.

— А такъ, что вовсе не сынъ каретника женится.

— Да разрази меня на этомъ мѣстѣ, ежели не каретниковъ сынъ!..

— Не каретника... ежели бы я, милыя мои, не знала, и не говорила бы... письмоводитель изъ участку женится, съ которымъ мы очень хорошо знакомы...

— Ахъ, скажите, какія новости!..

— Вотъ сами увидите...

— Письмоводитель и вдругъ такія пышности: артельщикъ... городовые... и безъ билетовъ не пускаютъ... ежели вы намъ свои сны рассказываете, такъ очинно пріятно слышать.

— Я коллежская регистраторша, моя милая, и вратъ вамъ не стану... а если здѣсь городовые, то очинно просто... вель онъ домовыя книги купцу Колупаеву и какъ образованный человѣкъ прельстилъ своими достоинствами его дочь...

— А вы, милая, ежели изъ дворянъ, такъ хвостомъ не виляйте... Городовые-то для чего вашему писарю понадобились?..

— Дѣло въ томъ, что тутъ цѣлый романъ.

— Все равно, извините меня, Романъ ли онъ, Иванъ ли, не станетъ писарь такія роскоши позволять...

— Ахъ, вы не туда попали...

— Известно, вы на столь умны, что въ участокъ загесались...

— Я вамъ говорю со всѣмъ достоинствомъ, а вы грубіяните... ежели вы не понимаете, такъ должны выслушать... Тутъ любовь, мои милыя... этотъ письмоводитель былъ влюбленъ въ дочь благородныхъ родителей, ему платили взаимностью чувства, и вдругъ коварство. Вы

поймите: она дочь благородныхъ родителей!.. Ну, и понятно, что рѣшилась мстить! Изъ пистолета, говорить, тебя застрѣлю, но жениться на другой не позволю!.. Вы понимаете: такой скандалъ... вѣдь Колупаевъ послѣ его изувѣчить... Купцы развѣ понимаютъ благородныя чувства... ну, женихъ и рѣшился поставить охрану отъ неожиданныхъ выстрѣловъ покинутой жертвы...

— Извините, моя милая! Самъ каретниковъ сынъ мнѣ вчера говорилъ: приходи, говорить, мою свадьбу смотрѣть!.. Да у меня свидѣтели даже есть!

— А я вамъ говорю, что вы врете!.. Ежели бы каретника сынъ женился, такъ я бы и не подумала придти смотрѣть.

— Ахъ, ты, Господи!.. Шляпа у васъ съ перомъ, а невѣроятности на цѣлый цѣлковый! Дворянка, а упрямство мужицкое!.. Да я вамъ сейчасъ для удостовѣренія человѣка предоставляю... Кумъ! Василь Герасимычъ! Ку-умъ!..

— Ежели крестить кого, я готовъ!—очутился передъ кумушками мастеровой, ухарски подмигивая невѣрующей дворянкѣ.

Кумушки отплевываются, толпа гогочетъ. Мастеровой гордо смотритъ на публику и затѣмъ стремительно бросается къ воротамъ. А у воротъ уже стояла извозчичья пролетка. Въ пролеткѣ сидѣлъ военный докторъ и пальцемъ манилъ городского.

— Послушай, любезный! — говоритъ онъ

kozyрявшему служивому;—что здѣсь за толпа? По какому поводу?

— Безъ повода въ стоять, вашескорodie!— пучилъ глаза городской на доктора.—Свадьбу смотрять!..

— А-а-а... Такъ... А я думалъ, Богъ знаетъ что... Убили, раздавили кого-нибудь... Помощь, можетъ-быть, нужно...

— Безъ помочи простоятъ, вашескорodie! Для лѣности-съ!..

— А чья свадьба, не знаешь?

— Такъ тошно, вашескорodie! Не можемъ знать-съ!..

— Мы знаемъ, ваше происхождение!— вывернулся изъ-за плеча городского мастера:—мы можемъ!..

— Пшоль прочь!—пшикнулъ на него городской:—мастеровщина, вашескорodie, не извольте беспокоиться!..

— Вреть!—вывернулся снова мастера:—нужда женится,—горе замужъ идетъ... объ этомъ городovýmъ неизвѣстно, ваша премудрость!..

— Пшоль!—рявкнулъ на него городской:—какъ ты смѣешь начальству перечить? Ахъ ты, подметкинъ сынъ!..

Городовой бросился за мастеровымъ, мастера юркнулъ въ толпу; пролетка съ любопытнымъ докторомъ поѣхала дальше... Толпа хохотала и науськивала мастерового...

— И народъ же!—качалъ головой поддевка, обращаясь къ картузу съ новенькимъ козырь-

комъ:—такая публика на эвти свадьбы соби-
рается, смѣхъ одинъ!..

— Невѣжество-съ! — согласился тотъ: — у
насъ намереніи свадьбу вѣнчали, такъ невѣсту
чуть не уронили... Какъ наперли сразу сзади,
она прямо носомъ въ земь... А за ей двѣ
лавки да домъ въ Даниловской слободѣ... Вотъ
здѣсь хорошо дѣлають, что въ церковь пуб-
лику не пускають—грѣхъ одинъ, всякій лѣ-
зеть на молодыхъ поглядѣть, ну, и неприя-
тность одна черезъ эсто...

— Не безпокойтесь, и здѣсь всѣ вопрутъ...
Вотъ тамъ ужъ бабенки сговаривались: какъ,
говорить, невѣста, пройдетъ—вы всѣ, дѣвуш-
ки, разомъ за ней!.. Нѣтъ, намереніи у насъ,
что смѣху было... Вѣнчали одного купца и
такой же вотъ порядокъ, чтобъ никого безъ
билету не пропускать... двѣ и ухитрились...
наняли у угла лихача за гривенникъ, подка-
тили къ церкви съ шикомъ и прошли... про-
нюхали другія объ этомъ и такимъ же мане-
ромъ... а молодецъ-то, который къ дверямъ
приставленъ былъ, рохля, надо полагать...
такъ, что жъ вы думаете, этотъ извозчикъ,
въ какихъ-нибудь полчаса два цѣлковыхъ за-
работалъ... отъѣдетъ за церковь и станетъ...
только сталъ, сичасъ ему въ зубы гривенникъ:
доставляй!.. Публика хохочетъ, а молодецъ
остановить не смѣетъ, потому какъ ты ба-
рынь остановишь, ежели онѣ съ градомъ на
лихачѣ? Наконецъ и опомнился... то то, я,
говорить, гляжу, извозчикъ то и дѣло под-

возить, а лицо одно! Расчихалъ!.. И доняли же его страсть!.. Пересталъ пущать,—бабье на другую штуку поднялись... подойдетъ къ нему да сичасъ бумажку въ руку... тутъ цѣлковый, говоритъ, пропусти только посмотрѣть!.. Бабь десять такимъ манеромъ пропустилъ, полагалъ—красную зашибъ, а онѣ что жъ, дуй ихъ горой, ему совали-то! Бумагу изъ подъ папирось Петрова!.. Хе-хе-хе...

— Ха-ха-ха! — раскатывался картузь:—умственно!..

— Не умственно, а собственно на дурака попали!.. Стою вотъ здѣсь я часъ, а чего стою—неизвѣстно!..

— Я ужъ тоже себя ругаю, а стою!.. Не слышали, кого вѣнчать-то будутъ?

— Слышалъ такъ, что доктора. Лѣчилъ быто онѣ одну отъ тифу и заразился...

— Тифомъ, значить?

— Зачѣмъ тифомъ! Любовью!.. Ну, извѣстно, она въ благодарность ему сичасъ руку и каменный домъ доходный...

Толпа заколыхалась. Изъ церкви вышелъ дьячекъ и крикнулъ стоявшему у ограды церковному сторожу:—Оома! Ты бы за отцомъ дьякономъ сходилъ!.. Сичасъ, молъ, должны прибыть!..

— Послушайте, вы дьячки будете?—протискалась къ нему плисовая накидка.

— Чего-съ?.. Дьячки-то, матушка, въ деревнѣ, а мы псаломщики!

— Извините, мы по старому... Я къ вамъ отъ Анны Никитишны...

— Какой тамъ еще? Никакой рабы Анны не знаю!

— Ахъ, очинно хорошо знаете! Моего деверя двоюродная сестра вышла замужъ за Петра Васильича Попрыгунчикова, а Анна Никитична ему доводится теткой...

— Не знаю, не знаю... Ни Скакунчикова, ни Попрыгунчикова... Оома! Раскачивайся!..

Дьячекъ шмыгнулъ въ церковь.

Толпа шарахнулась къ паперти.

— Ёдутъ! Ёдутъ! — кричали мальчишки, подъѣзжая къ церкви на палочкахъ верхами:— страсть какой поѣздъ!..

— Кульерскій?—справился мастеровой, выставляя голову изъ публики.

— Я тебѣ покажу, какъ грубить начальству!—грозилъ отъ воротъ городской:—поросята, съ дороги прочь... Раздайсь! Ра-аздайсь!..

Въ ворота влетѣла карета, запряженная парой взмыленныхъ рысаковъ; слѣдомъ за ней тянулся рядъ всевозможныхъ каретъ.

— Женихъ, женихъ пріѣхалъ!—перешептывалась публика, тѣсняясь и толкая другъ друга.

Изъ кареты, поддерживаемый ливрейными, выѣзжалъ толстый купецъ, съ сѣдой коротко подстриженной бородой и громадной медалью, болтавшейся на широкой груди...

— Вотъ тебѣ и каретника сынъ!—раздался

смѣхъ въ толпѣ:—батюшки, да какой онъ толстущій-то! Насилу изъ кареты вылѣзъ!..

Женихъ, пыхтя, вылѣзъ изъ кареты и, крестясь, снялъ шляпу. Публика раздалась. Подъ самымъ носомъ жениха очутился мастеровой.

— Вотъ такъ подошва, братцы мои!—развелъ онъ руками:—съ глянцемъ!.. Въ субботу помирать будетъ, и вдругъ колѣно... ахъ, чтобъ те подметку гнилую замѣсто невѣсты!..

Женихъ нахмурилъ брови. Толпа хохотала. Городовой тащилъ за шиворотъ мастерового.

На водопой!

— Такъ ужъ вы, пожалуйста, барыня, всѣ мои предписанія исполняйте въ точности!—говорилъ молодой докторъ въ темносинихъ очкахъ, выходя изъ дѣтской купца Тихона Оедотыча Полувалова:—а иначе-съ ваши дѣтишки и серьезно расхвораться могутъ.

За докторомъ шла мать этихъ дѣтишекъ, жена Полувалова, женщина средственныхъ лѣтъ, съ самой обыденной фізіономіей, одѣтая въ засаленный ситцевый капоть, или, какъ она сама его называла,—«утрешній бенуаръ».

— Будьте покойны, батюшка, кажется, всѣ ваши наставленія хорошо запомнила!—говорила она, кивая головой съ рѣдкой, тщательно прилизанной шевелюрой.

— И отлично... Значить, до свиданія!—говорилъ докторъ, протягивая купчихѣ руку.

— До пріятнаго, докторъ!.. Что, бишь, это я хотѣла спросить васъ? Да!.. А можно имъ моченой брусники, ежели аппетитъ такой будетъ?

— Да я же вамъ десять минутъ тому назадъ говорилъ, что ничего нельзя ни кислаго, но сырого...

— Да я такъ это... вдругъ запросять, а я и не знаю давать, али нѣтъ?

— Ни подъ какимъ видомъ нельзя...

— Слушаю, батюшка... такъ и скажу: докторъ, молю, не велѣть...

— Такъ и скажите!.. Ну-съ, больше ничего сказать не имѣете?

— Кажется, все ужъ переговорила... вотъ только у Сашеньки жаръ очень великъ, такъ, можетъ, ей моченаго яблочка полезно... Кислота-то, говорятъ, жаръ прекрасно вынимаетъ...

— И моченые яблоки давать вашимъ дѣтямъ запрещаю.. кромѣ чашки бульона и куриной котлетки—буквально ничего...

— Такъ, батюшка, такъ... и насчетъ питья тоже,—отварную водицу...

— И сельтерскую съ молокомъ...

— Съ молокомъ, батюшка, это вѣрно... не забыть бы за сельтерской-то послать... Малашка-а! Малашка-а-а!..

— Такъ до свиданія!—шаркнулъ ножкой докторъ.

— До пріятнаго, батюшка, до пріятнаго!.. Будемъ такъ ожидать, что или завтрака къ вечеру пожалуете, или въ среду утречкомъ завернете... А это ничего, ежели я имъ замѣсто сельтерской-то черносмородиновой дамъ?.. Отъ именинъ, признаться, бутылки съ четыре осталось, и при томъ много слаще...

— Да позвольте-съ!—пожалъ тотъ плеча-

ми:—да, по-вашему, въ черносмородиновой водѣ есть кислота, или нѣтъ?

— Настоящей кислоты я въ ей не вижу, батюшка..

— А я вижу, матушка, и поэтому о всѣхъ фруктовыхъ и ягодныхъ водахъ оставьте попеченіе!.. Поняли?..

— Поняла... и фруктовую даже нельзя... Какъ не понять! Ребенокъ и тотъ пойметъ: чего нельзя, того и нельзя, а что можно—кушай на здоровье сколько влѣзетъ!.. До пріятнаго, батюшка...

— Прощайте!.. Тыфу ты, безтолочь какая!—бормоталъ докторъ, отправляя въ боковой карманъ визитную кредитку:— говоришь, говоришь и опять начинай сначала!.. Тебѣ что, голубушка?—повернулся онъ къ окликнувшей его черномазой дѣвицѣ въ передничкѣ сомнительной бѣлизны.

— Васъ хозяинъ проситъ зайти, господинъ докторъ!—отвѣтила она, перебирая передникъ красноватыми руками.

— А у васъ, развѣ, и хозяинъ есть?

— Извѣстно есть-сь!—фыркнула та:—какъ же возможно хозяйкѣ безъ хозяина быть-сь!..

— А я почему-то предположилъ, что она вдова!—говорилъ докторъ, шествуя за черномазой дѣвицей.

— Нѣтъ-сь, онѣ мужніи-сь!.. Сичасъ на-лѣво пожалте... вотъ сюды-сь...

Докторъ вошелъ въ небольшую комнату, носившую названіе «конторы»... Контора эта

была оклеена лѣтъ двадцать тому назадъ недурными обоями, но теперь эти обои приняли грязновато-сѣрый оттѣнокъ и во многихъ мѣстахъ отстали отъ стѣны и висѣли лоскутами. Въ комнатѣ пахло сыростью и какой-то особенной захлостью, присущей купеческимъ домамъ средней руки... На окнахъ висѣли ситцевыя драпировки, въ углу, въ клѣткѣ кричалъ попугай, на полу возилъ, ловя себя за хвостъ, щенокъ; мебели было мало: три-четыре кожаныхъ стула, протертыхъ до мочалы, ладьеобразный диванъ съ пружинами, испустившими свой «упругій духъ» подъ тяжестью купецкихъ тушъ, — ясеновый шкафъ, круглое зеркало и большой письменный столъ краснаго дерева, за которымъ и сидѣлъ въ данный моментъ самъ хозяинъ Тихонъ Оедотычъ, крупный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ пріятнымъ лицомъ, слегка окрашеннымъ подъ «лазорь», и брюшкомъ внушительныхъ размѣровъ...

Хозяинъ сидѣлъ въ засаленномъ халатѣ, подпоясанномъ, за потерю пояса, толстой бечевкой, и записывалъ что-то въ большую кожаную книгу...

Докторъ вошелъ въ «контору», окинулъ ее любопытнымъ взглядомъ и остановился...

— Шестью шесть,—тридцать шесть!—бормоталъ хозяинъ, царапая перомъ:— семью девять,—это выйдетъ сколько?—поднялъ онъ глаза на доктора.

— Вы мнѣ? — улыбнулся тотъ: — шестьдесятъ три!

— Вѣрно... только это я не тебѣ, а про себя!.. Садись, я сейчас... цифры три-четыре въ книгу загоню и шабашъ!..

— Не безпокойтесь, пожалуйста! — остановилъ его жестомъ докторъ, становя на окно шляпу и проваливаясь въ диванъ: «гм! однако нельзя сказать, чтобъ этотъ диванъ былъ удобенъ для сидѣнія, — подумалъ онъ, выбираясь изъ углубленья и приловчиваясь къ краешку: совсѣмъ лодка, а не диванъ!..»

— Шабашъ! — произнесъ хозяинъ, закрывая съ трескомъ книгу, на которой можно было замѣтить надпись: «городская касса».

— Господинъ докторъ? Очинно пріятно! — всталъ съ кресла хозяинъ и протянулъ руку, въ которой на минуту утонула рука доктора: да ты сиди, сиди! — говорилъ онъ, придвигая къ доктору кресло, на которомъ сидѣлъ: — и я сяду!.. Очки-то эвти отъ пыли носишь?

— Отъ пыли...

— И я носилъ, да намеренъ разбить... Положилъ, понимаешь, ихъ въ боковой карманъ, да и прилегъ апосля обѣда для Морфея; ну и раздавилъ... собираюсь все къ Махину для починки... нынче, да завтра, такъ и не соберешься... а пылица глаза портить... Москва, ничего не подѣлаешь!.. И удивительная вещь, я тебѣ скажу: улицы, кажись, поливаютъ, а отъ пылицы не продохнешь!.. Почему это такъ?

— Не знаю!—разсмѣялся докторъ:—вы бы изъ любопытства у думскихъ подрядчиковъ спросили?

— Спрашивалъ!.. По ихнимъ разговорамъ—химія тому причиной..

— Какая химія?

— Ужли химію-то не знаешь? Докторская наука—и вдругъ тебѣ неизвѣстно...

— Положимъ, что химію я знаю, да при чемъ же она тутъ, скажите пожалуйста?

— Вотъ тебѣ и при чемъ!.. По ихнимъ словамъ, въ москворѣцкой водѣ химіи ужъ очинно много напущено.. ты поливаешь, а она сичасъ же и сохнетъ... ты полилъ, думаешь, мокро, анъ сухое мѣсто.. одно слово, ифиръ... Понялъ?

— Ничего не понялъ!

— И я тоже ничего!.. Извѣстно врутъ! Химики-черти! Осматривалъ мою мразь-то?

— Какую мразь?

— Потомство-то мое?..

— Ахъ, дѣтишекъ-то... какъ же, какъ же, осматривалъ...

— Опасности нѣту?

— Богъ дастъ, обойдется благополучно... но я все-таки долженъ предупредить васъ, что если не будутъ приняты мѣры предосторожности, то могутъ и серьезно расхвораться...

— Бабѣ-то моей насчетъ осторожностейъ пропѣлъ рацею-то?

— Говорилъ, какъ же...

— И чудесно, пускай съ ими на гулянкахъ

возится... да ужъ очинно чудно: сразу всѣ свалились... вижу, дѣло не форштейнъ... посылай, говорю, за докторомъ!.. Оно, конечно, бабы любятъ это, чтобы самимъ мазать разной дрянью... бываетъ такъ, что изъ-за пустяковъ не стоитъ вашего брата и беспокоить... всему дѣлу гривенникъ цѣна, а вы сейчасъ въ испугъ всѣхъ вгонять начнете... но только вижу я, какъ бы чего хуже не вышло, и сейчасъ за тобой...

— И хорошо сдѣлали...

— Да ужъ для тебя на что лучше, это вѣрно!.. Пріѣхалъ, позвонилъ языкомъ, анъ синюха и въ карманѣ! Наука!.. Чѣмъ они заболѣли-то.. сурьезнымъ чѣмъ, али такъ вѣтреностію какой?

— Теперь простое у нихъ разстройство, но, ежели, повторяю, не будутъ вами приниматься мѣры, то весьма возможно, что прихватятъ и дизентерію... вѣдь они у васъ Богъ знаетъ что ѣдятъ.

— Поросята, что ты съ ими подѣлаешь!.. Жуютъ все, что только подъ руку попадетъ!

— Вотъ это-то и скверно...

— Да вѣдь глупы, чудакъ ты, ей Богу!.. Сейчасъ въ саду щавель пошелъ, ну, какъ ты за ими усмотришь? А они его за обѣ скулы лупятъ!.. Глупы!.. Возьми ты сейчасъ щенка... видишь, щепку грызетъ? Мы бы съ тобой и вниманія не обратили на такую дрянъ, а онъ грызетъ! А отчего?.. Глупъ... молодъ еще!.. Понялъ?

— Въ такомъ случаѣ необходимъ серьезный присмотръ...

— Сичасъ видно, что ты не женатый... вотъ женись попробуй, заведи дѣтей, да и смотри за ими...

— Неужли нельзя найти хорошую прислугу? Не вѣрится что-то...

— Найди, я тебѣ за комиссію заплачу!.. Дизинерія, скажи пожалуста!.. У меня, помню, годовъ съ десять тому эта пакость завелась, такъ я тебѣ доложу—жизни былъ не радъ!.. Какъ бывало утро, такъ и поидеть въ башкѣ трескъ... да вѣдь какой—уму помраченье...

— Это у васъ мигрень, вѣроятно, былъ...

— А ужъ и не знаю хорошенько что: мигрень ли, али дизинерія!.. главное, боль очино сурьезная... Такъ нѣту для потомства опасности-то? Чудесно! А я, вѣдь, тебя зачѣмъ собственно просить велѣлъ... опредѣли ты меня, сдѣлай милость, на водопой...

— Развѣ вы нездоровы?

— Чахотка!.. Да ты что смѣешься-то? Полагаешь, что я грузень, такъ у меня и чахотки нѣтъ? Этого ты знать не можешь... у меня кумъ вдвое меня грузнѣе былъ, а померъ...

— Отъ чахотки?

— Зачѣмъ отъ чахотки! Отъ удару!.. Пришелъ такой часъ—и стукнуло!.. Нѣтъ, я тебѣ въ самдѣлѣ въ серьезъ говорю, сгони ты съ меня жиръ пожалуста... видишь, чревобѣсіе-то какое? Барабанъ!

— Извольте, съ удовольствіемъ!..

— Извѣстно, тебѣ человѣка уморить ничего не стоитъ!.. Прописалъ ему что ни на есть по-латыни, глядишь, онъ и ножки задралъ!.. Народъ вы тоже вотъ какой: губы не развѣшивай!..

— Надо мнѣ посмотрѣть васъ...

— И смотрѣть нечего... жиръ одинъ! Вотъ ты мнѣ его и спусти водицей... Я въ прошломъ іюнѣ пилъ тоже воды...

— Какія именно?

— А ужъ этого, братъ, не помню... вотъ такая бутылка и вся кругомъ разными ярлыками исписана...

— Ну, и что жъ, принесли онѣ вамъ пользу?

— Агромадную... во-первыхъ, такое облегченіе въ корпусѣ вышло, что портной всю одежду перешивалъ.. За что ни ухватишься— все широко... и ругалъ же я доктора въ тѣ поры—страсть... портному рублей пятьдесятъ отъ его водопоя переплатилъ...

— Когда вы кончили пить воды въ прошломъ году, изжоги у васъ продолжались?

— Вотъ ужъ этого, хоть убей, не могу сказать... потому какъ только кончилъ воды, сичасъ же въ ярманку укатилъ... и съ такимъ, я тебѣ скажу, апецитомъ всю ярманку пилъ, самъ даже удивлялся...

— Пили-то, можетъ-быть, и съ аппетитомъ, а ѣли-то какъ?

— И ѣлъ тоже... Гдѣ жъ это видано, чтобъ выпивка безъ закуски была...

— Вообще-то вы много пьете и кушаете?

— Какъ придется... день на день не приходится... то ужъ очинно сытно, а то средственно... бываетъ такъ, что и сверхъ греческихъ границъхватишь... въ Турцію стало-быть заѣдешь... но это совсѣмъ рѣдкость...

— А какъ, напримѣръ?

— Да какъ тебѣ сказать, чтобъ ни тебя, ни себя обидѣть? Въ году разовъ десять, а можетъ и двадцать... ежели бы считалъ, ну, такъ, а то вѣдь гдѣ тутъ за собой слѣдить... намереніи на фокусникѣ Германѣ въ «Эрмитажѣ» были, и до того, я тебѣ скажу, накушались, что ежели бы распорядителя не послушались, бо-ольшой бы фокусъ съ посудой показалъ... «ей, цвѣй, дрей и готово», изъ двухъ тарелокъ восемьдесятъ махонькихъ сдѣлалъ... хотѣлъ продолжать, но остановили... такъ ужъ ты мнѣ посурьезнѣе воды-то дай... Такія пропиши, чтобъ забвенія во время оныхъ не вышло...

— Вы знаете, что при водахъ необходима строгая діета...

— Знаю! Ты мнѣ все это на бумажкѣ напиши и строго-настрого накажи, чего не ѣсть и чего не пить.

— Хорошо. Завтра я къ вашимъ дѣткамъ заѣду и привезу вамъ инструкцію.

— Это вѣрнѣе будетъ: и для меня хорошо, и для тебя спокойнѣе... я прошлое лѣто докторскую бумажку такъ съ собой въ карманѣ и носилъ... придешь ли къ кому, али за-

ѣдешь куда, сичасъ и видишь по бумажкѣ, что можно и чего нельзя... безъ наставленія ничего не выдетъ... Моему шуруну докторъ какъ-то тоже воды прописалъ... прописать-то онъ ихъ прописалъ, а насчетъ питья никакого запрету не положилъ... ну, тотъ и дуетъ по порядку: сперва воды, потомъ водку... такъ вотъ какъ его разнесло, докторъ лѣчить даже отказался... впервой, говоритъ, вижу такого паціента, который, напимѣрь, отъ воды врозь лѣзетъ!.. Вамъ, говоритъ, для спасенія прямо за границу надо! А чего тутъ за граница!.. Просто Смирновская слеза нѣмецкую пользительность задушила!.. Ты построже это все на бумажкѣ - то начерти!.. Отнюдь чтоба, молъ, того-то и того-то не дѣлать! А ежели сдѣлаешь, — кранки!..

— Хорошо, хорошо! — улыбнулся тотъ: — вы когда думаете воды-то начать?

— Да я такъ полагаю, что послѣ Духова дня... и прямо натошакъ для головного облегченія... все-таки на зельтерской экономія...

— Прекрасно!.. Такъ я вамъ сейчасъ напишу, какихъ водъ взять въ аптекѣ и затѣмъ начните съ Богомъ... сперва по полстакану...

— А ужъ это ты мнѣ все на бумажкѣ... перепутаю!... У меня въ головѣ-то и безъ твоей воды дѣловъ цѣлая бездна, а ты мнѣ на память хочешь... все пиши на бумажкѣ! Мнѣ главное себя штобъ къ ярманкѣ приготовить... Понялъ? Такъ ужъ ты бумаги-то не жалѣй, поподробнѣе все изобрази... огур-

цовъ, напимѣрь, не ѣсть, ягодъ, молъ, не касаться, водки, акромья двухъ рюмокъ передъ обѣдомъ, не трогать... и все вотъ въ этакое направленіи!..

— Хорошо, хорошо! Только вы ужъ о водкѣ-то совсѣмъ позабудьте!—смѣялся докторъ.

— Ужли никакого послабленія? Одна-двѣ рюмки тѣфу и больше ничего!..

— Лучше ужъ ничего, вы это такъ и запишите!..

— Вѣдь вотъ вы какая публика каторжная! Никакого, то-есть, сожалѣнія къ человѣческимъ немощамъ! Сгоняй ужъ, сгоняй жиръ-то... Богъ съ тобой!..

Докторъ поднялся съ дивана и сталъ прощаться.

— Прощай, прощай, докторъ!—говорилъ купецъ, трясая докторскую руку такъ, будто онъ ее оторвать хотѣлъ:—до завтра, стало-быть?.. И купоросный же вы народъ, ей-Богу! Всѣ на одну колодку!.. Такъ и наровите, какъ бы человѣка уморить, никакой доброты въ васъ нѣту!.. Прощай!.. Да, стойко-сь! Сейчас у меня на березовыхъ почкахъ настоитъ...

— Забудьте о березовыхъ почкахъ... Краснаго вина я вамъ позволю...

— Да что мнѣ твой брандахлысть-то... такъ ужъ ты въ бумажкѣ-то и о березовыхъ почкахъ упомяни, чтобъ я въ искушеніе не входилъ...

— Да вѣдь у васъ, можетъ-быть, еще ка-

кая-нибудь настойка есть? Вообще никакихъ нельзя...

— Ужли и полыновки не нюхать? Полынь сейчасъ для лихорадки первое средство...

— И о полыни отложите попеченіе... Прощайте!

— Тьфу!... Ступай ужъ... съ тобой отъ одного разговору помереть можно!.. Водопой въ полной формѣ!.. Прощай! Не забудь завтрава бумажку - то привезти... да пострже только, смотри, привези! Понялъ? Адью съ почтеніемъ!

Докторъ вышелъ. Полуваловъ прошелся по конторѣ и опустился въ кресло.

— Хорошо, что я про горькую аглицкую промолчалъ, а то бы и ее отнял!.. про-бормоталъ онъ, раскрывая книгу:— ужаси, какая каторжная публика эти доктора! Ей-Богу, каторжная! Одно слово—ненавистники роду человѣческаго!.. Ежели ихъ не надутъ, живо ноги протянешь!.. Тьфу!

Полуваловъ плюнулъ и заскрипѣлъ перомъ по книгѣ...

Промахнулся!...

Чудакъ былъ Анисимъ Петровичъ Сивогри-
вовъ! Ужасный чудакъ! И главная причина
его чудачествъ была чрезвычайная подозри-
тельность... Въ каждомъ человѣкѣ онъ ви-
дѣлъ своего тайнаго врага, въ каждомъ словѣ,
подхваченномъ имъ на лету, намекъ на его
персону... Всюду и вездѣ ему чудились обманъ
и надувательство. Подозрителенъ былъ до
того, что самъ себя иной разъ подозрѣвалъ
въ какихъ-либо противозаконныхъ дѣйствіяхъ...
Эта подозрительность, въ большинствѣ слу-
чаевъ ни на чемъ не основанная, ставила его
иногда въ неловкія, а большей частью въ
траги-комическія положенія... Его и сосѣди
по лавкѣ иначе не звали, какъ «Оома невѣ-
рующій», и всегда смѣялись надъ этой, по
ихъ мнѣнію, «застарѣлой, на манеръ ревма-
тизма, слабостью»...

— Что ему, старому шуту, не дурить-то!—
говорили сосѣди:—жена молодая, денегъ куры
не клюютъ, дѣла и безъ него идутъ какъ по
маслу—надо жъ себѣ какое ни на есть заня-
тіе выдумать!..

И сосѣди были правы, потому что, говорю,

за очень рѣдкими исключеніями, всякія подозрительныя мечтанія купца Сивогринова не имѣли положительно никакой логики.

И подсмѣивались же сосѣди надъ его подозрительностію—страсть!.. Покоя ему не давали! Онъ изъ себя выходитъ, а они со смѣху покатываются, да его со всѣхъ сторонъ зудятъ!.. Обыкновенно такъ бывало: соберутся сосѣди Сивогринова отъ нечего дѣлать въ чью-нибудь лавку и давай зубы чесать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ...

— Господа!—заявляетъ вдругъ кто-нибудь изъ нихъ:—надо какое-нибудь колѣно съ Анисимъ Петровымъ выкинуть, цѣльную недѣлю онъ у насъ отдыхалъ!..

— Безпремѣнно надо!—поддакиваетъ другой:—надо его, стараго бѣса, учить! Зажи-рѣлъ очинно, такъ пусть въ волненіе придетъ! Какое только колѣно—выдумать надо!..

И начнутъ выдумывать. Выдумаютъ и разойдутся.

— Анисимъ Петровичу!—говоритъ одинъ изъ «выдумщиковъ», входя къ нему въ лавку и почтительно раскланиваясь:—все ли въ добромъ-съ?

— Спасибо! Ты какъ живешь-можешь?—добродушно спрашиваетъ тотъ, приподнимая свой картузь:—садись!..

— Премного благодарны-съ!.. Какъ торгуете-съ?—спрашиваетъ заговорщикъ, сладко улыбаясь и усаживаясь на лавку.

— Ничего... Благодареніе Господу Богу...

Ты какъ торгуешь?—подсаживается къ нему Сивогриновъ, ощупывая по привычкѣ боковой карманъ: тутъ ли бумажникъ.

— Да какъ вамъ, Анисимъ Петровичъ, сказать? Бога гнѣвить нельзя... не очень, чтобъ ужъ очень...

— А ты помаленьку, помаленьку! — хлопаетъ хозяинъ по плечу не желающаго гнѣвить Бога:—тише ѣдешь, другъ, дальше будешь... такъ-то!.. Безъ зависти надоть, потихоньку...

— Это вѣрно-съ! Я и то, Анисимъ Петровичъ, никому не завидую!.. Большому кораблю большое и плаваніе, а такимъ душегубкамъ, какъ мы, грѣшнымъ, и по лужѣ проѣхать не стыдно...

— Умно разсуждаешь, другъ, умно! — хлопаетъ снова по плечу сосѣда хозяинъ;—ну, что новенькаго не слыхалъ ли?

— Новенькаго-съ? Да, кажись, ничего-съ... Въ торговлѣ особенной живости не замѣтно, несостоятельствъ покедова не предвидится...

— Въ газетахъ чего не пишутъ ли? Какъ гарнизонъ въ политикѣ?

Нужно вамъ сказать, что Анисимъ Петровичъ никакихъ газетъ, за исключеніемъ «Полицейскихъ», не читалъ, да и тѣ просматривалъ больше изъ подозрительности; не вѣрилъ онъ, чтобы его дворникъ, сторожа ночью у воротъ, не спалъ, и поэтому волей-неволей читалъ каждый день списокъ дворниковъ, оштра-

фованныхъ за спанье на дежурствѣ, надѣясь рано или поздно уличить своего посредствомъ «Полицейки»...

— Какъ гарнизонъ въ политикѣ? Слабѣе? — спрашивалъ Анисимъ Петровичъ сосѣда.

— Слабже-съ!.. Особенной заворошки какъ быдто не предвидится!.. Вобче тишина-съ...

— Такъ. Ну, а какъ Бисмаркъ? Ничего?

— Бисмаркъ ничего. И не слышать даже про его дѣйствія. Придохъ.

— Отдыхаетъ отъ этого... Происшествій интересныхъ какихъ не случилось ли?

— Особеннаго такого ничего... у какого-то купца Семивѣрова крупная кража денегъ вышла...

— Семивѣровъ? Не слыхаль я что-то такого...

— Десять тысячъ...

— Сумма-то какая!.. Да, да, да... скажи пожалуйста!.. Какимъ же это манеромъ? Прописали?

— Прописано. Уѣхаль онъ въ городъ, а кассу-то и забылъ запереть... пріѣхаль вечеромъ, хватъ, анъ денегъ-то и нѣту... ну, извѣстно, сичасъ въ полицію... весь домъ обшарили, а денегъ ни у кого не нашли... просто, надо полагать, жена припрятала...

— Жена, говоришь? Гм... только и дуракъ же этотъ купецъ... какъ бишь ему фамилія-то? — спрашивалъ, мѣняясь въ лицѣ Сивогриновъ, запуская руку въ карманъ и ощупывая ключъ отъ кассы.

— Семивѣровъ-съ!..

— Семивѣровъ! — успокоивался Анисимъ Петровичъ:—ну, какъ же это можно забыть кассу запереть? Ощупаль карманъ, тутъ ли ключъ... нѣту, значить, не заперъ...

— И ключъ у него былъ, Анисимъ Петровичъ! — продолжаетъ сосѣдъ, строя самую невинную рожу, — а касса расперта: не попробоваль, выходитъ, крышку-то, заперъ али нѣтъ... вынулъ ключъ, положилъ въ карманъ и уѣхаль. Рази это не бываетъ? Со мной сколько разъ случалось... затменіе-съ!..

— Затменіе!.. — вскакиваетъ вдругъ съ лавки хозяинъ, блѣднѣя: — да, да, бываетъ... не запрешь и вынешь... ну, прощай... я того... по дѣлу!..

Выскакиваетъ Анисимъ Петровичъ, какъ сумасшедшій, изъ лавки, беретъ перваго встрѣчнаго извозчика и лупитъ домой, удостовѣриться: заперъ онъ кассу, или не заперъ?

А сосѣди покатываются на весь рядъ отъ удовольствія, что нагнали на Анисима Петровича страху. Возвращается онъ въ лавку успокоенный, а сосѣди зубы скалятъ да Анисима Петровича спрашиваютъ:

— Аль забылъ банкъ свой запереть?

Поглядитъ на нихъ Анисимъ Петровичъ, увидить, что надъ нимъ шутку сыграли и почнетъ ругаться...

— Мошенники, — кричитъ, — прощальги! Связать бы васъ, анаѣемы, всѣхъ вмѣстѣ да въ проруби утопить!..

А пуще всего Сивогривова женой донимали; соберутся къ его лавкѣ и начнутъ ему басни рассказывать, а сами ему въ глаза въ упоръ смотрятъ. Анисимъ Петровичъ изъ себя выходитъ, а сосѣди со смѣху помираютъ, да еще пуще его накаливаютъ.

А вѣдь давно ли Анисимъ Петровичъ всѣмъ другой человѣкъ былъ! Лѣтъ семь или восемь тому, какъ онъ «каракторомъ» измѣнился! Какъ разъ съ того самого времени, какъ женился онъ на Агніи Федоровнѣ. Жилъ онъ тихо, покойно, безъ всякой подозрительности и раздражительности и дожилъ такимъ манеромъ до пятидесяти лѣтъ съ хвостикомъ... Жилъ бы онъ и до сихъ поръ въ томъ же направленіи, да на грѣхъ возьми да и влюбись въ шестнадцатилѣтнюю Агнію, дочку купца Полтинникова, его сосѣда по дому. Влюбился, женился и ударился въ подозрительность. Ревновалъ Анисимъ Петровичъ свою молодую жену ко всякому встрѣчному и поперечному. Молоденькая и хорошенькая Агнія Федоровна оказалась пустой, глупой бабенкой и самой отчаянной кокеткой... Она считала себя красавицей и была увѣрена, что всѣ, кто только ее ни увидитъ, моментально въ нее влюбляются. Анисимъ Петровичъ хмурился, уговаривалъ ее бросить свои «глупыя кокетства», частенько колачивалъ подъ горячую руку и не вѣрилъ своей «бабѣ» ни на грошъ. Не вѣрилъ и въ то же время любилъ, по его словамъ, «до безумствія».

И чѣмъ дальше шло, тѣмъ подозрительнѣе становился Анисимъ Петровичъ. Отъ портнихи счетъ принесутъ, а Сивогриновъ кричить: «отъ какого это тебѣ анаѣмы письмо принесли?» Агнія Федоровна въ городъ поѣдетъ, а супругъ за ней «въ дозоръ» на извозчикѣ лупить, да чтобы никто не узналъ, въ воротникъ шубы носъ прячетъ... Просто не жизнь, а каторгу себѣ создалъ!

Аккуратно разъ въ недѣлю грозилъ Анисимъ Петровичъ своей супругѣ «изловить ее и изувѣчить». И какая же исторія вышла... пришелъ такой часъ, что дѣйствительно «поймалъ и изувѣчилъ»... Дѣло такъ было: пріѣхалъ какъ-то разъ Анисимъ Петровичъ изъ города домой и, разумѣется, сейчасъ первый вопросъ горничной:—жена дома?

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчаетъ та:—они-съ напротивъ-съ... у сестрицы-съ... Прикажете сходить за ними?

— Не надо. Натрещится до-сыта и сама придетъ...

Снялъ Анисимъ Петровичъ шубу, прошелся по комнатамъ, зашелъ въ дѣтскую, съ дѣтьми поздоровался, и, затѣмъ, мурлыкая подъ носъ, прошелъ въ свою спальню...

— Никакого тамъ порядка у этихъ бабъ!—прѣговорилъ онъ, увидя разбросанныя по комнатамъ картонки:—черезъ улицу только перешла, а ишь сколько кардонокъ нашвыряла... ну, чтобы къ мѣсту прибрать!.. Хо-о-зьяка!

И Анисимъ Петровичъ, какъ человѣкъ, при-

выкшій къ порядку, принялся надѣвать на женины картонки крышечки и ставить ихъ на гардеробъ. Накрылъ онъ одну картонку, накрылъ другую, сталъ накрывать третью и остоленѣлъ... Крышка выпала изъ рукъ и покатила по полу, а Анисимъ Петровичъ, съ стиснутыми зубами и блѣднымъ лицомъ уставился на злополучную картонку... на днѣ картонки лежалъ эполетъ съ двумя звѣздочками...

Анисимъ Петровичъ пришелъ въ себя, сунулъ въ карманъ залетѣвшій въ чужія хоромы эполетъ и зашагалъ въ раздумьи по комнатамъ.

— Поймаю и изувѣчу!—шепталъ онъ искривленными отъ бѣшенства губами:—ахъ, идолъ! съ офицерами знакомство завела, ну, стой! тебѣ докажу дворянство!.. У прислугъ выспросить надоть, да, вѣдь, не скажутъ, бестіи, сами же деньгами, чай, подкуплены... Даша! Даша!

— Чего изволите, Анисимъ Петровичъ?—вбѣжала къ хозяину горничная.

— Даша, былъ у насъ кто сегодня, аль нѣтъ?—спросилъ онъ, пытливо уставясь на нее.

— Никого не было-съ...

— Гм!.. не было? Врешь!..

— Ей Богу-съ, никого-съ... Ахъ, виновата! Водовозъ за деньгами приходилъ!

— Пошла вонъ!.. И я тоже захотѣлъ отъ ей правду узнать!.. Одна за одну горой стоять! бабы—публика извѣстная!.. Пять минутъ

спустя онъ стоялъ уже у воротъ и, запахнувшись въ длинное ватное пальто, манилъ къ себѣ дворника, подметавшаго тротуаръ.

Дворникъ подошелъ къ хозяину и снялъ шапку.

— Надѣнь, Вавилушка, голову просквозить!—ласково проговорилъ онъ, надвигая картузь на глаза:—метешь?

— Мету-съ, Анисимъ Петровичъ!

— Мети, мети... я люблю, чтобъ у меня чистота и порядокъ были во всемъ... вотъ тоже насчетъ сторожки... неусыпно надо, Вавилушка, сторожить... залѣзетъ жулье, обчистить...

— Да ужъ, кажись, такъ стараюсь, Анисимъ Петровичъ,—птица мимо не пролетитъ...

— За это люблю... старайся, Вавилушка, а я твоего старанія не оставляю... возьму да жалованья и прибавлю...

— То-ись, вотъ какъ, Анисимъ Петровичъ, радъ стараться.

— Старайся, старайся... за всѣми, главное, блюди... какъ кто къ воротамъ, сичасъ и опрашивай: къ кому, молъ?.. Всѣхъ опрашивай: и мужика, и барина...

— Никого безъ опросу не пропускаю... авчирашняго числа татарину шею намылилъ... потому лѣзетъ.

— Мыль, это ничего... и къ хозяйкѣ ежели кто идетъ, опрашивай... Нонче кто къ ей приходилъ?

— Нонче? Какъ есть ни души...

— Вавилушка, помни: сказалъ, что жалованья прибавлю...

— Господи! Да ужъ ли жъ мы... птица, говорю, мимо не пролетитъ...

— А вчерась былъ кто?

— Вчерась?.. Домна была...

— Домна... Изъ знакомыхъ, кажись, кто-то завертывалъ?..

— Кто жъ бы это былъ, дай Богъ памяти!.. Никого не было, Анисимъ Петровичъ... водовозъ нонѣ былъ, это точно...

— Этотъ подкуплень, шельма!..—пробормоталъ Сивогривовъ, испытывающимъ взглядомъ вшиваясь въ дворника:—вреть, по глазамъ вижу, что вреть!.. Какъ же это такъ, а?—проговорилъ онъ вслухъ:—стало-быть, тебя у воротъ не бываетъ?

— Съ мѣста даже не схожу... Господи!..

— Врешь!.. Ёду сичасъ домой и встрѣчаю знакомаго офицера; а я, говорить, былъ у васъ и насчетъ квартиры спрашивалъ!.. А?

— Провалиться скрозь землю, не токма что ахвицера, самого послѣдняго пожарнаго солдата не было...

— Тьфу! Пошелъ прочь!.. То-ись какъ есть вся прислуга подкуплена... ну, да врешь, Агнія Федоровна, живъ не буду, а дознаюсь, откедова къ тебѣ аполетка залетѣла!.. Поймаю! Ничего не пожалѣю, а поймаю!..

Вернулся Анисимъ Петровичъ отъ воротъ въ комнаты, вынулъ эполетъ изъ кармана,

посмотрѣлъ его на свѣтъ, поморщился и опять спряталъ въ бездонные карманы сюртука.

Вернулась отъ «сестрицы» и Агнія Федоровна и полѣзла къ супругу здороваться.

— Ладно, видались, чай!—отстранилъ ее супругъ и, свирѣпо взглянувъ на жену, нагнулъ картузь на уши и хлопнулъ дверями.

— Чудить!—махнула та беззаботно рукой:—безпремѣнно это онъ опять къ кому-нибудь ревность пустилъ!..

А ревнивецъ въ это время сидѣлъ въ ближайшемъ отъ его дома трактирѣ за тремя парами и таинственно показывалъ половому эпюлетъ.

— Григорій, видишь?—спрашивалъ онъ, суя чуть не въ носъ свою находку половому.

— Штучка-съ!—мотнулъ тотъ головой:—пріобрѣли-съ?

— Это зачѣмъ же я пріобрѣтать стану? Что мнѣ въ воинскую повинность идти, что ли? Нашелъ!.. Иду это, понимаешь, домой... вдругъ на протуварѣ аполетка валяется... Главное, занятно: чья, напримѣръ, и по какому случаю?

— Очинно, сударь, просто!—объяснилъ половой, —безпремѣнно эвто-съ изъ казармовъ господинъ ахвицеръ потерявши... ишли, значить, ее съ плечиковъ и сронили... Это бываетъ-съ!..

— Бываетъ!—сдвинулъ брови Анисимъ Петровичъ:—и очинно даже бываетъ... ужъ, ка-

жись, на что господа офицеры народъ благородный, и тѣ теряютъ!—какъ-то язвительно прошипѣлъ онъ.

— Теряютъ-съ!—поддакнулъ ему половой:—главная причина, шинель у ихъ на плечикахъ ерзаетъ, ну, и стало-быть... А аполетка чудесная-съ!..

— Какого только чину, любопытно... двѣ звѣзды пришиты!

— Двѣ звѣзды-съ? Иниральская-съ.

— Хватиль!.. Молодого офицера эвта аполетка, а не инирала...

— Ну, такъ, стало-быть, полковничья-съ!.. Такъ точно-съ, полковничья!.. Я зналъ одного полковника, такъ у него завсегда аполеты со звѣздами-съ...

— Ну, погоди!.. И какъ это ловко подстроили: вся прислуга знать не знаетъ, и вѣдать не вѣдаетъ, такая чистота въ отдѣлкѣ, что хоть сичасъ на выставку!

Мрачнѣе дня, темнѣе ночи вернулся изъ трактира Анисимъ Петровичъ, заперся въ своемъ кабинетѣ и сталъ обдумывать планъ поминки своей невѣрной супруги.

Прошло нѣсколько дней. Былъ осенній вечеръ. Въ воздухѣ пахло насморками, гриппами и всевозможными простудами, неизбежными спутницами гнилой, дождливой осени. Дождь падалъ на землю мелкой изморозью и покрывалъ глянцемъ крыши, тротуары, пѣшеходовъ и экипажи. Фонари едва мерцали сквозь слезы, катившіяся по ихъ стекламъ...

Экипажи обрызгивали грязью пѣшеходовъ и тоскливо стонали, окунаясь къ рытвины мостовыхъ, наполненныхъ грязной водой... Въ этотъ вечеръ къ одному изъ бульваровъ подъѣхала извозчичья пролетка, изъ которой выпрыгнула закутанная въ пледъ дама и, расплатившись съ извозчикомъ, торопливо бросилась на бульваръ, не замѣтивъ, что слѣдомъ за нею шагала крупная фигура мужчины, тоже только-что подъѣхавшаго къ бульвару. Съ одной изъ скамеекъ поднялся какой-то господинъ, въ шинели съ свѣтлыми пуговицами и пошелъ навстрѣчу торопливо бѣжавшей дамѣ. Прошло двѣ, три секунды, и дама, подхвативъ кавалера подъ руку, зашагала съ нимъ по бульвару; прошли еще двѣ, три секунды и мощная фигура мужчины, догнавшаго парочку, вцѣпились обѣими руками въ даму.

— Говорилъ, что изловлю, и изловилъ! — хрипѣла мощная фигура, запуская пятерню въ разѣхавшіяся косы дамы: — изу-увѣ-чу-у!..

На бульварѣ раздался отчаянный женскій крикъ, вспугнувшій ворону, заснувшую на сучкѣ липы, тоскливо опустившей къ землѣ свои намокшія вѣтви...

На другой день утромъ Анисимъ Петровичъ, мрачный и угрюмый, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за конторкой и вписывалъ что-то въ книгу, на верхней крышкѣ которой можно было прочесть слово «касса». Скрипнула дубо-

вая дверь, и въ кабинетъ хозяина вошла жена его Агнія Федоровна.

— Что надоть?—спросилъ онъ сурово, повертывая голову и швыряя перо на конторку.

— Да я тебя чай пить пришла звать... Это откуда ты взялъ?—перескочила она вдругъ, взявъ съ конторки эполетъ съ двумя звѣздочками...

— Я? Я откедова взялъ?—привсталъ Сивогриновъ:—нѣтъ, откедова ты его взяла, скажи?

— Да ты что это, чудишь, иль взаправду говоришь?—удивилась та.

— А ты не вертись, какъ бѣсъ передъ затренией!.. Откуда ты эту аполетку взяла?..

— Да гдѣ ты-то ее нашель?

— Извѣстно, у тебя... въ кардонкѣ...

— Тьфу, дуракъ ты полоумный!.. Да не самъ ли ты Петюшкѣ цѣльный офицерскій мундиръ на елку купилъ... Петюшкина эта аполетка... ослѣпъ ты, что ли, прости Господи!..

Сивогриновъ посмотрѣлъ на жену, вздохнулъ и, опустившись въ кресло, зачесалъ затылокъ.

— Петюшкину аполетку и вдругъ въ кардонъ на сохраненіе!—бормоталъ онъ:—ну, не дура ты, скажи пожалуста? а? Ты знаешь, во сколько мнѣ эвта аполетка въѣхала? Читай въ кассѣ!

Агнія Федоровна нагнулась надъ конторкой и прочитала «вниманія нестоющей портнихѣ, которая съ писаремъ на бульварѣ шла, за

аполетныя непріятности заплочено 1,000 рублей»...

— Ничего не понимаю!—развела руками хозяйка.

— Оттого, что ты глупа, да и я, выходить, не уменъ!.. Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову! Поняла?

Анисимъ Петровичъ вырвалъ изъ рукъ жены эполеть и швырнулъ въ уголь.

Агнія Федоровна только ротъ разинула...

Запутался.

На дворѣ оттепель. Въ воздухѣ сыро и пасмурно; пасмурно и на душѣ молодого купца Антона Лукича Верхоглядова. Позднее мрачное утро застало Антона Лукича въ постели. Проснулся онъ и повернулся сердито на «кровати тесовой, на перинѣ пуховой»; затѣмъ открылъ опухшіе глаза, посмотрѣлъ на окно со спущенной сторой, слабо пропускавшей дневной свѣтъ, и опустилъ кудластую голову на подушки.

— Дома! — успокоился онъ, зѣвнувши всласть, — за что я себя хвалю? За аккуратность. Какъ бы безофенъ не былъ, ни разу въ части не ночевалъ. Это правильно нашъ дохтуръ разсуждаетъ, что въ каждомъ хмельномъ купцѣ собачій истиктъ сидитъ. Къ дому его завсегда тянетъ. А вчирась какая игра была — страсть! По такой игрѣ за Можай уѣдешь, а я у себя дома на постелькѣ. Молодецъ Антоша! — похвалилъ онъ себя вслухъ, — и голова даже ничего... Ходятъ махонькія облочка, но тучъ никакихъ... А любопытно бы теперича узнать, что въ настоящее время на улицѣ: день, вечеръ али утро? Жена не спитъ, зна-

читъ, вечеръ. Кваску бы теперь для спасенія души... Эй, кто тамъ? — крикнулъ онъ, поднимая голову съ подушекъ: — Настичка-а!.. Настюша-а-а!.. Настюшенька-а!.. Да, ужъ это вѣрно: обозлившись теперича сидить въ залѣ и не откликается!.. На платье для миру придется разориться, ничего не подѣлаешь! Такая ужъ у нашихъ бабъ замоскворѣцкая политика заведена: какъ проштрафишься, такъ сейчасъ съ тебя контрибуцію!.. Оно такъ и слѣдуетъ: не гуляй одинъ, гуляй съ маменькой!.. Эй, кто тамъ?!.. Кто въ живыхъ есть; люди али человѣки, мнѣ все одно!.. Тьфу! Что они провалились, что ли, всѣ! Стой, дай-ка я караулъ дерну, авось кто ни на есть почувствуетъ! Карррау-уль!..

Въ сосѣднихъ комнатахъ раздались шаги.

— То-то! А то васъ хоть весь вѣкъ кричи, не докличешься!

— Антонъ Лукичъ, вы проснулись? — спрашивалъ за дверью спальни женскій голосъ.

— Извѣстно, проснувшись... Ору, стало-быть, проснулся...

— А, можетъ, вы во снѣ это... Часто таково бываетъ: навалится домовой, ну и...

— На меня, братъ, не навалится... Принеси квасу пожалуста, да похолоднѣе!

— Сейчасъ-съ! Обождите минутую!..

— Извольте-съ, обождемъ!.. Ффу-у ты, тетенька родная!.. Лежишь — ничего! Какъ поднялъ башку — сейчасъ калидоскопъ разныхъ красокъ!.. Боли никакой, а туманныхъ пейза-

жевъ хушь отбавляй... Оттого, что перепили! Вопросъ: игдѣ мы нарумянились такъ?.. Съ квасомъ, что ли?

— Съ квасомъ, Антонъ Лукичъ! Можно взойти? — слышался за дверью женскій голосъ.

— Ползи! Холодный?

— Прямо съ погребу! — отозвалась среднихъ лѣтъ бабенка въ темномъ шугаѣ, ставя графинъ квасу на столикъ къ постели.

— Налей!.. Не знаешь, игдѣ сичасъ жена находится?

— Настасья Семеновна-то? Надо полагать, дома! Игдѣ жъ ей быть, акромѣ какъ дома!.. Испейте, родной, холодненькаго-то! Очухайтесь малость...

— Ффу-у! Хорошо! Ну-ка еще порцію! — говорилъ Верхоглядовъ, вглядываясь въ наливавшую квасъ бабенку: — тьфу, что за пропасть! Арина, это ты?

— Я, Антонъ Лукичъ, я, родной...

— Бабенькина Арина?

— Такъ точно... Вашей бабеньки горничная...

— То-то я гляжу, совсѣмъ ты на мою Мавру не похожа... Ну, что бабенька? Здорова?

— Слава Богу, здравствуетъ... Жалилась авчерась на поясницу, а нонича отпустило...

— У стараго человѣка завсегда, братъ, поясница не въ порядкѣ... Чуть къ погодѣ, ну и сичасъ ломъ... Нашатырнымъ спиртомъ растерла бы...

— Растирала, Антонъ Лукичъ, въ четыре руки авчерась растирали...

— Растирала, говоришь? Это хорошо! Старого человѣка покоить надо... Такъ-то! На-лейка-съ еще... Хорошо! Совсѣмъ другой мотивъ въ башкѣ пошелъ!.. По крайней мѣрѣ сображать могу!.. Ты что жъ это, по дѣлу какому къ моей бабѣ пришла, али такъ?

— Чиво-съ?—передвинула бабенка платокъ на головѣ.

— Зачѣмъ къ намъ-то, говорю, пришла? Бабинька, что ли, прислала зачѣмъ?

— Я у васъ, родной, со второго дня Рождества не была...

— Тьфу, ты безтолочы!.. Знаю, что на второй день славить приходила! Теперь-то по какому дѣлу пришла?

— Да, вѣдь, звали же вы... Проснумшись, значить...

— О, Господи!.. Человѣкъ авчерась кругосвѣтное путешествіе сдѣлалъ и вдругъ такая дура!.. Ты игдѣ сичасъ?

— У себя-съ!

— У себя-съ, у себя-съ! Да гдѣ «у себя-съ»-то?

— На Покровкѣ-съ!..

— Вотъ онѣ, святки-то! Одна только прислуга у старой бабенки, и та напилась!.. Безпремѣнно это моя Настасья ей безо время поднесла!.. Завела тоже манеру: кто бъ только къ ей ни пришелъ, сичасъ водкой накачивать!..

— Да, Господь съ вами, Антонъ Лукичъ! Да я отродясь и вина-то въ ротъ не брала...

— Не брала, а разговоръ прямо по тридцать второму номеру! Дыхни!

— Извольте... Только совсѣмъ это вы напрасно!..

— Квасомъ пахнетъ!.. Хватила и квасомъ запила!..

— Не выпались вы, родной, вотъ что!.. Поспали бы еще часокъ другой, авось бы въ себя взошли...

— Ну, святки! Урѣзала лишнюю и мнѣ же совѣты... Пшла вонъ! Пошли ко мнѣ Мавру!..

— Ужъ я и не знаю, Антонъ Лукичъ, какъ и быть... Посылать-то за вашей Маврой некого... Дворника только-что сейчасъ ваша бабенка къ Настасѣ Семеновнѣ послала...

— Да куда, иродъ ты этакій, послала-то?

— Да къ вамъ же въ домъ...

— Тьфу!.. Да я-то гдѣ жъ, по-твоему, нахожусь? Въ Басманномъ частномъ домѣ, что ли?

— Зачѣмъ въ частномъ... Избави Богъ кажнаго отъ этого... У бабенки вы своей находитесь...

— Я у бабенки?

— Вы-съ!.. Господи, ужли запоматовали?

— Врешь!.. Ключнула ты баночку и несешь ахиною... Побожись!

— Ей, ей же, родной, у бабенки... Она вамъ и спальнею свою уступила...

— Вотъ такъ спаржа съ голанскимъ соу-
мясницкій.

сомъ!.. Не доѣхаль, значить, до мѣста жительства-то... Чисто!.. Какимъ же это я манеромъ къ ей затесался-то, а?.. Хоть убей, никакого историческаго воспоминанія!..

— Въ четвертомъ часу утра на тройкѣ пріѣхали... Я, говоритъ, у бабеньки у своей, у родной, переночую, потому никогда у ей ночевать не доводилось!..

— Одинъ пріѣхаль?..

— Вдвоемъ!.. Другой-то дальше поѣхаль...

— Кто жъ это со мной былъ? Кумъ, али Переплетовъ?

— Не могу знать... Во всей только потерянности... Дворникъ нонѣ рассказываль, что у кажныхъ воротъ звонить зачалъ... Позвонить, и сичасъ дворнику вопросъ:—здѣсь моя тетенька живетъ, али нѣтъ? У пятаго звонка ужъ его полицейскіе для пріюту забрали... Потому видють тоже, что человѣкъ всѣ свои адреса растерялъ...

— Это Переплетовъ! Онъ какъ напьется, сичасъ тетку свою разыскивать начнетъ... А она ужъ три года, какъ на томъ свѣтѣ... Ну, а я-то ничего? Въ своемъ видѣ былъ? Не напугаль бабеньку-то?

— Видъ-то у васъ, родной, былъ, но только ничего въ емъ натурального не было... Нашъ дворникъ Василій пущать было васъ не хотѣлъ...

— Это почему?

— За мамзель васъ принялъ?

— Какъ за мамзель? Что онъ, ошалѣлъ, что ли?

— Шапочка-то ваша, стало-быть, потерявши была, такъ вы шерстянымъ платкомъ головку-то укутали... «Вылѣзла, говорить, мамзель въ енотовой шубѣ и ломится... Я ее этакъ въ сторонку, а она меня въ зубы... Тутъ только, говорить, я и догадался, что это Антонъ Лукичъ!..»

— Совсѣмъ святочный водевиль! Не ругалась бабенька-то?

— Ругаться не ругалась, а серчать—дюже серчали... И въ особенности за попку...

— Это что за бенефисъ такой еще?

— Попугая вы ейнаго на смерть задавили...

— Вотъ такъ фантазія... Взаправду?

— На смерть... Главное, на ногахъ не тверды были... Какъ шарахнулись на клѣтку, клѣтка подъ васъ, а попугаяю смерть!..

— Тьфу! Новый расходъ на попугая!.. Какъ вѣдь говорилъ куму: будетъ!.. Нѣтъ-таки, накалилъ!.. Теперь жена безпремѣнно тѣхъ мнѣніевъ, что меня въ частный домъ забрали!..

— Бабенька нонѣ спозаранку дворника увѣдомить къ вамъ послала, что дескать живъ и у насъ почиваетъ...

— Значить, сичасъ лаяться пріѣдетъ... Какъ почнуть съ бабенькой въ два языка стругать — смерть!.. Налей-ка еще квасу!.. Ф-фу!.. Никого еще я у васъ тутъ не придавилъ?

— Кажется, что никого, а навѣрное сказать не могу, потому не была при вашихъ дѣлахъ...

— Навѣрно, что-нибудь еще устроилъ... Бабенъка-то, старая, жива ли?

— Ничего, какъ слѣдоваетъ...

— Ну, слава те, Господи, по крайности хоть она-то въ цѣлости... Гдѣ она по сіе время?

— Въ образной у себя... Богу молится...

— Внучковы грѣхи замаливаетъ, это вѣрно!.. Ты вотъ что, Арина... не трожь ее, пушай ее Богу угождается... а я сейчасъ одѣнусь, умоюсь и маршъ въ городъ... ты пойми: совѣстно мнѣ бабенкѣ на глаза показаться... почтительный внукъ и вдругъ любимаго попугая на смерть задавилъ... я къ ей лучше въ своемъ видѣ для извиненія... Поняла?

— Слушаю-съ!.. Оно и точно, что лучше выдетъ: бабенъка-то ваша и то цѣльное утро ругать васъ собиралась, да слова разныя подбирала...

— Ну, вотъ видишь!.. Нездоровому человѣку и вдругъ кислое междометіе!.. Хорошее похмелье, нечего сказать... ступай!.. Да попроси хушь у кучера картузь... главное мнѣ до городу доѣхать...

— Приготовлю, не знаю только, налѣзетъ ли кучеровъ-то картузь на васъ...

— Напялю какъ-нибудь!... О, Господи!... Гдѣ это я шапку-то посѣялъ? Пятьдесятъ цѣлковыхъ далъ!... Убытки за убытками! — говорилъ

Верхоглядовъ, поласкаясь у умывальника:—и рожка же, хоть святыхъ вонъ выноси!—подошелъ онъ къ зеркалу:—совсѣмъ актерскій ликъ при полной гримировкѣ! Синія полосы отъ коньяку, а бѣлыя отъ ледеру!... Желтыя-то отчего, вотъ вопросъ? Отъ мадеры, кажется, никакой полосатости не бываетъ!... Батюшки, только двѣнадцатый часъ, а я на вечерни упованіе возложилъ!... Ну, теперича очинно просто, отчего желтыя полосы... не доспалъ!... Какъ не доспишь, сейчасъ тебя въ желтизну ударить!... Оттого, что кожа нѣжная!... И желтитъ, и пестритъ!... Тьфу! На себя даже глядѣть противно!... Приѣду въ городъ, пошлю приказчика къ Ускову за платьемъ и замѣсто кулъера отошлю его бабѣ!... Авось смягчитъ!.. Ну, теперь аля маширь контрабандой въ городъ!..

Спустя десять минутъ Верхоглядовъ въ картузѣ, поминутно взлѣзавшемъ на макушку, закутавши лицо воротникомъ шубы, ѣхалъ въ городъ...

Купивши по дорогѣ шапку, Верхоглядовъ приѣхалъ въ лавку; помолившись на образа и поздоровавшись съ молодцами, онъ кивнулъ головой старшему приказчику и направился наверхъ въ палатку.

— Ну, что дома? Какъ?—спросилъ онъ у приказчика:—вой былъ?

— Такъ точно-съ!—отвѣтилъ тотъ:—женское поведеніе извѣстное-съ!.. Всю ночь, можно сказать, сумлѣвались, подъ утро ужъ, полу-

чимши отъ бабенки вашей извѣстіе, успокоились...

— Такъ. А я, понимаешь, спронтomъ къ бабенкѣ... тары, да бары... ложись, говоритъ, авось ужъ одну-то ночь у родной бабенки проспать можешь... Понялъ?

— Понялъ-съ. Это бываетъ! — согласился приказчикъ:—бабенку ежели не уважишь— послѣднее дѣло-съ!

— Ну, вотъ. А жена-то, чай, и Богъ знаетъ что вообразила... кутить, молъ, а?

— Да, ужъ одно дѣло-съ! Женскій умъ за- всегда въ одномъ направленіи...

— Оттого, что дуры... ну, какъ я бабенку не уважу, скажи пожалуйста?

— Не уважить нельзя-съ. Сичасъ кумъ вашъ молодеца присылали: не взялъ ли, говорить, онъ у меня авчирашняго числа у «Юля» бумажника подъ сохраненіе?

— Тьфу! Вотъ дуракъ-то... да я его и въ глаза авчира не видалъ... пойду сейчасъ къ нему для разъясненія... хватилъ лишнее и сейчасъ за меня ухватился! Воображеніе тоже!.. Я пойду, а ты вотъ что: сходи къ Ускову и платье пофасонистѣе отбери... Понялъ? Чтobъ бабѣ ротъ за бабенкинъ ночлегъ заткнуть!.. Отбери и отошли!.. Да накажи, что Антонъ Лукичъ, молъ, изъ городу прямо домой!.. Ну, ну!.. То-есть такая это у кума память... челвѣка въ глаза не видалъ, и вдругъ ему бумажникъ подавай!..

Спустя четверть часа оба кума сидѣли у Бубнова.

— Нѣтъ, хорошъ ты, погляжу я на тебя!— говорилъ Верхоглядовъ, наливая рюмку: — за бумажникомъ вздумалъ присылать! Что приказчики обо мнѣ подумаютъ? Ночевалъ я у бабенки и вдругъ у «Юля» очутился! кумъ, а дуракъ!.. И гдѣ ты бумажникъ-то посѣялъ, скажи пожалуйста?

— Не помню. Либо вытащилъ кто, либо выронилъ...

— Да ты ночевалъ дома?

— Кабы дома и разговору никакого... ты хошь къ бабенкѣ попалъ, а я, братъ, на Прѣсню затесался... къ чиновнику... проснулся, поглядѣлъ въ окно—совсѣмъ на Таганку не схоже...

— Да гдѣ ты его подцѣпилъ-то, чиновника-то?

— Забылъ! Въ «Стрѣльнѣ»-то, помнишь?

— Впервой отъ тебя слышу!

— А ругаешься... еще ты къ ему крестить набился...

Поздно вечеромъ вышелъ Верхоглядовъ изъ трактира и, пошатываясь, сталъ нанимать извозчика.

— Извозчикъ! на Ки-и-ма-анку!

— Куды-съ? На Полянку?—подлетѣлъ возница:—садитесь, за четвертакъ свезу!..

Верхоглядовъ сѣлъ въ сани, и, пробурчавъ извозчику: ва-али! надвинулъ шапку на глаза. Ночь, по думскому календарю, была лунная

и поэтому на улицахъ царила «пріятная газовому обществу и жуликамъ» темнота. Верхоглядовъ дремалъ и представлялъ себѣ, какъ его встрѣтитъ дома жена, Настасья Семеновна.

Первое слово: «измѣнщикъ и крокодилъ!» проносилось у него въ охмелѣвшей головѣ; второе за симъ: «не подходи ко мнѣ оцарапаю», и сичасъ слезу пустить:—Дура, ты пойми!—«Ахъ, отойди прочь, безсовѣстный!..» — Настя!—«Прочь!..» — Настюша-а! — «Извергъ» и все прочее по алафвиту!.. Ежели платьемъ потрафилъ—миръ черезъ часъ, апосля ведра слезъ, а ежели нѣтъ? Тьфу!..

— Купецъ, куды прикажете?—повернулся къ нему извозчикъ.

— А? Что? Пріѣхали?—вынырнулъ Верхоглядовъ изъ воротника:—ну, вотъ тутъ и ищи! И темъ же... своо дома не найдешь!.. Поѣзжай по правой рукѣ... какъ желтыя ворота будутъ, такъ, значить, мы и дома... Стой, стой!.. И мой, и не мой!.. Нѣтъ, мой!.. Вонъ въ спальнѣ лампада горитъ!.. Держи четвертакъ и будь здоровъ!..

Извозчикъ отѣхалъ. Верхоглядовъ подошелъ къ воротамъ и дернулъ за ручку звонка. Дернулъ онъ во второй разъ, въ третій, въ пятый, въ десятый... Никто! Только однѣ собаки заливались яростнымъ лаемъ, царапая отъ злости ворота.

— Передохли, бестіи!—ругался Верхоглядовъ, чуть не обрывая звонокъ:—завтрева же Василью расчетъ! Замѣсто сторожки дрыхнуть

изволить! Этакъ долго ли до грѣха, живо обворуютъ... и темъ-то для этого самая подходящая!... Шарикъ! Жучка! Цыцъ! Свово хозяина не узнали, шельмы!.. Подите лучше, да стащите дворника за ноги!.. Никого!.. Жучка, цыцъ!.. Ну, святки!.. И домъ вотъ онъ и никакъ въ него не попадешь! Дворникъ!.. Дво-о-орникъ!.. Дай-ка еще дерну разокъ! Тьфу! Совсѣмъ оторвалъ!.. И звонка нѣту, и окромя собакъ ни одной души! Что же теперь дѣлать, а? Опять къ бабенкѣ, выходить? А жена? Нѣтъ, ужъ я лучше черезъ заборъ махну... Лазаютъ же приказчики, хозяину и Богъ велѣлъ!..

Верхоглядовъ всталъ на тумбу, торчавшую около калитки, занесъ ногу и съ трескомъ перевалился на дворъ. Собака кинулись на него и въ одну минуту изъ енотовой шубы получилось рѣшето.

— Шарикъ! Жучка!—оралъ на собакъ Верхоглядовъ, отбиваясь отъ нихъ попавшимъ подъ руку метельникомъ:—хозяинъ вѣдь я вашъ, дурья порода!.. Батюшки, совсѣмъ это не Жучка... и откудова только такихъ звѣрей Василій напустилъ!.. Ва-асил-ей! Идо-оль! Долго ль мнѣ васъ будить-то!..

Гдѣ-то хлопнули двери и къ воротамъ подбѣжало двое или трое мужиковъ. Одинъ изъ нихъ отгонялъ собакъ, остальные схватили Верхоглодова за шиворотъ.

— Ты зачѣмъ это сюды попалъ? А?—кричала рыжая борода, встряхивая воротникъ

купца:—погоди, мы-те научимъ, какъ черезъ заборъ лазить!..

— Василій! Это я... Хозяинъ твой, болванъ этакой, пусти!

— Ишь ты, братцы, жуликъ-то какъ притворяется! Василья какого-то сочинилъ! Луи его...

— Братцы!.. Постойте!.. Какъ вы смѣете свою хозяина?

— А вотъ, мы-те покажемъ хозяина!.. Хозяинъ нашъ спитъ давно и сны хорошіе видитъ.

— Ну, исторія!.. То-ись никакъ въ свой домъ не попадешь!.. Ребята, тутъ ошибка вышла...

— А вотъ, мы тебя за эту ошибку сперва напоемъ, а потомъ въ участокъ причесывать поведемъ! Силантій, лупи жулика!

Всю улицу всполошили неистовые крики купца, «утрафившаго» въ чужой домъ для ночлега... А чрезъ нѣсколько времени его уже вели въ участокъ, награждая подзатыльниками.

Верхоглядовъ смиренно шелъ въ «полицію» и запахиваясь изорванной въ клочья шубой, бормоталъ себѣ подъ носъ:—«ну, святки!» Второй день никакъ домой не попадешь!.. Нѣтъ, каково теперича моей бабѣ встрѣтить меня: замѣсто лица—ночной пейзажъ съ даровымъ освѣщеніемъ!.. въ жулики даже попалъ!.. А шуба-то, шуба-то... Триста пѣлковыхъ на чужихъ собакъ стравилъ... Тяжела ты, жисть купеческая, сейчасъ провалиться!.. Тьфу!..

ПОСЛѢ ВИЗИТОВЪ.

Первый день. Рождества. Купеческій домъ средней руки. Все блеститъ, начиная съ румяныхъ, подернутыхъ праздничнымъ елеемъ, щекъ хозяйки и кончая паркетнымъ поломъ, въ который можно смотрѣться, какъ въ зеркало. Нѣкоторые изъ визитеровъ и въ самомъ дѣлѣ смотрѣлись затылкомъ, но такихъ охотниковъ было немного: какой-то бородачъ изъ Рогожской, залетѣвшій съ двадцатымъ визитомъ, и совсѣмъ безбородый юноша, вздумавшій расшаркаться передъ хозяйкой по самой послѣдней модѣ, усвоенной имъ у учителя танцевъ.

Въ комнатномъ воздухѣ ложится тонкій запахъ старой мадеры, смѣшанный съ запахомъ спирта, сыра и провѣсной ветчины. Въ столовой на длинномъ столѣ, заставленномъ бутылками, графинами и тарелками съ всевозможными закусками, царитъ совсѣмъ не живописный безпорядокъ и нѣтъ ни малѣйшаго намека на «ранжиръ» и «дисциплину»: даже для ненаблюдательнаго глаза замѣтно, что визитеры около стола потрудились въ

потѣ лица, не щадя ни хозяйской любезности, ни собственныхъ желудковъ.

Дѣло къ вечеру. Визитеръ схлынулъ и наступило затишье.

Сама, проводивъ послѣдняго визитера, — какого-то чахлаго мужчину съ впалой грудью и широкимъ, какъ у акулы, ртомъ, который (визитеръ, а не ротъ) благодарилъ хозяйку за угощеніе и икалъ послѣ каждаго слова, — направилась довольно нетвердыми стопами въ гостиную.

— Выпить бы ему... мадеры еще, что бѣ икота прошла, — говорила она, поправляя свою прическу передъ зеркаломъ, — право, выпить бы... Матрешъ! Матреша! — крикнула сама по направленію къ передней.

— Чего изволите, Анна Федоровна? — прилетѣла на зовъ горничная, гремя накрахмаленной юбкой.

— Ушелъ этотъ... какъ его?..

— Пѣвчій-съ?

— Да не пѣвчій... а этотъ... который сейчасъ съ визитомъ-то?

— Палъ Семенычъ?

— Да. Ушелъ?

— Ушли-съ.

— Да, можетъ, тутъ еще топчется...

— Палъ Семенычъ? Да для какой же благодати ему у насъ топтаться-то-съ?

— Очень просто. Не попадетъ въ свою калошу и топчется.

— Нѣтъ, ушли-съ.

— А ты погляди, поди.

— Собственными своими руками ихъ въ сани подсаживала и «подлость» на нихъ застегнула.

— Скоро что-то онъ попасть въ свою калошу. А давеча этотъ... подрядчикъ-то...

— Лука Парамонычъ?

— Да. Съ полчаса въ свою калошу-то лѣзь.

— И даже, Анна Федоровна, два раза назадъ ворочались: все имъ кажется, что быдтобы они въ чужихъ калошахъ ушли.

— Зрѣніемъ ослабъ человѣкъ.

— Совсѣмъ ослѣпшій визитеръ.—Вотъ, говоритъ, тебѣ на праздникъ серебряный рубль!— Я-то ему вслѣдъ разныя благодарности, а потомъ гляжу, замѣсто рубля-то — пяточекъ мѣди!

— Ужли пятачекъ?

— Сичасъ провалиться! Совсѣмъ зрѣніемъ ослабши.

— Да ты бы, глупая, ему сообщила насчетъ ошибки-то... Ворочался вѣдь онъ назадъ?

— Ворочался. И сообщила.

— Ну? А онъ что?

— Лука Парамонычъ-то?

— Да. Ослѣпшій-то?

— Да что имъ, выпившимъ-то... смѣются... «Это, говоритъ, милая, съ твоей стороны одинъ шантажъ»... Это что же за шантажъ такой, Анна Федоровна?

— Не знаю. Слыхала: многіе изъ мужчинъ

это слово произносятъ, а что оно означаетъ, не знаю. Просто, я такъ думаю, глупое мужчинское слово.

— Вотъ и я такъ же думаю, Анна Федоровна, потому онъ, Лука Парамонычъ, послѣ этого слова цѣловаться лѣзь.

— Сперва глупое слово, а потомъ глупое дѣйствіе.

— Вотъ и я такъ же думаю, Анна Федоровна. А вамъ зачѣмъ Паль Семенычъ, то нуженъ былъ?

— Да икать ужъ очень сталъ при прощаньи. Ну и думаю, вернуть его для мадеры.

— Куда ужъ имъ,—махнула рукой горничная,—и такъ извозчикъ ихній мнѣ смѣется,—не въ участокъ ли, говорить, мнѣ его прямо вести!

— Ногами очень ослабъ?

— Паль Семенычъ? Ногами, Анна Федоровна. И ногами, и языкомъ.

— Языкъ-то, кажется, еще у него ничего?

— Какое ничего... прямо ничего не стоящій языкъ, на мой взглядъ. Кричитъ мнѣ вдругъ: «порку!». Я и такъ и сякъ, — какую, говорю, вамъ, Паль Семенычъ, порку? Возрасты у васъ сичасъ не такіе, чтобъ васъ пороть! Порють махонькихъ, да и то не за всякое баловство, а за которое стоящее.

— Ну?

— Ну, а онъ все свое. Топаеть ногами и ореть: «порку!» да и только. Насилу, насилу ужъ я поняла, что онъ вовсе не порки про-

силь, а чтобъ я его подъ руку взяла, да до саней проводила... «подъ руку»-то онъ выговорить не можетъ, «порка» только выходить.

— Бѣда съ этими визитерами... и сами себя испортили, и хозяйку неволятъ. Красное у меня лицо-то, Матреша?

— Какъ кумачъ, Анна Федоровна.

— Каждый изъ визитеровъ неволить, оттого и въ жаръ ударило... а языкъ у меня ничего!

— Кажется, правильный языкъ.

— Охъ, тяжело. И прилегла бы я сейчасъ, да, того гляди, самъ съ визитовъ пріѣдетъ и подниметь... только хуже себя разломаешь... иль прилечь?

— Приляжете. Можетъ, самъ-то и не въ скоромъ времени вернется.

— Долженъ подѣхать... онъ завсегда до этого времени визирте... визирти... Языкъ у меня словно портится, а?

— Маленечко косноязычить-сь, Анна Федоровна... слегка этакъ быдто.

— Сама чувствую, что не тотъ сталь... авось теперь никого не будетъ изъ этихъ... какъ ихъ...

— Визитеровъ-то? Да ужъ теперь, кажется, больше никому. Всѣ, по моему расчету, перебывали... Я думаю, убрать со стола - то? Дрызги-то?

— Убери, Матреша. А если кто и налетитъ невзначай, можно подать что-нибудь... только ужъ ежели очень плохой кто пріѣдетъ,

говори лучше, что никого дома нѣтъ. Никого, моль, всѣ того... какъ это...

— Скажу-съ. Да теперь некому... А вотъ кто-то и легокъ на поминѣ. Звонять-съ!

— Иди отпирай. И ежели этотъ... верти... верзिति... испортили языкъ, аспиды!

Горничная шмыгнула въ переднюю. Сама помахала на разгоряченное лицо платкомъ и присѣла на диванъ.

Въ передней слышались голоса и, мину-ту спустя, въ гостиной появилась массивная фигура «самого» съ самой праздничной физиономіей.

— Бонжуръ!— хриплымъ голосомъ проговорилъ самъ, щуря едва смотрѣвшіе на свѣтъ глазки.

— Это ты, отецъ! А я думала этотъ... вирзитеръ... вертиси... тѣфу!

— Я!—проговорилъ самъ и опустился на диванъ рядомъ съ женою, —фу-у! Усталъ, мать!

— Много?

— Выпили-то?

— Нѣтъ... вирзи... верти... энтого... ѣздиль-то?

— И не говори, —мотнулъ тотъ головой. — Кумъ тебѣ... кума... Федъ Федычъ... Гриль Грилычъ...

— А тебѣ какъ его... Митъ Митчъ... Паль Палчъ?

— Лысый?

— Лысый.

— Такого... не знаю.... Рыжій?

— Икъ!—икнула сама, тяжело дыша,—заразиль-таки! Былъ этотъ... икалъ.

— Ну?

— Ну, и.... уѣхалъ... рыжій.

— Не знаю. Тешш-шка тебѣ... поклонъ... Даръ Ванна... этотъ у ней... гри... гри...

— Григорій Семенчъ?

— Нѣтъ. Этотъ... Гри... грипъ... Кашляетъ и сморкается... докторъ прѣзжалъ... вѣрно все, говоритъ, что у ней, у тешш-шки, этотъ будетъ... ну, вотъ, знаешь... у тебя еще онъ былъ... какъ его... бринъ... брекъ... бранъ...

— Брандеусовъ? Да онъ три года тому... икъ!.. померъ.

— Дура! Бронъ... Бронхитъ, а не Брандеусовъ... Много было? Съ визитами?

— Ахъ, какъ много... языкъ испортили, чего ужъ... хочешь одно, а онъ не то... и видишь, а не поправишь.

— Пройдетъ. Фу-у! За уши кого-то трепалъ... и почему—неизвѣстно.

— И кого не знаешь?

— Не знаю. Либо у тешш-шки, либо у кума...

— А къ намъ нѣмецъ заѣхъ... о-охъ! верти... верзитизерь...

— Ну?

— Выпилъ бутылку ренвейна, а потомъ такъ изъ разговора вышло, что онъ не къ мясницкій.

намъ... ему бы къ сосѣду, а онъ, глупый, къ намъ... значить, вовсе не къ намъ.

— И я тоже... думалъ къ вамъ, то бишь, къ намъ... къ энтимъ... и вдругъ и не къ намъ и не къ вамъ, а къ чужимъ онымъ... Ничего! Очень даже пріятно вышло... она этакая мадамъ... въ три языка можетъ... и онъ парень не глупый, только пить не можетъ.

— Да кто они? Чужіе-то?

— Какъ ихъ... Петровы... или Васильевы? Шутъ ихъ знаетъ... повидимому, они обообразъ меня хотѣли... видятъ, чужой человѣкъ и вдругъ — милости просимъ! Хорошо, что онъ не пьетъ... не можетъ... а ежели бы пилъ? Крышка! А?

— Какая ужъ тутъ крышка. Ты только бутылку пробкой, а верти... верзиторъ неволить: пригубьте за «кампанію»... ну, все губила, губила, да и нагубилась... Соснуть бы... а?

— Пойдемъ, мать! Кому праздникъ, а намъ усталъ... я съ визитами, а ты съ визитерами... Фу-у! Авось теперь никакой собаки... але, мадамъ!

— Вуй, отецъ! О-охъ!.. Въ глазахъ-то у меня сейчасъ два отца... который настоящій-то? Отецъ! Давай руку...

Супруги сплелись подъ ручку и праздничной походкой направились почивать.

Въ передней гремѣли звонки.

В а ф л и.

— На французской выставкѣ сейчасъ вафли пекутъ. По моему, это допущеніе неправильное. Грѣхъ только одинъ. Идешь ты, напримѣръ, мимо и вдругъ тебя французинка этакъ ручкой, и глазки при этомъ сладкіе... «дескать, ужели ты на столько свинья невѣжественная, что мою вафлю не попробуешь?..»

При полной симпатіи къ французской наші неловко, знаете, даже ихнюю коммерцію не поддержать... Видишь, все-таки что французинка старается, изъ кишекъ вонъ лѣзетъ, чтобъ тебя на вафлю поймать, слова тебѣ разныя этакія вкусныя говорить, — и подойдешь къ прилавку-то вафельному... Съѣшь штучки три, сунешь три гривенника, она сейчасъ тебѣ «мерси» завинтитъ, да еще улыбку во всю щеку за ту же цѣну припуститъ... грѣхи!.. Извѣстно, это грѣхи французскіе, а все-таки и за ихъ на томъ свѣтѣ отвѣчать придется.

Главное, почему я на выставкѣ вафли бы запретилъ: вкусу въ нихъ особеннаго никакого нѣтъ, а всѣ жуютъ... Домой придутъ и дома хвалятся: я, говоритъ, на выставкѣ

вафли ѣль! Мода глупая. Быть на выставкѣ и не попробовать вафлю все одно, что зимой на тройкѣ за городъ поѣхать и не напиться до ризъ положенія... Никакого удовольствія не выйдетъ!

Намедни со мной изъ-за этой французской вафли какая непріятность вышла, — въ карманъ не покладешь.

Сходилъ я въ воскресенье къ обѣднѣ, пришелъ домой, напился чаю, да и думаю: погода великолѣпная, барометръ на хорошей позиціи стоитъ, махнуть бы куда-нибудь... для скуки... Не на французскую ли дернуть?

На французской чѣмъ хорошо? Мѣсто центральное: куда ты ни пойдешь, а въ ресторанъ безпремѣнно попадешь. Завсегда отдыхъ ногамъ есть. Хочешь къ Синюшину, хочешь къ Александрову, а то и къ Омону... У того ресторанъ съ продуваніемъ, сколько ни пей, ни въ жисть не запотѣешь. Сталъ жену съ собой приглашать. «Поѣдемъ, говорю, на выставку, провѣтримся!»

А вы Сергѣвну мою знаете, царь-пушка на подъемъ, раза три—четыре въ годъ ее изъ дому вытащишь, и то съ большимъ принужденіемъ: коли облаешь ее со всѣхъ сторонъ, выползетъ, а то хоть ты что хочешь съ ней... Обсидѣлась!..

Которыя сичасъ бабы обсидаются на одномъ мѣстѣ, ничѣмъ онѣ не интересуются... Снѣгъ ли на улицѣ идетъ, жары ли сорокъ градусовъ, «уру» ли гдѣ орутъ, али «карауль»

вопятъ, — имъ все одно, что для насъ съ вами какая-нибудь Бразилія, никакого дѣла нѣту!..

У мордвы некрещеной идола такіе есть: стоятъ они въ переднемъ углу по цѣлымъ годамъ и ни съ мѣста; рази только кто ихъ съ мѣста на мѣсто передвинетъ, али мочалкой черноту съ ихъ смоетъ.

Я Сергѣеву на выставку зову, а она: «чего я тамъ забыла?» — говоритъ.

Просиль, просиль — плюнуль.

— Дома, говоритъ, въ тысячу разъ спокойнѣе: пообѣдаю я сейчасъ и отдохнуть прилягу. А тамъ, глядишь, самоваръ скипитъ. Встану я къ самовару, Андревна придетъ и всякую мнѣ новость расскажетъ...

— Да какія новости-то, дура!

— Мало-ли у ней новостей: вонъ сосѣдь нонче щенята топить собираетъ, а Андревна безпремѣнно при утопленіи присутствовать будетъ... Поѣзжай одинъ, только вафлю мнѣ привези: ужъ очень всѣ хвалятъ. Какъ кто пріѣдетъ съ выставки, такъ первымъ долгомъ вафли нахваливать начнетъ... безпремѣнно привези!

Уговариваль, уговариваль — отсталъ. «Чортъ съ тобой, думаю; коли такъ, я и одинъ поѣду... Скучно, положимъ, въ одиночествѣ-то по Франціи болтаться, да авось тамъ кого изъ своихъ встрѣчу»...

Пріѣзжаю на выставку, подхожу къ кассѣ и прямо на сосѣда по лавкѣ натыкаюсь.

— Одинъ? — спрашиваю.

— Одинъ. Къ женѣ тамъ сестра изъ Серпухова пріѣхала... А ты?

— Тоже одинъ. Пробовалъ своротить съ мѣста свою тумбу-то, да такъ и не своротилъ.

— Пойдемъ обозрѣвать вмѣстѣ, коли такъ...

И пошли. Вдвоемъ-то много превосходнѣе обозрѣвать. Я одинъ, признаться, не люблю: и съѣшь не то, что надо, и выпьешь не какъ слѣдуетъ. Главное, никакого сочувствія апеки-ту. Сперва мы для начала обозрѣній пива зашли выпить; во-первыхъ пиво французинки подаютъ, а во-вторыхъ отъ жары прохлада. Сосѣдъ мой насчетъ дамскаго сословія не одну, можетъ, собаку съѣлъ, даромъ что человѣкъ женатый,—слѣдовательно его ужъ въ женскія мѣста ровно пчелу медъ тянетъ. Онъ это съ ней разные тамъ «бонжуры», да «комансовы» разводить, а я на пиво налегъ. Пиво-то черное на манеръ сусла, ну и того... мы въ полчаса четыре графина осадили. Пошли дальше.—Пойдемъ, говорить, къ французинкамъ шампанское пить...—Можно. Для скуки отчего-же? Пришли. Онъ это опять за «комансову» ухватился, а я за бокаль... главное не дорого: рубль бокаль и французская улыбка въ придачу. Между прочимъ двадцать четыре цѣлковыхъ отдали, потому у моего сосѣда съ французинкой «комансова» эта самая ужъ очень длинная вышла... отъ всей души, значить... Пошли дальше. Попали въ машинное отдѣленіе, поглядѣли какъ ледъ для редеру дѣлають и прошли въ садъ.

— А не пойти-ли, говорить, намъ ресторанъ Александрова обозрѣть.

— Пойдемъ. Обозрѣвать, такъ ужъ обозрѣвать какъ слѣдуетъ...

Идемъ. Смотримъ, вафельницы публику улыбками заманиваютъ.

— Погоди, говорю, жена вафлю купить просила... зайдемъ, купимъ!

Онъ опять «комансову» затанулъ, а я двѣ вафли завернулъ въ газету и въ карманъ пальта положилъ.

— Ну, говорю, ты тутъ тани свои бонжуры, а я тебя въ ресторанъ подожду...

— Да я, говоритъ, сейчасъ. Мнѣ съ французинкой не дѣтей крестить, я только съ ней изъ любезности...

И дѣйствительно, завинтилъ онъ ей прощальное слово и въ минуту меня догналъ.

— Ужъ очень, говоритъ, бабы занозистыя, не то что наши тетехи таганскія! Когда-то она раскачается, да когда-то языкомъ пошевелить, а эта начнетъ трещать, на курьерскомъ не догонишь!

Вздыхнули это мы съ нимъ отъ души и спросили себѣ коньячку... сидимъ это въ прохладѣ, смотримъ на публику и по наперстку глотаемъ. А тутъ еще компанія знакомыхъ подошла.

— Что, спрашиваютъ, пьете? Ужли коньякъ?

— Коньякъ!

— Да кто жъ его въ это время пьетъ? Теперь редеръ надо пить...

Извѣстно, согласились, потому по трактирной конституціи большинство голосовъ дѣлорѣшаетъ..

Да намъ, признаться, все равно было, что ни пить: такое въ головѣ обрусѣніе пошло, что не разберешь, какой ярлыкъ пьешь: печатаный али писаный...

Грѣхи! Вотъ этакъ попадешь въ компанію-то настоящую, и пропадешь! А главное, половину грѣховъ перезабудешь... никакого черезъ это раскаянія... У меня, вотъ, завсегда въ такихъ случаяхъ память слабая: какъ выпилъ лишнее, все перезабылъ... съ полгода спустя, можетъ, кое-что вспомнишь, а то и вовсе ничего!.. Со мной разъ какая исторія вышла: просыпаюсь я да и смотрю на мизинцѣ женское кольцо съ брилліантами... Что за шутъ! Гдѣ я его подцѣпилъ?.. У какой, на примѣръ, дуры снялъ? Хошь убей—не вспомню! Ломалъ, ломалъ голову—ни шиша... А баба моя, надо вамъ сказать, даромъ что въ родѣ царь-пушки, а страсть ревнивая: никакой посуды не пожалѣетъ, а ужъ объ тебя уничтожить. Совсѣмъ Ателла дикая! Помню, на примѣръ, я былъ за городомъ... пили... хоръ, между прочимъ, пѣлъ... а что дальше происходило, трудно рассказать... вспоминалъ день, вспоминалъ два, такъ и плюнулъ. Пошелъ какъ-то на Москву рѣку прогуляться, да кольцо это дамское въ нее и закинулъ: чортъ его знаетъ, попадетъ еще на глаза женѣ,—все столпотвореніе подниметъ. Толь-

ко что же вдругъ! Встрѣчаю недѣли двѣ назадъ нѣмца одного знакомаго.—Ты бы, говоритъ, хоть обѣдомъ меня угостилъ, дешево я тебѣ кольцо-то продалъ!

— Какое кольцо?—А послѣ покойной жены. Триста самъ далъ, а тебѣ за полтораста съ пьяныхъ-то глазъ въ ресторанѣ продалъ!.. Такъ онъ меня, я вамъ скажу, этими словами ровно ершами къ мѣсту пригвоздилъ... Изъ-за памяти проклятой полтораста цѣлковыхъ въ рѣку бросилъ!.. Положимъ, я его обѣдомъ не угостилъ, а свиньей обругалъ, чтобъ безпамятному человѣку колечъ не продавалъ, а полтораста цѣлковыхъ-то нѣтъ. Такъ и на сей разъ вышло. Послѣ редера мы пошли... а куда пошли,—совсѣмъ Гордѣевъ узелъ. Надо полагать, что въ театрѣ Омона были, потому на другой день я въ бумажникѣ афишку нашелъ и счетъ изъ загороднаго ресторана, на которомъ, между прочимъ, такую бухгалтерскую статью начертали: «дано хористкѣ Маришѣ на новые сапоги 50 рублей». Приѣхалъ домой я часа въ четыре утра съ выставки-то и завалился по обыкновенію на свой одеръ сафьяновый. Проснулся, гляжу десятый часъ. Заторопился въ городъ, а тутъ жена пристаесть:—ну, что на выставкѣ видалъ?

— Все видѣлъ...

— Такъ хорошо значить?

— Великолѣпно. Дура ты вышла, что не поѣхала. Прощай, надо въ лавку торопиться.

— А вафлю мнѣ привезъ?

— Двѣ даже. Ужли ты думаешь, что я объ тебѣ позабуду? Въ карманѣ пальта онѣ лежать... возьмешь послѣ; я пальта не надѣну, нонче жарко...

Чмокнулъ ее въ разиню и полетѣлъ скорѣй въ городъ. Приѣзжаю, а тамъ ужъ покупатели. Провозился съ ними часа два, повелъ въ трактиръ завтракомъ кормить... тары да бары, балычекъ съ водочкой, лафитъ съ цыпленкомъ—время-то не видать... прихожу въ лавку часа въ четыре, а тамъ ужъ меня кумъ дожидается...

— А, говорю, куманекъ любезный, сердцу моему преполезный... какъ живешь, давно не видалъ... Кумушка моя родная здорова ли?

А онъ на меня уставился и даже нижней губой затрясъ.

— Подлецъ, говорить, ты и мерзавецъ!

Я даже пополовѣлъ весь. Во-первыхъ, неожиданно это, а во-вторыхъ при всѣхъ: приказчики тутъ и артельщики...

— То-есть, какъ это, говорю, подлецъ? На какомъ полномъ основаніи?

— А на томъ, говорить, что я тебя, стараго чорта, за честнаго человѣка считалъ, а ты, за мѣсто того, съ моей женой амуры завелъ... Плевать я на тебя послѣ этого хочу.

И, можете себѣ представить, прямо такъ-таки въ морду мнѣ плевокъ и залѣпилъ.

Обтираюсь я и глазами хлопаю: ничего не пойму, хоть убей!

А онъ мнѣ платокъ развертываетъ... шел-

ковый такой платочекъ, голубенькій... по угламъ амуры вышиты, а въ середкѣ шелкомъ: «милой моему сердцу кумушкѣ, на память счастливыхъ часовъ свиданья»...

Верчу я этотъ платокъ въ рукахъ и головой мотаю.

— Хошь убей, говорю, ни шиша не понимаю.

— Не понимаешь? А моей женѣ платки съ надписями на выставкѣ покупаешь? Подлецъ ты, говоритъ, былъ—и подлецомъ до гроба останешься! Больше я съ тобой и знаться не желаю!

Плюнулъ онъ еще разъ мнѣ въ бороду и ушелъ.

Съ полчаса я, можетъ, никакъ въ себя придти не могъ... Приказчики фыркаютъ, а у меня въ башкѣ одни только «подлецы» разгуливаютъ... никакъ мыслей не собираю... «Ужели, думаю, я этотъ платокъ съ выставочныхъ то глазъ кумѣ послалъ!..» Положимъ, это могло быть, потому разогрѣтому человѣку всякая фантазія въ голову влѣзетъ... Мой своякъ разъ на крышу спать залѣзъ, думалъ, что это сѣноваль... Да только съ надписью такой послать не могъ, потому никакихъ у меня съ кумой часовъ свиданья не было... мадерить—мадерили, а свиданьевъ не назначали, просто ошалѣлъ отъ думы!.. Не то я съ ума спятилъ, не то кумъ... а съ чьей стороны ошалѣніе — неизвѣстно!

Поѣхалъ домой. Вхожу въ залу—жены нѣтъ.

Вхожу въ спальню—нѣтъ. Я въ столовую—тутъ. Сидитъ на стулѣ и вся словно въ лихорадкѣ трясется...

— А, говоритъ, распутникъ, пришелъ!.. На-конецъ-то я тебя дождалась!

Схватила она стопу тарелокъ, да прямо мнѣ по башкѣ... звонъ на весь домъ пошелъ... Я отъ сотрясенія къ ней: что ты, ошалѣла, что ли? А она схватила миску со щами, да за мной... Я въ кабинетъ, и только что дверь успѣлъ затворить, слышу «тррахъ»!.. Богъ не допустилъ, а то въ моменту бы ошпарила!..

— Пусти, кричитъ, я тебѣ, подлецу, покажу куму родную...

— Не пущу, говорю, потому ничего не понимаю!.. Наказуй, коли въ чемъ грѣшенъ, а въ кумѣ не виновать, всѣми святыми побожусь!

— Врешь, кричитъ, распутникъ, своими глазами платокъ видѣла, что кумѣ на выставкѣ купилъ.

«Вотъ тебѣ фунтъ, думаю, и тутъ платокъ!.. Чортъ знаетъ что такое!..»

— Да гдѣ платокъ-то, дура?—ору, а самъ за дверь держусь: Господь ее знаетъ, можетъ у ней ножикъ и вилка въ рукахъ, пырнетъ съ распаленія-то, что съ нея, съ дуры, послѣ возьмешь?

— А я его, говоритъ, мужу твоей подлой кумы въ лавку отослала, чтобъ онъ зналъ, какая она ему жена... а кумѣ твоей безпутной всю рожу обдеру, только встрѣчу...

То-есть хоть убей, ничего въ толкъ не возъ-

му. Положимъ, сперва пиво пили, потомъ редеръ въ двадцать четыре рубля, потомъ коньякъ, потомъ опять редеръ, а потомъ чортъ знаетъ что... можетъ такую дрянъ пили, что двѣ дюжины платковъ и не съ такой надписью купишь... а все-таки, зная себя, никакъ не могу допустить, чтобъ я дошелъ до платочной глупости...

— Сергѣевна, говорю, взойди въ себя ты, сдѣлай милость... На посуду плевать, только себя не кипяти... Хватитъ тебя порокъ сердца, и капутъ... никакихъ я платковъ кумѣ не покупалъ, а купилъ тебѣ двѣ вафли,—только и всего.

— Вафли ты мнѣ купилъ? Подай мнѣ твои вафли!

— Да въ пальтѣ онѣ, полоумная... утромъ еще тебѣ объ этомъ сказывалъ.

— Распутникъ! Обманщикъ ты старый! Отвори дверь, я тебѣ въ рожу наплюю! Никакихъ вафлей въ пальтѣ нѣту, одни только платки нашла...

— Мать, постой, тутъ недоразумѣніе вышло... ей, ей, недоразумѣніе... потому, разсуди ты сама, клалъ я въ карманъ французскія вафли, а вышелъ платокъ... Фокусникъ я по-твоему, али нѣтъ?

— Еще какой фокусникъ-то, старый чортъ, только выйди попробуй, я тебѣ всю бороду оборву!

А сама со злости въ дверь ногой что есть силы рразъ! Того гляди, съ петель соскочетъ!

Тьфу!

Съ полчаса, можетъ, ее уговаривалъ, да вы-
пытывалъ, нѣтъ ли ножа въ рукахъ... Остыла,
плакать принялась... А ужъ это такая примѣ-
та: какъ баба выть зачала, значитъ темпера-
тура въ норму входитъ стала. Вышелъ я изъ
кабинета и ее этакъ подъ руку.

— Покажи, говорю, изъ котораго ты кар-
мана платокъ-то проклятушій вынула.

— А вотъ изъ этого, говоритъ.

Сунуль я руку въ карманъ—ничего, сунуль
въ другой—пустой, сунуль въ третій—афиш-
ка изъ саду «Эрмитажъ»... посмотрѣлъ на
пальто и плюнуль.

— Мать, говорю, вѣдь пальто-то не мое!..

Посмотрѣла она: «и то не твое, говоритъ.
Гдѣ же ты свое, старый дуракъ, на чужое
обмѣнялъ-то?»

— То-есть, хошь убей, не помню... гдѣ ни-
будь въ ресторанѣ всучили... Стало-быть, этотъ
чортъ, хозяинъ-то пальта, мои вафли увезъ,
а я его платокъ анаѳемскій... вотъ оно что
значить выставка французская.

Жена ругаться принялась:

— Изъ-за какого же рожна я посуды столь-
ко перекрушила и куму подъ кулакъ подвела,
а? Путаешься по трактирамъ тамъ, да меня
на грѣхъ наводишь, дуракъ непутевый... За
одно за это тебя бить надо!..

А пальто новенькое съ иголочки... и цвѣтъ
къ моему не подходящій... мое коричневое
было, а это сѣрое... и какъ это я только не

разглядѣлъ, когда надѣвалъ, уму непостижимо... стало-быть ужъ въ глазахъ римскія свѣчи были!..

Поругала меня жена да и поѣхала къ куму съ извиненіемъ. Скандалъ тоже. Чуть было семейнаго счастья по своей глупости не нарушила!..

Выѣзжаю я на другой день въ лавку, поболтался съ часъ, и пошелъ къ Арсентьичу. Смотрю, мой сосѣдъ по лавкѣ осетрину жуесть. Подсѣлъ я къ нему, тары-бары... сперва про дѣло, потомъ про пустяки.

— Однако, говоритъ, мы здорово съ тобой въ воскресенье-то пустили!..

— Да ужъ, говорю, дѣйствительно того... перефранцузили!—Я даже не помню всего...

— А со мной, говоритъ, даже непріятность вышла... Обѣщался я одной барынькѣ сурпризь съ выставки на память...

— Ну?

— Ну, и купилъ.—Помнишь, мы въ машинное отдѣленіе заходили? Вчерашній день посылаю съ письмомъ, а въ отвѣтъ вдругъ одно только слово: «дуракъ!» и подарокъ обратно... развертываю, понимаешь, и что же тамъ вмѣсто подарка вижу? Вафли!..

— Вафли?

— Вафли... А потомъ вдругъ горничная докладываетъ, что пальто я гдѣ-то обмѣнилъ... у меня-то было сѣрое, а это коричневое! И какимъ это только чортомъ я въ коричневое пальто залѣзъ, до сихъ поръ понять не могу! ,

Вотъ вамъ и вафли, Ёда совсѣмъ глупая, а непріятностей черезъ нихъ цѣлая охапка вышла... Ни за что бы я ихъ на выставку не допустилъ! Главное, на выставкѣ купца много, долго ли до грѣха: сунешь ее въ чужое пальто и ступай на другой день въ городъ безъ бороды! Франція, а неправильность допускаетъ, — не хорошо!..

Мечты и действительность.

— Жена! Супруга благовѣрная! — кликалъ жену круглолицый мужчина купеческой складки, сбрасывая съ плечъ въ передней шубу, — гдѣ ты? Иль самой нѣтъ дома? — справился онъ у горничной, — можетъ, махнула куда санки обновить?

— Никакъ нѣтъ-съ, были дома-съ... днемъ точно-что къ портнихѣ махали-съ, а сичасъ дома, отдохнуть, по всей вѣроятности, привалились...

— Не выпалась! Съ восьми вчера легла, уѣхалъ въ девять въ городъ, она все не просыпалась...

— Врешь, давно проснулась, завсегда ты на меня напраслину взводишь, — выплыла навстрѣчу мужа изъ внутренннихъ комнатъ рыхлая дама съ заспанными глазами.

— А какъ давно? — пошутилъ тотъ, прикладываясь къ ея напухшимъ щекамъ.

— Больше чѣмъ съ полчаса. И спала-то всего ничего. Въ которомъ это я прилегла, дай Богъ память? Въ четвертомъ часу, въ началѣ, а сейчасъ седьмой въ началѣ, всего-ни-

чего спала и даже не спала, а такъ грезила...
Чай будешь пить?

— Давай. Ужъ и дорожка вдругъ стала—
чистый бархатъ, что значить морозцемъ-то
прихватило! Дождались!

— Дорога ничего. Ъздила я къ портнихѣ
лифъ мѣрить, такъ санки попались...

— Просто бархатъ дорога.

— Ну, до бархату ей далеко. И снѣгу не
ахти что выпало, и морозъ не сильный.

— Погоди денька-два, все будетъ...

— А бархату все-таки безъ большого снѣ-
гу не выдетъ... А отъ портнихи какъ прі-
ѣхала, сейчасъ же меня въ сонъ: дай, думаю,
прилягу, что изъ этого будетъ...

— Ну, и что же вышло?

— Загрезила, только и всего. Четыре сна
подъ-рядъ вдругъ. Ночью такое количество
не увидишь, а тутъ прилегла на минуту и
сразу четыре сна. Я думаю, это черезъ порт-
ниху. Какъ увѣряла, что платье къ Николину
дню поспѣетъ, а теперь другую пѣсню за-
пѣла: и не поспѣетъ, говорить, при всемъ
стараніи». Такъ она меня, юбочная душа,
этимъ разстроила, что я тебя сказать не
могу.

— Не плакала?

— Ну, вотъ, что я маленькая что-ль, чтобъ
попусту глаза портить. Разстроилась только.
Думала, въ новомъ платьѣ къ братцу на име-
нины, а теперь—въ чемъ я поѣду?

— Что-нибудь да есть...

— Въ новомъ хотѣлось. И такъ я черезъ эту портниху разстроилась, что какъ пріѣхала домой, сейчасъ же меня въ сонъ. И не сплю въѣдь, а сны вижу. Поѣхаль, будто, ты въ «Стрѣльну» да къ «Яру»...

— Сонъ хорошій, правильный сонъ... Дорога—бархатъ. .

— Совсѣмъ неправильный. Поѣхаль, будто, съ кумомъ Андреемъ Тихонычемъ.

— Вотъ ужъ съ нимъ и не поѣду никогда. Самый скверный компаніонъ по загородной части. Во-первыхъ, денегъ не платитъ, всегда бумажникъ дома забываетъ, во-вторыхъ, скорѣе всѣхъ напьется и начнетъ ко всѣмъ приставать.

— Во снѣ, голубчикъ мой, съ кѣмъ хочешь поѣдешь. Вотъ ты съ кумомъ и поѣхаль, а я за вами.

— Это почему такое?

— А ужъ этого я объяснить тебѣ не могу. Взяла, сѣла и поѣхала. Вы въ «Стрѣльнѣ» за однимъ столомъ сидите, а я за другимъ. Я васъ вижу, а вы меня нѣтъ.

— Какой, однако, глупый сонъ. Тебя-то я не вижу! За версту узнаю, а то за сосѣднимъ столомъ вдругъ...

— И все-таки не видишь, потому вы своимъ дѣломъ заняты.

— Какимъ такимъ дѣломъ?

— Двухъ пѣвичекъ къ себѣ посадили. Кумъ бѣленькую, а ты—черненькую.

— Экъ тебя портниха-то до чего растре-

вожила! — засмѣялся самъ. — Такъ я бѣленькую?

— Ты черненькую, а кумъ—бѣленькую.

— Ну, ну, ври дальше...

— Я сонъ тебѣ рассказываю, а не вру...

— А что такое сонъ? То же вранье.

— Ну, иногда и въ руку сны бываютъ. Прямо какъ по писаному сбываются. Хорошо. Сидите вы за столомъ и пѣвичекъ шампанскимъ угощаете...

— Вотъ ужъ, кажется, отродясь ни одной не угощаль.

— А ты молчи, Михайло Захарычъ, лучше не бери на себя лишняго грѣха.

— Что жъ мнѣ молчать-то, если ты ерунду городишь...

— А ты молчи, потому у меня свидѣтели есть, какъ ты лѣтомъ у Омона какую-то чухонку фруктами кормилъ.

— Фруктами! Апельсинъ, по-твоему, фруктъ?

— Фруктъ. Вотъ если бъ ты ее рѣпой, дѣло десятое.

— Весь и апельсинъ-то гривенникъ стоитъ.

— А ты молчи лучше... Апельсинъ гривенникъ, а по счету сорокъ пять рублей отдалъ...

— Я?

— Ты.

— Я? Не хочется только съ тобой ссориться по случаю прекрасной погоды... Снѣжку дождались, настоящаго саннаго пути, а ты на ссору лѣзешь...

— И не думаю даже. Это ты лѣзешь. Я тебѣ сонъ рассказываю, а ты отпираешься, и совсѣмъ зря, молчи ужъ, если все правильно...

— Да что правильно-то? Тыфу!

— А то правильно, что во снѣ видѣла. Апельсинъ, вишь, гривенникъ, а полѣзла къ нему въ карманъ, у него счетъ на сорокъ пять рублей.

— Во-первыхъ, по чужимъ карманамъ, мадамъ, только жулики лазаютъ, да и то ихъ за это сперва поколотятъ, а потомъ въ участокъ отправятъ...

— Я твой карманъ за чужой не считаю.

— Напрасно не считаешь. Это невѣжество. А во-вторыхъ—этотъ счетъ совсѣмъ не мой, а твоего брата.

— Яшинъ счетъ?

— Да, Яшкинъ, коли на то пошло. Онъ меня къ себѣ за столъ пригласилъ, онъ и барышень апельсинами пичкалъ, онъ и деньги платилъ...

— Что-то это невѣроятно,—братецъ деньги платилъ, а счетъ къ тебѣ въ карманъ попалъ. Сосѣдъ корову купить, деньги за нее заплатить, а корову ко мнѣ на дворъ приведутъ.

— Я у Омона коровъ не покупалъ...

— Я къ примѣру это только. Какъ увижу брата, непременно спрошу, кто за разные апельсины деньги платилъ, онъ или ты.

— Нашла тоже дурака! Такъ онъ тебѣ и скажетъ правду...

— Отчего же, ежели я его наединѣ, безъ жены? Наединѣ родной сестрѣ все можно сказать...

— Да вѣдь сестра-то баба или нѣтъ, дура такая? Ну какой бабѣ можно правду сказать?

— Всякой можно.

— Ни одной, Все равно, что на улицѣ говорить, то и вашей сестрѣ.

— И все-таки братецъ мнѣ насчетъ апельсиновъ откроется. Апельсинъ—не браслетка. Въ браслеткѣ еще можно притаиться, когда ее неизвѣстной дамѣ подаришь, а въ апельсинѣ стыдиться нечего...

— Ты это насчетъ какой же браслетки вдругъ?

— Да такъ, къ примѣру...

— А ты примѣръ лучше выбирай, чтобъ безъ ссоры съ тобой... Дорога бархатъ, морозцемъ снѣжокъ прихватило, а она околесную несетъ...

— Сонъ тебѣ рассказываю, а не околесную. На сонъ и обижаться тому нечего, кто ни разу пѣвицъ шампанскимъ не поилъ.

— Да я и не обижаюсь, съ чего это взяла? Мало ли кому какая ерунда приснится, нельзя же все на свой счетъ принимать!

— Я и про это то же самое говорю. Сидишь ты и поишь черненькую пѣвичку шампанскимъ. А потомъ вдругъ ее рукой этакъ за талию.

— Это при публикѣ-то?

— При всѣхъ, даже при мнѣ, безсвѣстные

твои глаза! Жена за другимъ столомъ страдаетъ, а онъ шутъ знаетъ кого за талію.

— Ну ужъ это ты того, совсѣмъ, братъ, энтого... чтобъ я при публикѣ такое безобразіе допустилъ, на меня даже и не похоже.

— Да вѣдь во снѣ это...

— Все равно, и во снѣ не допущу. И во снѣ-то ты на меня все врешь...

— Да что же я для твоего удовольствія сонъ-то на изнанку стану выворачивать? Взялъ ты ее за талію...

— Дура! Не могу я при всѣхъ за талію, и публика тутъ, и ты...

— Да, вѣдь, ты меня не видишь! Вотъ дуракъ-то, мои батюшки! А кумъ за талію — бѣленькую.

— То я бѣленькую, то кумъ бѣленькую...

— Врешь, ты черненькую. Не собьешь ты меня со сна, напрасно на это разсчитываешь, не такая я, чтобъ меня сбить на пустомъ. Ты за талію черненькую, а кумъ бѣленькую.

— А лимонъ почему кислый, позвольте васъ спросить? — обидѣлся вдругъ самъ.

— Какой лимонъ?

— А вотъ, который я въ стаканъ съ чаемъ положилъ? Ты бы, вотъ, лучше за провязіей смотрѣла, чѣмъ во снѣ къ мужу разныхъ черненькихъ прищипливать, деньги платишь, а за что, спрашивается?

— Постой, какой же, по твоему мнѣнію, лимонъ долженъ быть? Сладкій? А?

— А ты меня не учи, пожалуйста. Кажется,

я совсѣмъ не такого возраста, чтобъ меня въ коммерческое училище посылать. Я бѣленькую за талію, а у тебя лимонъ того...

— Врешь, черненькую! Это кумъ бѣленькую, а лимонъ совсѣмъ не того, кислота—кислота и есть. Вотъ ежели бы варенье было кислое, могъ бы съ меня спрашивать, а за природную кислоту никакихъ кислыхъ словъ я тебѣ говорить не дозволю.

— И варенье тоже... Дорога—бархатъ, морозить пріятнымъ образомъ, прямо можно сказать:—эхъ, ухнемъ! А варенье—кружовникъ, мужъ любить вишню, а она ему: то глупый сонъ, то кислый лимонъ, то кружовникъ...

— А ты надѣнь очки, если зрѣніемъ ослабъ. И вишня передъ твоимъ носомъ стоитъ. Это что?

— Это?... Да что ты ко мнѣ привязалась, скажи пожалуйста?

— И не думала. Это ты—то къ лимону, то къ кружовнику, а я только сонъ рассказываю, какъ ты черненькую за талію!

— Опять черненькую! Есть же такіе глупые куплеты на свѣтѣ, въ родѣ тебя!

— Не опять, а за талію взялъ и все ей на ухо, все на ухо...

— А ты слышишь?

— А я слышу.

— Это, сидя за другимъ столомъ?

— И за другимъ сажу, да слышу.

— Знаешь, другъ мой мадамъ, что я тебѣ

скажу: врать можно, даже приятно иногда слышать, но такъ, какъ ты врешь, просто даже противно... Да что у тебя въ ушахъ-то телеграфное электричество, что ли, положено?

— Да, вѣдь, во снѣ это я все, во снѣ, а не на яву...

— И во снѣ на мужа не смѣй врать...

— Тьфу! Да не вру я, а рассказываю, что съ тобой за городомъ происходило... А ты злишься, словно и въ самомъ дѣлѣ все случилось по моимъ словамъ.

— Я злось? Даже ни капли... Досадно, напримѣръ, только... Дождались зимы... Дорога—бархатъ... За городомъ теперь какое столпотвореніе произойдетъ, а ты мужа разстраиваешь...

— Настоящего мужа ничѣмъ не разстроишь. Настоящій мужъ самъ тебя разстроитъ... Тьфу! Не то это я... запутаешься съ тобой... Во снѣ ты черненькую путалъ, а на яву меня... Все ей въ ухо, все въ ухо, и такая-то ты, и сякая ты...

— А она что на это?

— Черненькая-то?

— Бѣленькая. Черненькая вѣдь съ кумомъ сидитъ.

— Не ври, кумъ насчетъ бѣленькой хлопоталъ, а ты черненькой въ ухо. А она на это: купи браслетку хорошую.

— А я что?

— А тебѣ, выпившему дураку, что! Чай, десять наобѣщаль.

— И это все ты слышала?

— Слышала!

— Ну, такъ вотъ что-съ. Ежели ты станешь сплетни разныя про браслетки слушать, я приму нѣкоторыя мѣры насчетъ приближенныхъ тебѣ личностей.

— Да какія сплетни, скажи пожалуйста? И откуда я ихъ могу слышать?

— Этого я не знаю, но предостереженіе тебѣ сдѣлаю. Кто это видѣлъ, чтобъ я браслетки шутъ знаетъ кому подносилъ?

— Батюшки! Во снѣ все это я вижу, во снѣ...

— Знаю я твои сны очень хорошо. Ты и ко сну-то всегда черезъ край прибавляешь... Чай, напримѣръ, чѣмъ пахнетъ?

— Какой чай?

— А вотъ, который я пью... Понюхай...

— Чаемъ и пахнетъ.

— Чаемъ? Я бы тебѣ совѣтоваль къ доктору насчетъ носу съѣздить... Нехорошій у тебя органъ обаянія.

— Перекраивать для тебя носъ не стану, будь покоенъ.

— Не перекраивать, а лѣчить его надо. Нюху правильнаго нѣтъ. Чай масломъ пахнетъ, а ты не слышишь.

— Да откуда масло въ чай попадетъ, скажи пожалуйста?

— А ужъ объ этомъ надо хозяйку спрашивать, а не хозяина, у котораго всякихъ дѣлъ по горло въ городѣ.

— Никакого масла нѣтъ. И носъ у меня хорошій, не сочиняй пожалуйста... Я вчера, напримѣръ, за двѣ комнаты распознала, какими духами сестрица надушилась... Это у тебя носъ отъ чужихъ талій перефасонился.

— Къ носу теперь привязалась! Тьфу!

— И опять врешь: ты къ моему носу привязался, а не я къ твоему... Масломъ чай пахнетъ! Чистый сеттеръ-гордонъ сталъ!... За городъ, вижу, тебя тянетъ, вотъ ты и пошелъ непорядки въ домъ находить... Морозецъ, вишь, дорога—бархатъ... А тамъ, за городомъ-то, пѣвички—атласъ, которыя не уйдутъ отъ насъ.

— Это ты все сонъ продолжаешь?

— Сонъ. А ты на яву насчетъ «Яру» мечтаешь. Да не поѣдешь только.

— Однако, это еще вопросъ.

— Никакого вопроса нѣтъ.

— Большой вопросъ который разрѣшить ты никакъ не можешь. Во-первыхъ—поѣду я, или нѣтъ, это неизвѣстно, а во-вторыхъ—меня двое покупателей въ «Московскомъ» ожидаются по дѣлу.

— Ну, вотъ сонъ и въ руку. Я завсегда такіе сны вижу насчетъ тебя. Это какіе же покупатели?

— Да эти... Не знаешь ты ихъ, а спрашиваешь... Саратовскіе покупатели...

— Саратовскіе-то твои всегда на Шереметьевскомъ подворьѣ останавливались.

— На Шереметьевскомъ—тамбовскіе, а въ

«Московской» — саратовскіе. Не путай ты, пожалуйста, моихъ покупателей.

— Самъ ихъ запутаешь, куда ужъ мнѣ... А изъ «Московской»-то куда? За городъ вѣдь?

— Это ужъ куда они, я тутъ не при чемъ. Дорога, положимъ, бархатъ, но отговорить ихъ я никакъ не могу... Дождались зимы, — поди, попробуй, отклони ихъ, никакихъ мѣръ нѣтъ.

— Никакихъ?

— Ни, ни, — саратовская душа, если ты хочешь знать, шире даже московской. Она въ Москву-то словно въ рай попадетъ, безъ кнутика во весь опоръ... Только я безпремѣнно домой поскорѣй... И кумъ тоже самое говорить...

— И кумъ, значить, съ вами? Я такъ это и знала.

— Какой кумъ? Помину даже про него не было.

— Самъ же сейчасъ про кума.

— Про покупателя, глупая, а не про кума. Это ты кума мнѣ изъ своего сна подложила.

— Понимаю. Ёдешь, стало-быть, по бархату-то?

— Нельзя, мать, ты вѣдь этихъ саратовскихъ чертей не знаешь. Руки и ноги свяжутъ и въ видѣ багажа увезутъ.

— Поѣзжай... Жалко мнѣ тебя: конца сна моего не знаешь, а ёдешь.

— То-есть при чемъ же тутъ конецъ?

— А при томъ, что я, наслышавшись ва-

шихъ разговоровъ, подошла къ вашему столу, да и давай бутылкой лупить то тебя, то черненькую, то черненькую, то тебя... Поѣзжай, поѣзжай...

Самъ вздохнулъ, прошелся по столовой и плюнулъ.

И много было въ тотъ вечеръ за городомъ купцовъ, но Михаила Захарыча не было. — Бываютъ же у женъ сны такіе скверные: и снѣжокъ выпалъ, и морозецъ есть, и дорога — бархатъ, и кумъ ждетъ, а онъ дома сидитъ и съ женой въ дураки играетъ.

О, женщины!..

Екатерины.

— Василій Федорычъ, подсаживайся,—говорилъ плотный брюнетъ мрачному блондину, шагавшему по залѣ ресторана.—Одинъ, или съ компаніей?

— Въ единственномъ родѣ.

— Ну, и садись.

Блондинъ сѣлъ, крякнулъ и спросилъ рюмку водки, а на закуску «чего-нибудь кисленькаго».

— Что это у тебя нонче фizioномія какая-то,—заговорилъ брюнетъ, прихлебывая чай и щурясь на блондина,—неправильная?

— То-есть въ чемъ же, собственно, неправильность ты видишь?—отозвался блондинъ, хмурия брови.—Пѣвички отъ «Яра», и тѣ находятъ, что у меня черты правильныя, а носъ римскій.

— Пыльная... точно отъ Екатерининскихъ временъ осталась.

— Отъ Екатерины она и запылилась...

— Отъ именинницъ?

— Отъ тезоименитыхъ.

— Пора бы и вывѣтрить екатерининскія ошибки. Екатерининъ день еще третеводни былъ.

— А я до сего часа въ настоящее теченіе не взойду. Въ головѣ не одинъ, а цѣлыхъ три Дрейфуса сидятъ, и никакъ отъ нихъ отдѣлаться не могу... Я такъ предполагаю, что простудился...

— На сколькихъ именинницахъ-то былъ?

— На четырехъ.

— Обѣкатеринился и больше ничего. Простуду тоже выдумалъ... съ четырехъ Екатерины и безъ простуды захвораешь... ежели, напримѣръ, Екатерины хорошія...

— Все родственныя...

— Ничего нѣтъ хуже родственниковъ. Отъ чужой еще отговориться можно, а отъ своей не отвяжешься. Когда я былъ помоложе, такъ у меня теща Екатерина была и цѣлыхъ три дня именины справляла. По недѣлѣ послѣ хворалъ.

— Тещу нельзя не уважить.

— То-то что нельзя. Съ чужой еще я могу всякіе разговоры разговаривать и правильные резоны представить, а теща зятниныхъ глаголовъ не признаетъ.

— Не одна теща. Свояченица, напримѣръ, вотъ какъ у меня третеводни, жена брата, да тетка, которая вотъ ужъ цѣлый годъ умираетъ и никакъ умереть не можетъ... и не лѣчится, вѣдь... Ну, лѣчилась бы, дѣло десятое, чрезъ врачебную помощь живетъ,—а то кромѣ Кузьмичевой травы ничего не пьетъ, а живетъ... Послѣ тетки я въ особенности себя нехорошо почувствовалъ... она меня какой-то

настойкой «склопендіей» угостила... неизвѣстно на чемъ настоена,—шутъ ее разберетъ...

— Склопендія, братъ, на восьми травахъ настаивается и пьется отъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ...

— Да ты-то откуда склопендію знаешь?

— У нашего батюшки разъ пробоваль. Настойка добронравная...

— Ну, ужъ не знаю, какую ты пробоваль, а я съ теткиной склопендіи чуть весь духъ изъ себя не выпустилъ...

— Какъ-нибудь твоя тетка не такъ ее дѣлаетъ... либо не досклопендила, либо пересклопендила...

— По-моему — пересклопендила. Набухала какой-нибудь спеціи безъ мѣры, у меня и пошло разслабленіе... по-сейчасъ въ головѣ турысы на колесахъ ѣдутъ...

— Это, братъ, не отъ теткиной склопендіи, прямо много Екатеринъ въ нутро принялъ. Четыре, говоришь, именинницы-то было?

— Четыре. Маленькихъ двухъ племянницъ я ужъ и не считаю.

— Да маленькихъ что считать, когда тебя большія доѣхали... Маленькая Катя ежели и приставать станетъ насчетъ поздравленія, даль ей по затылку, только и всего, а большой не дашь.

— Главное, никакихъ словъ въ резонъ не принимаютъ. Я у тетки на колѣняхъ даже просилъ, чтобы избавила меня отъ настойки,—и слышать не хочетъ, да цѣлыхъ четыре рюм-

ки въ меня и влила. Это на мадеры, да на лафиты-то съ шампанскимъ!

— Вотъ съ чего у тебя столпотвореніе и пошло. Бѣда съ этими именинницами! Именинники все-таки понимаютъ хоть что-нибудь, не пристають съ ножемъ къ горлу, а бабы до смерти готовы тебя изувѣчить. Нѣтъ, я вотъ ужъ лѣтъ семь или восемь, какъ на Екатеринъ не ѣзжу.

— Хорошо, если ты это можешь... не ѣздить-то...

— И не можешь, да не ѣздишь... У тебя четыре Екатерины, а у меня сейчасъ семь, и самыхъ родственныхъ...

— Съ маленькими-то и у меня шесть.

— Я маленькихъ въ счетъ не кладу. Зачѣмъ младенцевъ или отроковицъ въ именинное дѣло путать? Депеши всѣмъ, вмѣсто наличнаго визита, разсылаю... Двѣ двоюродныя сестры черезъ это кланяться со мной даже перестали, а я имъ все депешу да депешу, а самъ сижу дома и никуда ни шагу. Въ театръ, вообрази, даже не хожу, потому многія именинницы за послѣднее время такую моду взяли, чтобы изъ театра съ родными и знакомыми въ трактиръ ужинать ѣхать. Наткнулся я раза два въ театрахъ на именинницъ и ходить пересталъ. Дома-то оно, знаешь, безопасно.

— Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить.

— Именинницы, братъ, хуже всякаго волка для нашего брата. И потомъ отъ волка, если мясницкій.

у тебя лошадь хорошая, уѣхать можно, а отъ именинницы не уйдешь, не уѣдешь.

— Звѣрь опытный, что говорить!

— Ты только это хочешь потихоньку съ именинъ улизнуть, хватъ—у тебя и шуба, и шапка, и ботики спрятаны. А гдѣ они спрятаны,—ищи цѣльный годъ,—не найдешь.

— Я разъ даже въ бабушкиномъ салопѣ и капорѣ ушелъ.

— Я тоже пробовалъ въ чужихъ одеждахъ уходить—ловили.

— Нѣтъ, я на уходъ счастливъ: ни разу не поймали. Изъ-за салопъ съ капоромъ только непріятность вышла. Иду я это, пѣшкомъ, по переулку до перваго извозчика, а за мною какой-то дуракъ, вѣроятно, тоже съ именинъ, приударить вздумалъ: — «Барышня, говоритъ, позвольте проводить, потому намъ по одной дорогѣ!..» Я ему и брысь, я ему и то, и се,—не отстаешь, идолъ, и все на ухо мнѣ разныя глупости поетъ. Хотѣлъ было ему въ зубы дать хорошаго тумака, чтобъ колесомъ на ту сторону отлетѣлъ, да думаю: орать вѣдь «караулъ» дурачина начнетъ и заберутъ меня въ бабушкиномъ салопѣ подъ шары. А тамъ, пока судъ да дѣло, когда еще справки наведутъ! а ты сиди въ арестантской. Надо ему честию дать понять, что я самъ могу всякую даму проводить. Подошли мы къ фонарю, который посвѣтилѣ, и остановились. Я на него съ улыбкой гляжу, а онъ на меня. Какъ увидалъ онъ, голубчикъ, у меня бороду, бро-

сился со всѣхъ ногъ бѣжать. А мнѣ смѣшно. Думаю, домой онъ съ огорченія побѣжалъ, а онъ, оказывается, прямо къ городовому и за жулика меня выдалъ. Конечно, забрали да въ бабушкиномъ салопѣ до утра въ части и продержали...

— Нѣтъ, мнѣ дальше воротъ въ чужихъ костюмахъ уходить не приходилось. Ловили. Можетъ, и къ лучшему это, но только ловили. Одинъ разъ какой со мной смѣшной анекдотъ произошелъ. Отправился я у двоюродной именинницы шубу свою искать. Искать, искалъ по всѣмъ закоулкамъ, да въ какомъ-то чуланчикѣ приткнулся и заснулъ. Долго ли я проспалъ, не знаю, только слышу вдругъ, что какъ будто кто-то меня обшариваетъ. Проснулся я, и прямо за руку неизвѣстнаго. А неизвѣстный мнѣ шепчетъ такія слова: «что ты, Варя, не узнала, что ли, меня, вѣдь это я?...»

— Ты?—спрашиваю.

— Я.

— А кто ты?

— Экъ ты, говорить, какъ на хозяйскихъ именинахъ нализалась, мужа даже своего не узнаешь.

— Такъ ты мой мужъ?

— Мужъ.

— Врешь, не можетъ быть!

— Право же мужъ... да ты по голосу-то, дура... ужли не узнаешь по голосу? А у меня въ головѣ, братъ, вотъ какіе рисунки, ничего

даже сообразить не могу. Гдѣ я, напримѣръ, и давно ли замужней Варварой сталъ. Словно бы всегда Николаемъ былъ, почему же теперь въ Варвары перешелъ. Никакъ не могу сообразить. А неизвѣстный вдругъ меня въ щеку чмокъ, а я его за волосы хватъ. Онъ это сперва: «Варя, Варя... что ты, Варя, что ты, дура...» а потомъ сообразилъ, вѣроятно, что Варя не можетъ такую волосянку мужу задать, и давай съ отчаянія «караулъ» орать. Прибѣжалъ самъ хозяинъ со свѣчкой и видитъ, что я его дворника изъ стороны въ сторону въ родѣ маятника раскачиваю. Насилу отняли отъ меня Варварина мужа, — вотъ до чего спросонокъ во вкусъ вошелъ. А это я, какъ потомъ оказалось, въ комнату горничной затесался, и успокоился тамъ вплоть до прихода ея мужа...

— Да, нехорошо...

— Это ты про меня?

— Нѣтъ, про себя. Хвосты Катеринъ еще въ головѣ сидятъ.

— И долго, братъ, еще просидятъ. Я потому и пересталъ къ Екатеринамъ ѣздить. По недѣлѣ хворалъ и кромѣ неприятностей, — никакихъ пріятныхъ ощущеній.

— Вотъ тоже Софьи съ Вѣрами да Надеждами погибельны...

— Такихъ у меня родственниковъ нѣтъ. У меня, словно на грѣхъ, говорю, шесть Катеринъ родственницъ. Въ послѣдній разъ, лѣтъ семь-восемь тому назадъ, я съ именинъ-то домой на третьи сутки попалъ.

— Нѣтъ, я больше на вторыя къ вечеру...

— А я на третьи, къ сумеркамъ. У меня сейчасъ двѣ двоюродныхъ сестры Екатерины, а у жены одна родная, да жена ея брата, да сестра братнина, да двѣ кумы: одна у насъ крестить, а у другой я крещу.

— Хорошія у тебя кумы-то?

— Дай Богъ всякому.

— У меня нехороши: одна косить, а другая походя спать.

— Нѣтъ, у меня правильныя кумы. На всѣ руки. Что выпить, что въ стуколку до утра простучать—когда угодно и сколько угодно. У меня такое положеніе было: объѣхать сперва всѣхъ именинницъ, а къ вечеру къ кумѣ...

— У которой ты крестишь?

— У которой я. А тутъ такъ вышло, что жена такому заведенію воспротивилась и чтобъ безпремѣнно я вечеромъ не къ кумѣ, а къ ея сестрѣ, у которой она сама всегда...

— Подъ цензуру, значить, тебя взяли...

— Какая тамъ цензура! Просто бабья глупость. Чтобъ не «стрижено» было, а «бри-то»... Чтобъ мой верхъ былъ, а ея—маковка.

— Груша, говорю, я привыкъ къ извѣстному положенію, а ты весь мой порядокъ ломаешь. Не все ли тебѣ равно, начну ли я визиты съ твоей сестры и кончу кумой, или наоборотъ: кумой начну, а сестрицей кончу?

— Все равно, говорить, да не одно. Ты тутъ у меня на глазахъ будешь, а тамъ со-всѣмъ безъ пригляду.

— Глупая, ну какой за мной приглядъ ну-

женъ? Что я, маленькій, что ли, дитятко, которое безъ мамашинаго платочка обойтись не сможетъ?

— А ты, говорить, мнѣ декламацию-то не пой, а дѣлай такъ, какъ мнѣ того желательно. Что, въ самомъ дѣлѣ, за порядокъ завелъ? жена на однѣхъ именинахъ, а мужъ на другихъ. И сестрицѣ это обидно.

— Да чѣмъ обидно, позвольте васъ спросить? У сестрицы твоей я обѣдаю, у кумы ужинаю. Обѣдъ, кого ни спроси, много важнѣе ужина!

— И слышать не желаю. Всѣ твои дурацкіе отвѣты я раньше знаю. Безпремѣнно, чтобъ вечеромъ къ сестрицѣ пріѣхать. А не пріѣдешь,—сама за тобой къ кумѣ пріѣду и увезу!

Такъ мнѣ это, понимаешь, не понравилось, что я тебѣ и рассказать не могу. Главное, все мое положеніе разрушила. Сколько лѣтъ, можетъ, съ сестрицы начиналъ, а кумой кончалъ, и вдругъ—шиворотъ на выворотъ. А дѣлать нечего. Нельзя жену не уважить. Поѣхали къ кумѣ.

— У которой ты крестишь?

— Нѣтъ, сперва къ кумѣ, которая у меня. Поздравилъ, выпили нѣкоторое количество съ кумомъ и поѣхалъ къ другой.

— У которой ты?

— У которой я. Та даже весьма удивилась.—Я говорить, куманекъ, никакъ васъ не ожидала, потому вы вечеромъ должны...

— Знаю, говорю, кумушка милая, что дол-

женъ, да ничего не выходить. Совсѣмъ новый циркуляръ отъ супруги вышелъ...

— Никакихъ, говоритъ, глупыхъ циркуляровъ вашей Аграфены Степановны я не признаю. Ей дѣлать-то дома нечего, вотъ она и циркуляритъ съ тоски. И слышать не хочу, безпремѣнно вечеромъ къ намъ должны.

А мужъ кумы такое вдругъ предложеніе: «что съ нимъ, говоритъ, разговаривать-то... арестовать его у насъ до вечера, и кончено!»

Вижу, дѣло плохо: арестуютъ. Меня они разъ такъ же вотъ три дня не выпускали. Жена ужъ въ полиціи о моей пропажѣ заявила.

— Кума-то, значитъ, хлѣбосольная?

— Именно что хлѣбосольная. Пріѣду, говорю, вырвусь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, а пріѣду.

— Нѣтъ, не пріѣдешь. По глазамъ твоимъ вижу, что полная измѣна будетъ. Арестовать!

— Кумушка, говорю, я на минутку только къ жениной сестрѣ, надо же ее поздравить.

— А вотъ перо и чернила, пишите депешу.

Я и туда, и сюда, и такъ и сякъ—никакихъ резоновъ не принимаютъ. А кумушка, нѣтъ-нѣтъ, да прямо въ губы безе и влѣпить: «Кумъ, говоритъ, милый! Какъ тебѣ не совѣстно!»

— Это у которой ты крестилъ?

— У которой я. А что?

— Ничего. Ловко. Ну?

— Ты насчетъ чего же это «ловко» вдругъ?

— Да такъ это я... хвосты Екатеринѣ еще у меня въ башкѣ. Ну?

— Ну, и... арестовали. И кулебяку стали ѣсть, и обѣдать, и послѣ обѣда закусывать. Только часовъ въ десять вечера чекаюсь это я съ кумушкой хрусталемъ и разные ей пріятные комплименты говорю, а она меня за это въ уста—рраззъ.—Не куманекъ, говорить, ты, а ангель...

— Это которая у тебя?

— Тьфу! Я у которой,—набилъ себѣ хвостовъ-то Екатерининскихъ и не соображаешь—а сзади вдругъ жена: «ты, спрашиваетъ, по какому это праву къ сестрицѣ не ѣдешь, безсовѣстный?»... Я ей и то, и се, и кума тоже, а жена меня за бороду и прямо въ переднюю. Одѣвайся!.. Плюнулъ и поѣхалъ. Ъду, понимаешь, жена тру-ту-ту-ту, безъ останову мельницу завела, а мнѣ куму жалко.

— Это у которой ты?

— У которой я. За что, думаю, я милую куму обидѣлъ? Она меня и въ губы, она меня и въ ангелы, а я по-свинскому подъ конвоемъ жены къ ея сестрѣ... Соскочилъ съ пролетки да въ проходныя ворота... Жена, это, ахъ, ахъ... лови его, да держи его... баба она грузная, гдѣ жъ ей меня поймать... пока она тамъ собиралась, я на десять шаговъ впередъ, такъ и ушелъ!

— Къ кумѣ, у которой ты?

— У которой я. А послѣ кумы домой на третій день попалъ къ сумеркамъ, недѣлю хворалъ, да мѣсяцъ жена ругала... заклился на Екатерину съ тѣхъ поръ ѣздить.

— Да гдѣ жъ ты былъ?

— А я почему знаю. Сталъ я во время болѣзни свои бумаги разбирать, заглянулъ въ чековую книжку, которую я всегда съ собой таскаю, гляжу, какъ будто похудѣли чеки-то, меньше ихъ, понимаешь, стало.

— Это у которой ты крестилъ?

— Чего у которой я? Я тебѣ не про куму, а про чековую книжку... до чего, вѣдь, человѣкъ переекатериниться можетъ: простыхъ словъ не понимаетъ!

— Нѣтъ, я такъ это... къ слову... Ну?

— Ну, а какъ выздоровѣлъ, пошелъ въ банкъ... справиться, напимѣръ, на какую сумму мой текущій счетъ похудѣлъ-то.

— Да. У меня послѣ Софьи, Вѣры и Надежды на пятьсотъ рублей чековъ не хватило.

— А у меня на полторы тысячи. Бухгалтеръ текущаго счета даже удивился, «какая, говоритъ, чортова пропасть у васъ именинницъ—Екатеринъ...»

— А что? спрашиваю.

— Да на другой день, — говоритъ, цѣлыхъ восемь барынь по вашимъ чекамъ деньги получили... а? Ловко? Хороши Екатерины?

— Это у которой ты крестилъ?

— Тѣфу! Ни бѣса не понимаетъ! Пей ужъ лучше чай да соси лимонъ, авось изъ тебя Екатерины-то кислотой изыдутъ.

Брюнетъ вздохнулъ и откинулся на спинку дивана. Блондинъ потянулся за лимономъ.

Офранцузился.

Андрей Никитичъ Ерепьевъ сидѣлъ у Судакова на Варваркѣ и завтракалъ съ своимъ сосѣдомъ по лавкѣ Двухутробинымъ.

Андрей Никитичъ видный мужчина, лѣтъ около этого, самаго... вообще «средственныхъ» лѣтъ, которыя у хорошаго купца правильной жизни могутъ тянуться до бесконечности.

Все «средственные» да «средственные», а потомъ, какъ пошлетъ Богъ къ купцу по душу, и окажется, что его «средственные» года давно ужъ къ девяти десяткамъ подъѣхали...

Въ вискахъ у Андрея Никитича блестяло серебро восемьдесятъ четвертой пробы, да и по бородѣ, надо правду говорить, разные благородные металлы пошли, но, несмотря на все это, душа у него была если и не молодая, такъ моложавая, а сердце точно сейчасъ изъ кипятку вынутое: ни одинъ градусникъ такой температуры не выдержитъ: лопнетъ!

Не вѣрите? Поѣзжайте къ «Яру» и спросите у пѣвичекъ: онѣ вамъ про него такихъ

анекдотовъ «изъ жизни» расскажутъ, что вы глаза вытаращите.

Андрей Никитичъ, какъ и подобаетъ степенному русскому купцу, по желанію родителей, женился рано, и за это самое, а можетъ быть и за другое что, Богъ дѣтей ему не далъ.

Супруга его, Аграфена Митрофановна, объ этомъ очень сожалѣла, но помочь своему горю ничѣмъ не могла. А ужъ чего-чего только она ни дѣлала: и на богомолья-то ѣздила, и разныя наговорныя «дѣтскія» травы пила—ничего не выходило.

Привезли ей, подъ конецъ, какую-то полумную старушонку Минодору, которая своими вѣрными совѣтами должна была помочь.

Взяла старушонка съ Аграфены Митрофановны прежде всего за совѣтъ серію и за обрѣзанный за годъ впередъ купонъ попе-няла.

— Не можете, говорить, вы безъ этого... чтобы бѣднаго человѣка на рубль восемь гривенъ не нагрѣть...

А потомъ и спрашиваетъ:

— Дитю, раба, желаешь?

— Желаю, матушка...

— А мужъ-то тебя любить?

— Говорить такъ, что любить...

— И ты его, раба, любишь?

— Люблю, матушка...

— А дѣтей нѣту?

— Нѣту...

— Повѣсить бы васъ за это обоихъ и на подтопку.

Старушонка задумалась. Задумалась это она, а потомъ и говорить:

— Нѣтъ ли у тебя, раба, на примѣтъ красиваго молодого человѣка?.. Смирнаго?

Вспыхнула вся Аграфена Митрофановна и старушонку обрываетъ:

— Напрасно вы, матушка, такъ обо мнѣ понимаете! Я замужняя жена и на всякія глупости не согласна.. за кого вы меня принимаете?

А та этакъ ей спокойно:

— За дуру, говорить, принимаю, которая своей пользы не понимаетъ. Слыхала ты, раба, что у которыхъ людей желтуха разливается, такъ тѣ на живую щуку смотреть?

— Слыхала, матушка.

— И проходить, раба, желтуха?

— Проходить.

— Ну, такъ вотъ, такъ и тебѣ на живого молодого человѣка надо смотреѣть, чтобъ горе твое прошло... Поняла?

— Смотрѣть—дѣло десятое, а я вѣдь думала, ты мнѣ худой какой совѣтъ, матушка.

— За худой совѣтъ я съ тебя и десяти серій не возьму, а ты лишь только одну дала, да и ту безъ купона... Есть такой у тебя, который для посмотру?

— Есть. Конторщикъ у насъ Ваня... безъ бороды онъ только...

— Безъ бороды, раба, даже лучше. Такъ

вотъ тебѣ мой совѣтъ: возьми ты сичасъ этого Ваню, посади его въ гостиную и смотри на него полчасъ, а потомъ отпусти... а на другой день опять... да такимъ манеромъ двѣ недѣли подъ-рядъ...

— И три можно?

— Можно и три... только старательнѣе, раба, на Ваню смотри...

— Да ужъ постараюсь, матушка, лишь бы польза была... А моргать можно, когда я на него взирать-то буду?

— Моргай, раба, вреда, никакого!..

Старушонка убралась, а Аграфена Митрофановна сейчасъ за Ваней конторщикомъ послала.

Пришелъ Ваня изъ конторы и на хозяйку смотреть: дескать, что прикажете?

А та, посмотрѣвъ на свои часики, говоритъ:

— Садись, Ваня, и сиди смирно!

Ваня на кресло, хозяйка противъ него на диванъ плюхнулась съ надеждою...

Онъ портретъ хозяина, который противъ него на стѣнѣ виситъ, разсматриваетъ, а она—его.

«Ишь вѣдь какой,—думаетъ Аграфена Митрофановна:—кудрявый, да румяный, совсѣмъ Адольфъ изъ романа, который я сичасъ читаю...»

Смотритъ Аграфена Митрофановна на Ваню недѣлю, смотритъ другую, смотритъ третью изъ усердія, а Ваня къ хозяину:

— Пожалуйте, говорить, расчетъ...

— Что такое?

— Да силъ моихъ нѣтъ. Дѣло конторское запустилъ. Бухгалтеръ съ меня взыскиваетъ, даже всякими именами ругаетъ, которыхъ я совсѣмъ не заслужилъ, а Аграфена Митрофановна меня каждый день отъ работы отрываетъ...

— Жена?

— Такъ точно-съ.

— Это зачѣмъ же?

— На меня смотреть-съ.

— На тебя?—разинулъ ротъ Ерепеньевъ.

— На меня-съ. Я сижу, а онѣ на меня этакъ пронзительно и даже до слезъ-съ...

— Да что жъ, на твоей мордѣ пейзажи Айвазовскаго написаны, что ли?

— Не написаны, а глядятъ-съ... Пожалуйста расчесть... потому такими меня именами бухгалтеръ, что мои покойные родители въ гробѣ должны перевернуться... за что-съ?

— Да за какимъ чортомъ она на тебя смотритъ?—удивляется хозяинъ.

— Замѣсто шуки-съ. Слышалъ я отъ прислуги, что у Аграфены Митрофановны болѣзнь какая-то, чрезъ которую на шуку надо глядѣть, а они меня избрали... шуку-то ловить надо, а я подъ бокомъ...

— Ничего не понимаю! — пожалъ тотъ плечами. — Убирайся къ чорту, пока не разберу!..

Пріѣхалъ Андрей Никитичъ домой и давай жену ругать... А та—его.

У женщинъ, знаете ли, своя ариѳметика: ты ей слово, а она тебѣ двадцать, ты ей умную фразу, а она тебѣ цѣлый мѣшокъ глупостей; такъ ужъ ее судьба устроила и никакимъ вы ее полѣномъ, даже дубовымъ, умнѣе не сдѣлаете.

— Да ты, говорить, это что? Да какое ты имѣешь право, кричить: дѣтей у насъ нѣтъ, а ты на Ваню не велишь глядѣть? Да что онъ — сахарный, что ль? Растаетъ отъ моего поглядѣнья? Полияетъ?

И пошла, и пошла...

Плюнулъ Андрей Никитичъ и къ Ванѣ:

— Съ бабой развѣ сообразишь? Послужи ужъ, пожалуйста, ей вмѣсто щуки, а я тебѣ за это прибавку сдѣлаю! Плюнь, чортъ съ ней... седи, Христа ради, для ея глупаго взиранья!..

Прошелъ годъ, прошелъ другой, а о дѣтяхъ ни слуху, ни духу...

Такъ и пропала серія съ обрѣзанными купонами ни за понюшку табаку!

Сидитъ Андрей Никитичъ у Судакова и завтракаетъ съ сосѣдомъ Двухутробинымъ.

Сѣли они какую-то рыбу, обработали филейчики и спросили лафитцу...

— На выставку-то когда поѣдешь? въ маѣ или іюнѣ? — спрашиваетъ, между прочимъ, Ерепеньева Двухутробинъ.

— На какую выставку?

— А на парижскую?

— Да я и не собирался совсѣмъ...

— Да какъ же не ѣхать, чудакъ? Намъ учиться у Европы надо, а ты не собираешься... Тамъ и промышленность, тамъ и искусство всякое... однимъ словомъ—последнее слово науки, а ты не собираешься... Парижъ, братъ, не «Яръ»...

— Такъ-то такъ, да съ кѣмъ ѣхать-то?

— Какъ съ кѣмъ? Съ женой!

— Хороши мы будемъ: я только по-французски «бонжуръ» знаю, а она — «мерси»... На мерси съ бонжуромъ далеко не уѣдешь... все равно, что на «парѣ гнѣдыхъ»...

— Уроки французскаго языка возьми... до выставки времени много, всякому разговору научишься...

— Трудно въ мои годы научиться, да и память ужъ не та,—вздыхнулъ Ерепеньевъ.

— Пустое! Мнѣ не меньше тебя годовъ, а я учусь же...

— Врешь?

— Нѣсколько даже глаголовъ изучилъ... же-сую, напимѣрь, жаве, же вене...

— Тебя кто жъ обучаетъ?

— А французенка, которая сынишкѣ уроки даетъ...

— А не можетъ она и мнѣ того... насчетъ французскаго обученія?

— Братъ жены просилъ и то отказалась: уроковъ у ней постоянныхъ много... и знакомыхъ такихъ, которыхъ могла бы рекомендовать, тоже нѣту... а хорошая обучательница...

— Жаль! Если бъ я немножко насобачился по французскому, пожалуй, и поѣхалъ бы въ Парижъ... многіе туда собираются...

— Обязательно надо ѣхать. Парижъ, вѣдь, это что такое? Вавилонъ!

— Говорять, что Вавилонъ...

— А намъ, братъ, вавилонить не учиться стать... Я тебѣ совѣтую публикаціи въ газеты пустить: «требуется, молъ, французенка къ купцу для обученія...»

— Такъ. А на другой день моей супругѣ пришлютъ эту газету съ глупымъ вопросомъ: «для какого это обученія вашему мужу французенка потребовалась?..» А жена, по дурасти, сейчасъ въ разныя подозрѣнія...

— Въ такомъ случаѣ пошли ты въ контору... вотъ гдѣ всякая прислуга рекомендуется... контора тебѣ какую хочешь обуча-тельную доставить.

— Нда... это ты, пожалуй, и того... правильно рассуждаешь... А не лучше ли учителя взять? Студента котораго-нибудь?

— Ну, братъ, наши студенты сами по французски-то изъ пятого въ десятое... были у меня въ репетиторахъ... по-латыни они, или тамъ по Гомеру — собаку съѣли, а насчетъ живыхъ языковъ — мертвецы полные... да и потомъ, мой совѣтъ, безпремѣнно для обученія парижанку брать... нюансы у парижанокъ совсѣмъ не тѣ... отъ своей французенки я это знаю...

— Ньюансы?

— Да. Ньюансы. Безъ нюансовъ, по-моему, французскій языкъ ничего не стоитъ... самъ увидишь...

— Гмъ... пожалуй, ты того... правильно... ужъ коли обучаться по парижскому, такъ со всѣми онерами... денегъ у насъ на нюансы не хватитъ, что ль? Слава Богу! Чего тамъ другого, а французскіе нюансы купить всегда можемъ...

Пришелъ Ерепьевъ послѣ завтрака въ лавку и видитъ: сидитъ за столомъ его главный приказчикъ и какой-то журналъ съ картинками смотреть...

— Ты, спрашиваетъ, это что смотришь?

— Да вотъ, говоритъ, зданія разныя, которыя на парижской выставкѣ будутъ... Грандіозную, по-моему мнѣнію, выставку французы затѣваютъ...

— Да ужъ французовъ на этотъ счетъ взять—молодцы ребята!.. Ньюансовъ этихъ самыхъ у нихъ хоть отбавляй...

— Чего-съ?

— Ньюансовъ. Думаю съѣздить.. на выставку-то...

— Безпремѣнно надо... ужъ ежели я у васъ проситься хочу, такъ вамъ и подавно...

— Ну, ты послѣ меня ужъ. Въ маѣ я думаю. А?

— Поѣзжайте въ маѣ. Время теплое-съ.. тихое время...

— Поѣду. А ты вотъ что: заѣзжай отсю-

да, какъ поѣдешь домой, въ рекомендательную контору и попроси прислать мнѣ французенку для обученія... только чтобъ парижанку... потому у нихъ нюансы всякіе... Понялъ? Безъ французскаго языка какая ужъ эта выставка? Они тамъ разныя парле-франсе, а ты глазами хлопай...

— Слушаю-съ...

— Получше только попроси... чтобъ съ нюансами...

Приѣхалъ Андрей Никитичъ домой къ своей бездѣтной супругѣ и говоритъ:

— Подбили меня на выставку въ Парижъ въ маѣ ѣхать. Поѣдешь?

— Ну, вотъ, нашель еще дуру, — машеть та рукой; — чего я тамъ не видала. Эдакую даль-то ѣхать?.. Покорно благодарю. Я и по Москвѣ-то ѣздить боюсь, того гляди, либо вывалятъ, либо пополамъ переѣдутъ, а ты меня въ Парижъ вздумалъ тащить... Съ мѣста не тронусь...

— Жаль. А мнѣ безпремѣнно по промышленной части надо...

— И поѣзжай безъ меня. Шляпку мнѣ съ выставки привези, платье хорошее и зонтикъ модный... Постой: да какъ же ты поѣдешь безъ языка?

— А я уроки у французенки возьму. Послалъ нынче приказчика въ рекомендательную контору, чтобъ французенку для этой операціи прислали...

— Почему же непременно французенку, а не француза?

-- Нюансы у французенки не тѣ...

— Что?

— Нюансы.

— А ты мнѣ скверныхъ словъ, Никитичъ, не говори. Поѣзжай къ «Яру» и говори ихъ пѣвичкамъ—онѣ къ этому приспособлены, — а мнѣ не смѣй...

— Дура! Какое же это скверное слово! Самое благородное, французское...

— Ну, ужъ отъ тебя благородныхъ словъ не дождешься. Не такой ты человѣкъ. А только, по-моему, француза бы лучше взять.

— Это почему же?

— Да потому. Богъ знаетъ, какому она тебя языку обучить: пріѣдешь ты въ Парижъ, а тебя никто, кромѣ шарманщиковъ, и не пойметъ...

— Глупости ты, мать, городишь.

— Ничего не глупости. Братъ мой, когда былъ въ молодости, такъ же, вотъ, не хуже тебя, захотѣлъ нѣмецкому языку обучиться...

— Ну?

— Ну и взялъ какую-то дѣвицу для обученія. Сколько денегъ она съ него перебрала, домъ даже ей купилъ, а какъ поѣхалъ въ Берлинъ, его никто и не понимаетъ... одинъ только еврей-мѣняла его понялъ и даже на деньгахъ обсчиталъ. А она, мокрая душа, что же: вмѣсто нѣмецкаго-то языка брата бердичевскому обучила!.. Такъ вотъ и тебя: обу-

читъ твоя французенка какому-нибудь тифлисскому языку, дуракъ дуракомъ и будешь по Парижу слоняться...

— А вотъ увидимъ Я, братъ, по нюансамъ увижу, какому она меня языку... меня не надуешь...

А на другой день утромъ, не успѣлъ еще Ерепьевъ напиться чаю, какъ ему ужъ горничная докладываетъ:

— Французская мамзель къ вамъ изъ конторы пришла!..

— Проси въ кабинетъ!

Андрей Никитичъ подошелъ къ зеркалу, поправилъ свою бородку, одернулъ сюртукъ и зашагалъ къ учебательницѣ...

— Главное, чтобъ нюансы были хорошіе!— говорилъ онъ на ходу:— дороже даже можно заплатить, ежели настоящіе нюансы...

Ерепьевъ, войдя въ свой кабинетъ, увидѣлъ сидѣвшую въ его креслѣ «французскую мамзель», одѣтую во все черное. Даже шляпка—и та была черная; только тамъ, гдѣ-то не то на боку, не то на затылкѣ, торчалъ какой-то красный цвѣтокъ, похожій и на піонъ, и на растрепанный розанъ... Мамзель, вскочивъ съ кресла и улыбаясь мартовскою улыбкой, протянула Ерепьеву руку.

Андрей Никитичъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и произнесъ довольнымъ тономъ: «гмъ!»

Французенка оказалась очень стройною

особой, съ изящною таліей, римскимъ профилемъ и темными бархатными глазками.

Глазки эти, когда смотрѣли на кого-нибудь, такъ точно гладили его по сердцу своимъ мягкимъ и нѣжнымъ взглядомъ.

Ерепеньевъ, обглаженный этимъ взглядомъ, прищелкнулъ языкомъ и, не выпуская изъ своей длани ручки «мамзели», справился:

— По нашему-то, мамзель, по-православному, можете разговаривать?

— О, да, я говори!—закивала та головой:— не очень корошъ, но говори...

— Вотъ и чудесно. А ежели словъ у васъ не хватитъ, пантомину пустите... я съ одной балетной танцовщицей знакомъ былъ, такъ та меня всѣмъ своимъ пантоминамъ обучила. Садитесь, пожалуйста. Чаю не хотите ли?

— Мерси, мосье, я кушай кофе...

— Ну, насчетъ кофею у насъ изъянъ. Не держитъ моя супруга турецкаго напитка и даже видѣть его не можетъ. Однажды она, по своей глупости, что-то чашекъ восемь его выпила, ну, и въ такой магометанскій ражъ впала, что я ужъ за докторомъ посылалъ. Извѣстно, дура! Привыкла чай-то по самовару въ день выпивать,—думала и кофею въ такомъ же количествѣ можно дуть. Вы ужъ извините, все у меня есть, а кофею нѣтъ... Коньякъ хорошій есть, портвейнъ... редеръ...

— Мерси, м-сье, я кушай кофе.

— Да знаю, что вы къ магометанскому приучены, а только не могу я вамъ этого удо-

вольствія доставить... нѣту кофею... и кофейникъ даже жена уничтожила...

— Мерси, м-сье, — улыбалась французенка — не надо... не надо кофе... я кушай... вы понимаетъ? Не надо... я кушай...

— Понялъ, — хлопнулъ себя по лбу Ерепьевъ: — вы, значить, ужъ пили кофе?

— Пи-ли... что такой — пи-ли?

— Не пили... пиятъ, мамзель, только дрова, — разсмѣялся онъ: — а пили... то-есть кушали... и чудная вы, мамзель, ей Богу!

Ерепьевъ смѣялся. Смѣялась и французенка. За дверью послышался подозрительный шорохъ.

«Сама, — подумалъ Андрей Никитичъ: — ну, вотъ, не угодно ли... можетъ тутъ правильное обученіе произойти, или нѣтъ? Хорошіе у меня нюансы въ діалектѣ выйдутъ, когда за дверью обученіе подслушиваютъ!»

Онъ отворилъ дверь. За дверью стояла Аграфена Митрофановна и нервно ковыряла пальцемъ въ носу.

— Ты меня что ль, Митрофановна? — спросилъ онъ. — А ко мнѣ обучающую французскаго языка изъ конторы прислали...

— Видѣла. И даже разговоры ваши подлые слышала, — отрѣзала Митрофановна.

— Какіе подлые разговоры? Что ты ошалѣла, что ль?

— Такіе. Жуликъ ты — и больше ничего. Тьфу!

Аграфена Митрофановна плюнула и поплыла къ себѣ въ спальню.

Андрей Никитичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и тоже плюнулъ.

— Никакихъ въ тебѣ умныхъ нюансовъ нѣтъ. Какъ была ты дура, такъ дурой до скончанія живота и останешься...

— Жу-ули-кы! — донеслось до него изъ спальни.

— Тьфу! Хороша у меня выйдетъ Европа съ такимъ замоскворѣцкимъ невѣжествомъ!

Андрей Никитичъ вернулся въ кабинетъ, захлопнулъ за собою дверь и подсѣлъ къ французенкѣ.

— Вы извините, мамзель, что я тамъ, по хозяйству, разговоры нѣкоторые...

— О, пожалость, — улыбнулась та, оглядывая снова своими бархатными глазками Андрея Никитича.

— Глупые разговоры, а нужные... даже безъ нюансовъ... а я васъ, мамзель, для чего изъ конторы выписалъ? Вы какъ полагаете?

— Мнѣ сказали, давать урокъ нашъ языкъ...

— Вуй! И самый правильный вуй! И давать уроки мнѣ...

— Вамъ, м-сье? Я думалъ, дѣти.

— А дѣтей-то у меня и нѣтъ, мамзель...

— Совсѣмъ нѣтъ?

— Совсѣмъ. За глупость. я такъ полагаю, жену Богъ наказалъ... Можете?

— О, съ большей удовольствій! — прищу-

рила та свои бархатцы: — большой лючки учить, чѣмъ дѣти!

— Еще бы! Большой-то много понятливѣ... маленькій-то вѣдь онъ что? Паршивецъ. У него вмѣсто урока-то баловство одно на умѣ, а большой безъ всякаго баловства можетъ... съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу... Меня, на-примѣръ, взять: я настойчивый... что захочу, безпремѣнно ужъ сдѣлаю... Память вотъ только у меня... у меня... не надѣюсь я на свою память.

— О, это ничего... это пойдетъ?—успокоила Ерепеньева француженка.

— Пойдетъ, вы думаете?

— Пойдетъ. Отлично пойдетъ...

— И чудесно! Мнѣ, главное, чтобъ нюансы у васъ перенять, потому я на выставку въ Парижъ ѣду.

— О, Пари!—вздохнула та:—первый городъ на свѣтѣ...

— Вавилонъ, что ужъ тутъ, — согласился Ерепеньевъ, рассматривая бѣлую шейку француженки:—издавна у насъ такая поговорка сложилась, что какъ пріѣдешь въ Парижъ, такъ на всю жизнь и угоришь... Хе-хе-хе... такъ, значить, рѣшено: я вашъ ученикъ съ нынѣшняго числа... такъ и запишемъ... вашу лапочку! Позвольте узнать, какъ ваше имя съ отчествомъ?

— Камилла Леонтьевна...

— Камилла? Очень хорошее имя... въ особенностях, ежели Камилочкой или просто Ми-

лочкой называть... можно Милочкой-то? А? Для сокращенія?

— Можно, можно,—смѣялась французенка:—Милочка? Это по-русски?

— По-русски. По-моему, мамзель, по-русски очень хорошо можно всякую мамзель называть?

— Корошо. Тре бьень... Милочка... Мило-чка,—растягивала французенка свое имя, играя бархатцами:—Ми-ло-чка... это я?

— Вы, вы...

— А вы, м-сье?

— Я? То-есть это вы насчетъ чего-съ?

— Вы какъ называйтъ?

— Андрей Никитичъ..

— Андре... Накитачъ?

— Никитичъ, Никитичъ.

— Натыкичъ?

— Не Натыкичъ, а Никитичъ... хе-хе-хе...

— Ха-ха-ха,—смѣялась мамзель:—нѣтъ, я не могу,.. Нитыкичъ... не могу... я лючки такъ: Андре́... да?

— Валяй!.. Для сокращенія это дѣйстви-тельно... Я васъ Милочкой, а вы меня Андре́... Что значить французская словестность-то? въ одинъ моментъ другъ-друга поймешь... Такъ вы, Милочка, того... когда меня обучать-то можете?

— Когда хотить...

— Такъ-съ. Завтра у насъ что?—порылся въ памяти Ерепеньева:—четвергъ, кажется? Четвергъ... день легкій. Такъ мы съ чет-

верга и начнемъ французить. Вечеромъ можете?

— О, да... когда хотить.

— Чудесно. Днемъ-то у меня дѣла всякія, а вечеромъ мы съ вами на просторѣ и того... пустимъ разные нюансы... Такъ вы ужъ завтра къ семи часамъ вечера пріѣзжайте, а насчетъ платы мы сойдемся: я торговаться съ хорошею мамзелью за грѣхъ считаю... Вы понимэ?

— Да, да. Мерси, м-сье Андре!

— Не стоить, мамзель Милочка!.. Вотъ какъ у насъ по-хорошему съ вами съ перваго знакомства пошло,—даже удивительно!.. Вашу лапочку!.. И лапочка у васъ этакая... съ нюансами тоже... хорошая лапочка... У одной французенки, которая года два тому назадъ у Омона пѣла, въ этомъ же родѣ лапки были... Жаль только, что по-русски она одно только слово «дуракъ» знала, а то быя давно по-французски обучилась... Такъ до завтра, мамзель Милочка?

— Да, да. Книжка надо купить. Шаландъ... я напишить, а вы купить...

— Шаландъ? А я возьму да вашу записку и потеряю... а то въ магазинѣ возьмутъ да другую вмѣсто нее всучать. А вы, Милочка, лучше сами купите... Вы сейчасъ куда? Домой?

— Домой.

— А вы гдѣ квартируете?

— На Тверская... меблированной комнатъ...

— И чудесно. А мнѣ въ городъ надо. Я

вась и довезу... до мебелированных-то... Вуй?

— Мерси, бьень...

— Не стоит... Крюкъ самый пустяковый... а вы завтра ко мнѣ съ книжкой... я сейчас...

Ерепьевъ отыскалъ супругу, жевавшую какую-то булку въ спальнѣ, и протянулъ ей руку.

— Ну, мать, прощай... въ городъ ѣду.

— Поѣзжай...

— А французенку-то я того... нанялъ для обученія... съ завтрашняго числа начнетъ...

Аграфена Митрофановна молчала.

— Книжку велѣла купить... учебательную... какъ ее, чорта?.. Ша... ша... шакаль... нѣтъ не шакаль... шапаль... тьфу! забылъ...

— Хорошо у тебя французское обученіе пойдетъ, когда ты даже книжку, какъ зовутъ, забылъ!—уязвила его супруга.

— У насъ пойдетъ! Дѣло не въ книжкѣ, а въ нюансахъ... Поняла?

— Поняла, что ты старый жуликъ и больше ничего! А только ежели я замѣчу, что французенка тебѣ какую глупость дозволить, я ее сейчасъ за косу и на мостовую! Такъ ты и знай.

— Дура!—пожалъ плечами Ерепьевъ:—то-есть никакого у этого идола сочувствія къ Парижу!

Ерепьевъ подхватилъ французскую мамзель и повезъ ее на Тверскую.

Пріѣхалъ онъ въ городъ часа въ два, по-

сидѣлъ съ минутку и къ сосѣду Двухутробину отправился.

— Гдѣ ты запропалъ?—спрашиваетъ тотъ:— я ждалъ-ждалъ завтракать, такъ одинъ и пошелъ...

— Дѣльце маленькое было... Этотъ, какъ его... Талантъ покупали...

— Ну, талантъ, братъ, никакими деньгами не купишь... это ужъ отъ Бога.

— А мы за цѣлковый купили...

— Талантъ? Ничего не понимаю.

— А еще французской словесности обучаешься... Книжку таланта не знаешь?..

— Шаландъ, а не талантъ...

— Все равно. Дѣйствительно Шаландъ, вспомнилъ я теперь. Нашелъ, братъ, я французенку для обученія...

— Да ну? Хорошую?

— Да ужъ вотъ какую... со всѣми нюансами: что глаза, что лапочки, что талія... и зовутъ Камиллой... съ завтрашняго числа начинаемъ обученіе, такъ что думаю вмѣстѣ съ тобой на выставку въ Парижъ шаркнуть...

— Молодецъ! Такъ хорошая, говоришь... обучательница-то?

— Съ большими способностями. Повезъ я ее, понимаешь, въ «Московскій» завтракомъ кормить, такъ она тамъ французза метрдотеля всего съ ногъ до головы французскими словами засыпала...

— Да, да, да... такъ вотъ ты съ кѣмъ завтракалъ-то...

— Нельзя, понимаешь, учителя не задо-
брить... не благородно... она, вонъ, прямо
изъ Парижа, со всею деликатностью, а я ей
свинство на первыхъ же порахъ? Кофей, братъ,
даже съ коньякомъ пьеть! Хорошая мамзель!

— Гмъ. А мнѣ, братъ, попалась старая и
безъ всякой тали. Взглянуть, понимаешь, не
на что... Ты бы мнѣ показать... эту... свою-
то... Камиллой ее словно?

— Камиллой. Да я ее просто Милочкой...
для сокращенія...

— Скоро что-то сокращать сталъ... Безъ
способностей она, должно-быть, поэтому и
сокращать себя дозволяетъ...

— Съ громадными, говорю, способностями.

— Ну, ты объ этомъ судить не можешь;
я могу, потому я съ мѣсяцъ учусь и хоро-
шимъ экспертомъ могу быть... Понялъ? По-
ѣдешь опять завтракать съ ней и меня при-
хвати... для экспертизы... Я, братъ, сейчасъ
увижу, настоящая она французская мамзель,
или только подъ-мамзель...

А Андрей Никитичъ въ отвѣтъ на эти
слова сложилъ изъ трехъ пальцевъ аллегориче-
скую фигуру и къ самому носу ее Двух-
утробину.

— Видѣлъ ты этотъ нюансъ?—говорить.

Пріѣхала на другой обучающія кѣ Ере-
пьеву и прямо къ нему въ кабинетъ.

Учили-учили французскую азбуку и чаю
себѣ съ коньякомъ потребовали.

Провожаетъ Андрей Никитичъ мамзель до передней, а изъ спальни возгласъ Аграфены Митрофановны несется:

— Жу-у-ули-икъ!

И до того это ему непріятно стало, что онъ сразу всю азбуку забылъ. Приѣзжаетъ на другой день мамзель, а онъ игрекъ за ижицу читаетъ, а це—«словомъ» называется.

— Давайте, — говорить, — Милочка, сначала...

А на третій день прямо заявилъ:—не лучше ли намъ прямо слова учить, безъ глупой азбуки?

Слова, такъ слова! Не все ли ей равно, лишь бы польза была...

— Я васъ люблю, напрімѣръ, — спрашиваетъ Андрей Никитичъ:—это какъ по-французски будетъ?

— Же ву зэмъ, м-сье Андрѣ! — это ему французенка-то, а сзади вдругъ Аграфена Митрофановна съ этакимъ лицомъ, на которомъ никакого портрета разобрать нельзя.

— Вонъ! — кричитъ, — или я изъ тебя всѣ жевуземы выдеру!

Такъ со скандаломъ мамзель и вылетѣла. А Андрей Никитичъ бѣгаетъ волкомъ по комнатѣ и ругается:

— Дурища! Идолъ! Всѣ мнѣ нюансы испортила! Ну, какъ я теперь на выставку поѣду?

А Аграфена Митрофановна на него напустилась:

— Жовуземщикъ, — кричитъ, — распутный!..
Я тебѣ покажу парижскую выставку!..

— Тьфу!..

Спустя недѣлю послѣ этого сидитъ Ерепьевъ съ Двухутробинымъ у Судакова на Варваркѣ и завтракаетъ.

— Ну, какъ французскій языкъ у тебя? — спрашиваетъ Двухутробинъ у Андрея Никитича: — насобачился, поди?

— Бросилъ, братъ...

— Ну? Что же такъ? Или способностей у твоей обучательницы нѣту?

— У меня памяти нѣтъ... Что нынче заучилъ, завтра забылъ. Такъ и плюнулъ на нюансы...

— Жаль! Значить, на выставку не поѣдешь?

— Поѣду.

— Безъ языка?

— Ну, вотъ, нашель тоже дурака!.. Съ ней же и поѣду... Съ Камиллой... Понялъ? И гораздо проще это, и жена не ругается!..
Ловко?

Двухутробинъ отъ такой «ловкости» Ерепьевева только затылокъ почесалъ.

Аграфена Митрофановна, конечно, будетъ съ парижскимъ зонтикомъ!..

МОГИЗ
изд. № 14

2. 6/10
примеч

50—

125134/575

2007466480